С. М. САМБУК

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. М. САМБУК

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Редактор
кандидат исторических наук
В. П. ПАНЮТИЧ

МИНСК
«НАУКА И ТЕХНИКА»
1980

9(С)15+9(С3)
С17

Рецензенты:
В. В. Чепко, доктор исторических наук,
Э. М. Савицкий, А. М. Соловьева,
кандидаты исторических наук

Самбук С. М.

С17 Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века/Ред. В. П. Панютич.— Мн.: Наука и техника, 1980.— 224 с.

Пер.: 1 р. 10 к.

Автор исследует политику самодержавия в Белоруссии в отношении антагонистических классов-сословий — дворянства и крестьянства в пореформенный период.

С $\frac{10604—060}{М316—80}$ 23—79 0505020000 9(С)15+9(С3)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение внутренней политики самодержавия второй половины XIX в. представляет несомненный научный интерес. Исследования в этой области помогут в решении проблемы генезиса абсолютизма в России и его социальной сущности, о чем шла продолжительная дискуссия в исторической литературе[1]. Успешная разработка истории социально-экономического развития и классовой борьбы в России также во многом зависит от исследования политики царизма.

Учитывая актуальность и недостаточную изученность вопросов, связанных с эволюцией абсолютизма и его политики, ЦК КПСС в Постановлении (1969 г.) об основных направлениях научно-исследовательской работы Института истории СССР и Института всеобщей истории АН СССР указал на важность разработки темы о политических институтах дореволюционной России[2].

Для исследования внутренней политики самодержавия неоценимое значение имеет наследие классиков марксизма-ленинизма. В их работах была вскрыта классовая сущность государства и политической власти. В «Манифесте Коммунистической партии» указывалось, что «политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого»[3]. В. И. Ленин, опираясь на теоретическое положение основоположников марксизма о государстве как органе «классового *господства»* и *«угнетения* одного класса другим»[4], развил эту теорию применительно к российскому государству. В ленинских работах содержится глубокий анализ классовой природы самодержавия, его эволюции, вскрывается классовая сущность проводимой им политики.

Развивая применительно к капиталистической Рос-

сии положение основоположников марксизма о том, что неограниченная монархия является диктатурой старого класса — феодалов, воплощением «старого общества внутри нового общества» [5], В. И. Ленин вскрыл социальную сущность российского самодержавия. Неоднократно он подчеркивал, что царизм имел основную социальную опору в лице российского поместного дворянства. Так, уже после свержения самодержавия В. И. Ленин писал о том, что до Февральской революции «государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего...» [6] Однако, подчеркивая феодально-крепостническую природу самодержавия и его стремление в первую очередь отстоять классовые интересы помещиков [7], В. И. Ленин в то же время обращал внимание на то, что политика царизма не всегда и не во всем полностью соответствовала интересам всего господствующего класса, в данном случае поместного дворянства. В. И. Ленин сделал вывод о том, что дворянское самодержавие уже во второй половине XIX в. вынуждено было в своей политике учитывать и интересы определенных кругов буржуазии. В условиях развивающегося капитализма правительство не могло полностью игнорировать эти интересы. Именно давление буржуазии на правительство и определяло «буржуазный характер его политики» [8].

Буржуазные черты в политике царизма дали основание В. И. Ленину выделить период 1861—1904 гг. в истории русского абсолютизма и определить его как первый шаг самодержавия в сторону буржуазной монархии [9]. Начало этого периода В. И. Ленин связывал с отменой крепостного права [10]. Он вскрывал и причины, которые вынудили самодержавие сделать этот шаг. Объективный процесс развития капитализма и сложившаяся в стране на рубеже 50—60-х годов XIX в. революционная ситуация обусловили эволюцию русского абсолютизма в сторону буржуазной монархии.

В. И. Ленин отмечал «сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства» [11] и ограниченность этого шага в сторону буржуазной монархии. В России и после отмены крепостного права сохранялись многие пережитки феодализма, которые тормозили экономическое

и политическое развитие страны по пути капитализма. Устойчивость этих пережитков была связана с господством помещичьего землевладения [12]. Самым крупным пережитком крепостничества в политической надстройке являлось самодержавие: «...Именно самодержавие воплощает в себе... всю отсталость России, все остатки крепостничества, бесправия и «патриархального» угнетения...» [13] Являясь анахронизмом, оно противоречило «всему строю капиталистической России, всем потребностям ее буржуазно-демократического развития» [14].

Для исследования внутренней политики царизма важное значение имеет марксистско-ленинское положение о реформах как побочном продукте революционной борьбы [15]. В. И. Ленин, вскрывая буржуазную сущность реформ 60-х годов и причины, их породившие, указывал на силу экономического развития, «втягивавшего Россию на путь капитализма» [16], как на основной фактор, вынудивший правительство пойти на отмену крепостного права, а следовательно, и на другие последовавшие за ним преобразования. Но при этом он подчеркивал, что «классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и *в конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований» [17].

Относя период с 1861 по 1895 г. к буржуазно-демократическому этапу освободительного движения [18] и указывая на три основных лагеря (дворянско-монархический, либерально-буржуазный и революционно-демократический), действовавших на арене политической борьбы в эти годы, В. И. Ленин указывал, что водораздел в этой борьбе проходил между демократическим лагерем и двумя остальными.

Дворянско-монархический и либерально-буржуазный лагери были представлены главным образом поместным дворянством, так как буржуазия России в XIX в. еще не выступала в качестве оппозиционной силы. Хотя между этими двумя лагерями существовали разногласия, они не носили антагонистического характера. Несмотря на раскол во второй половине XIX в. под влиянием капитализма феодального класса-сословия дворян на крупную земледельческую буржуазию, входившую в либерально-буржуазный лагерь, и на дворян-полукрепостников, со-

ставлявших дворянско-монархический лагерь, оба эти слоя помещиков были тесно связаны между собой. Основой могущества и тех и других продолжало оставаться феодальное землевладение. Поэтому В. И. Ленин, указывая на наличие в этот период среди господствующих классов двух политических лагерей — реакционного и либерального, в то же время подчеркивал, что у составляющих эти лагери помещиков было много общего: «Убеждения у господ дворян одинаковы у всех... Все твердо верят в свое «священное право» на сотни или тысячи десятин земли, награбленной предками или пожалованной грабителями, в право эксплуатировать крестьян и играть господствующую роль в государстве, в право на самые жирные (а при нужде и нежирные) куски казенного пирога, т. е. народных денег. Расходятся же они только в мнениях о целесообразности отдельных мероприятий...» [19] Дворянство, независимо от принадлежности к различным общественно-политическим лагерям, панически боялось революции и народных масс, выступая в борьбе с ними как единая сила.

Помещикам противостояло все крестьянство, составлявшее демократический лагерь, возглавляемый революционерами-разночинцами. Хотя под влиянием развивавшегося капитализма происходило разложение крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, против помещиков и остатков феодализма выступало все крестьянство. В. И. Ленин указывал: «Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом,* именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием» [20].

Анализ В. И. Лениным различных аспектов политики царизма второй половины XIX в. является блестящим образцом творческого применения положения марксизма о народных массах как творцах всех преобразований и о реформах как побочном продукте революционной борьбы. Он показал, как сложившаяся на рубеже 50—60-х годов первая революционная ситуация вынудила правительство Александра II пойти на ряд буржуазных реформ: отмену крепостного права, земскую, городскую, цензурную, военную и судебную. Он вскрыл истинное место и значение различных политических группировок в проводимых преобразованиях, разоблачал царизм, ко-

торый перед лицом опасности придерживался тактики, которую выработал «коллективный опыт и коллективный разум» правящих классов, «беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных»[21]. В руках самодержавия реформы становились орудием укрепления его позиций, являясь мерой, «предохраняющей правящие классы от падения»[22].

На примере отношения самодержавия к земству В. И. Ленин показал, как спад революционного движения в стране использовался властью для перехода в контрнаступление, когда не только жестоко подавлялось массовое народное движение, но и отнимались незначительные уступки, на которые правительство пошло в угоду либералам. Именно такими периодами реакции в правительственной политике были годы между двумя революционными ситуациями, а также с 1881 г. и до середины 90-х годов.

Исследование политики самодержавия подразумевает анализ целей и задач, которые преследуются государством и господствующими классами в их борьбе за свои интересы, а также методов и средств, при помощи которых эти интересы охраняются и защищаются.

Изучение пореформенной внутренней политики самодержавия началось еще во второй половине XIX — начале XX в. Апологеты царизма И. П. Корнилов[23] и А. И. Миловидов[24] опубликовали несколько статей и брошюр о правлении краем М. Н. Муравьева, которые носили больше публицистический, чем исследовательский характер. Написанные с реакционных позиций, они преследовали вполне определенную политическую цель — возвеличить виленского генерал-губернатора, задушившего восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве, и оправдать его крайне реакционную политику. В этот же период издается целый ряд работ, посвященных истории разработки и претворения в жизнь буржуазных реформ 60-х годов XIX в.[25] В них с буржуазно-либеральных позиций оценивались как сами реформы, так и царствование Александра II, которое определялось как эпоха «ве-

ликих реформ». Все эти работы были написаны как на основании опубликованных, так и неопубликованных источников и представляют несомненный интерес заключенным в них большим фактическим материалом. Подробно освещая историю разработки проектов реформ и борьбу вокруг них в правительственном лагере, авторы переоценивали роль земской оппозиции, либеральной печати и «либеральной» бюрократии 60-х годов и фактически игнорировали революционную борьбу масс и революционных демократов. Не затрагивали они и вопрос о проведении тех или иных реформ в условиях Белоруссии.

Советские историки вплотную занялись изучением внутренней политики царизма во второй половине XIX в. лишь в послевоенные годы. Ими исследуются как отдельные вопросы из истории внутренней политики, так и различные периоды ее. Наибольшее внимание исследователей привлекла политика самодержавия в области аграрных отношений. Монографии П. А. Зайончковского, В. Г. Чернухи, статьи Е. М. Брусникина и М. С. Симоновой[26] раскрывают сущность, направление и итоги правительственной политики в аграрном вопросе в России. В работах Ю. Б. Соловьева, А. П. Корелина исследуется политика царизма в дворянском вопросе[27]. Исследования Б. В. Виленского, В. В. Гармизы, Л. Г. Захаровой, И. В. Оржеховского, П. А. Зайончковского, С. Н. Валка, В. Г. Чернухи посвящены как отдельным вопросам внутренней политики самодержавия второй половины XIX в., так и определенным периодам этой политики[28].

Написанные на основе марксистско-ленинской методологии с привлечением большого фактического материала, как опубликованного, так и неопубликованного, эти работы характеризуются глубокими выводами и обобщениями, тесным увязыванием политики самодержавия с социально-экономическим развитием страны и политической борьбой в ней. Они раскрывают общее направление политики и ее классовую сущность, характеризуют основные этапы ее развития.

В белорусской историографии освещение получила аграрная политика царизма. Так, монографии М. Б. Фридман и Н. Н. Улащика посвящены разработке и предпосылкам крестьянской реформы 1861 г.[29] Ис-

следованием вопросов, связанных с реализацией крестьянской реформы в Белоруссии, занимались М. Б. Фридман, М. Ф. Шпаков [30]. В ряде статей А. В. Полонского анализируется борьба в Белоруссии вокруг сервитутов и политика правительства в этом вопросе [31]. Л. П. Липинский и В. П. Панютич [32], посвятившие свои работы исследованию развития капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, не могли пройти мимо правительственной политики в аграрном вопросе. Особый интерес для нашей темы имеет статья В. П. Панютича «К вопросу о поземельной политике царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.» [33], где исследуется влияние аграрной политики на перераспределение земельной собственности в Белоруссии. П. Д. Верещагин [34], анализируя аграрные миграции крестьянства Белоруссии в период капитализма, останавливается и на отношении царизма к переселению крестьян за Урал, в Сибирь.

Исследовавший историю восстания 1863 г. в Белоруссии и Литве, А. Ф. Смирнов в своей монографии [35] осветил и репрессии самодержавия против повстанцев.

В двух статьях Ф. Р. Белевича [36] показано, как восстание 1863 г. и недоверие царского правительства к польскому дворянству побудили самодержавие внести изменения в судебную реформу 1864 г. при распространении ее на Белоруссию и отложить введение здесь института земских начальников.

Заслуживает внимания и дальнейшей разработки вопрос об отношении самодержавия к различным классам в Белоруссии, в том числе к дворянству и крестьянству. Политика царизма в отношении этих двух антагонистических классов-сословий была взаимообусловлена, особенно в аграрном вопросе.

Осношение самодержавия к различным социальным и национальным группам дворянства Белоруссии, а также к местному крестьянству и приравненным к нему группам сельского населения (однодворцы, вольные люди, чиншевики и старообрядцы) является темой настоящей работы. В ней делается попытка проследить трансформацию крестьянской и дворянской политики царизма в

Белоруссии под влиянием подъема революционного и национально-освободительного движений в годы двух революционных ситуаций и в периоды спада этих движений, когда в России воцарялась политическая реакция.

Начальной датой исследования стал 1861 г., когда в стране на смену феодализму пришел капитализм, а самодержавие сделало первый шаг в сторону буржуазной монархии. Заканчивается исследование серединой 90-х годов. В это время капитализм в России вступал в свою последнюю, империалистическую стадию, а в освободительном движении начался новый, пролетарский этап.

Политика самодержавия в Белоруссии разрабатывалась в Петербурге несколькими министерствами и такими комитетами, как Западный, Главный комитет об устройстве сельского состояния, а также Комитетом министров и Государственным советом, документы которых хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР).

В 1862 г. в связи с подъемом освободительного движения на западных окраинах империи был вновь образован Западный комитет (ф. 1267 ЦГИА СССР). Он создан в 1831 г. в связи с польским национально-освободительным восстанием 1830—1831 гг. и просуществовал до 1848 г. Цель его возобновления — обсуждать предположения и меры, относившиеся «к сближению» западных губерний с остальными частями империи и к «водворению и упрочению в сих губерниях спокойствия» [37]. Председателем его был назначен П. П. Гагарин, возглавлявший одновременно и Комитет министров. В Западный комитет входили руководители всех основных министерств и ведомств: министр внутренних дел, военный министр, министр государственных имуществ, министр просвещения, министр финансов, а также шеф жандармов и обер-прокурор синода. Он обладал законосовещательными правами. За время существования комитетом были рассмотрены всевозможные предложения и представления по управлению краем и законодательству, имевшие касательство к западным губерниям, представленные министерством внутренних дел, виленским и ки-

евским генерал-губернаторами, высказывались соображения по обсуждаемым вопросам и представлялись на утверждение царя. После подавления восстания комитет был закрыт. 22 декабря 1864 г. состоялось его последнее заседание.

Значительно большую роль в формировании правительственной политики в Белоруссии сыграло министерство внутренних дел (ф. 1282 ЦГИА СССР), такой его отдел, как земский (ф. 1291 ЦГИА СССР). Министерство государственных имуществ ведало государственными крестьянами и казенными имениями. Поэтому ему принадлежала инициатива в разработке политики в отношении этого разряда крестьян. Велика была роль министерства в насаждении в западных губерниях русского землевладения. В делах, затрагивавших интересы казны и финансов, большую роль играло министерство финансов.

Все министры имели право законодательной инициативы и власть исполнительную. По их предложениям и проектам разрабатывались законы и поступали по инстанции на утверждение царя через Западный комитет, Главный комитет об устройстве сельского состояния (ЦГИА СССР, ф. 1181), Комитет министров (ЦГИА СССР, ф. 1263), Государственный совет и его департаменты (ЦГИА СССР, ф. 1152, 1149, 1151).

Большую роль в выработке крестьянской политики в Белоруссии играл Главный комитет об устройстве сельского состояния. Созданный в 1861 г. в связи с отменой крепостного права, он был призван заниматься составлением и предварительным обсуждением проектов реформ для еще не затронутых реформой 19 февраля 1861 г. разрядов сельского населения и наблюдать за ходом крестьянского дела в стране. В делах законодательных он являлся законосовещательным органом, куда входили со своими представлениями соответствующие министерства.

Местная администрация в лице виленских генерал-губернаторов[38] и губернаторов[39] являлась властью исполнительной. Они должны были проводить в жизнь политику, выработанную в Петербурге, а также входить со своими предложениями в правительство через своего непосредственного начальника — министра внутренних дел.

Во всех этих учреждениях отложились документы, которые дали возможность осветить правительственную политику в дворянском и крестьянском вопросах в Белоруссии во второй половине XIX в.

Документы, характеризующие политическую обстановку в этот период Белоруссии, помимо фондов канцелярий министерства внутренних дел и виленского генерал-губернатора, хранятся также в фонде III отделения собственной его императорского величества канцелярии [40].

Годовые отчеты местной администрации Белоруссии (губернаторов, генерал-губернаторов), их «всеподданнейшие» записки дают представление о политическом состоянии в крае и о его оценке местными властями, о причинах, побуждавших эти власти выступать с законодательной инициативой в дворянском или крестьянском вопросах. Они позволяют также оценивать отношение местной администрации к отдельным классам и сословиям Белоруссии на различных исторических этапах и отношение последних к царизму. Дополняют эти документы записки местного дворянства виленскому генерал-губернатору и министру внутренних дел, в которых формулируются требования господствующего класса Белоруссии. Различные проекты законов, мнения о них отдельных ведомств и лиц, ход их обсуждения в различных инстанциях, пометы на них царей, отложившиеся в центральных правительственных учреждениях, дают возможность составить представление о реакции самодержавия на развитие общественно-политического движения в Белоруссии, о сменах курса политики царизма в отношении русского и польского дворянства, а также белорусского крестьянства и приравненных к нему других категорий сельского населения и о причинах, побуждавших царизм менять этот курс.

1 ГЛАВА

САМОДЕРЖАВИЕ И ДВОРЯНСТВО

1. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 60-х ГОДОВ XIX в.

По сравнению с Россией и всей Европой в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине, которые во всех правительственных документах фигурируют как западные губернии (или Западный край), процент дворян среди населения был значительно выше [1]. По данным министерства юстиции, в 1858 г. в 49 губерниях Европейской России проживало до 305 тыс. дворян мужского пола, из них на долю 9 западных губерний приходилось более 192 тыс. человек [2]. Таким образом, почти 2/3 дворян Европейской России проживало на территории Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Удельный вес дворян среди населения составлял в Виленской губ. 6,04%, в Гродненской —4,9, в Минской —6,03, в Могилевской — 4,19, в Витебской — 3,8% [3].

Однако в национальном и социальном отношениях местное дворянство было неоднородным. Большинство дворян было местного, белорусского происхождения, и только часть их переехала главным образом из великорусских губерний, Прибалтики (прибалтийские, или, по терминологии того времени, остзейские немцы) и Польши. Имелась здесь и незначительная прослойка дворян из татар. Однако царизм, не признававший факт существования белорусской нации и причислявший уроженцев Белоруссии к русским, относил дворян из белорусов в зависимости от вероисповедания к русской нации (православных) либо к полякам (католиков). Поэтому в официальных документах интересующего нас периода мы не найдем такого понятия, как «белорусский дворянин», «белорусский помещик». В них обычно дворяне фигурируют как лица «польского» и «непольского» («русского»,

«остзейского») происхождения. Прибегая в свою очередь к терминологии правительственных документов, мы обращаем внимание читателей на условность деления местного дворянства на «поляков» и «русских». В первом случае речь идет не столько о поляках по национальности, сколько об ополяченных белорусах-дворянах, а во втором — о дворянах православного вероисповедания, русских и белорусах по национальности.

По социальному положению дворяне, владевшие землей и крестьянами, по приблизительным подсчетам В. М. Зайцева, к 60-м годам XIX в. составляли около 14% дворянского сословия белорусско-литовских губерний [4], которые по принятой в это время официальной терминологии назывались северо-западными губерниями или Северо-Западным краем.

Остальные 86% дворян края либо имели в своей собственности небольшие участки земли, либо арендовали ее у помещиков, либо добывали средства к существованию службой или работой по найму. Всех этих дворян связывало с помещиками лишь их сословное происхождение. По своему социальному положению они были близки к различным слоям местного населения — к крестьянам, ремесленникам, разночинцам и т. д.

В правительственных документах этого периода местное дворянство фигурирует как собственно дворянство и как шляхта. К дворянам правительство относило помещиков и тех чиновников и офицеров, чьи предки владели населенными крестьянами имениями. Под шляхтой подразумевались все те, кто не владел земельной собственностью или имел в собственности землю, но не населенную крестьянами [5].

Поместное дворянство Белоруссии и после реформы 1861 г. занимало господствующее положение в землевладении, сосредоточив в своих руках более половины земельной площади и 91,1% всей частновладельческой земли [6]. Доминирующее положение среди поместного дворянства занимали владельцы крупных имений размером более 500 дес. земли. Составляя в 1877 г. 7,8% всех владеющих землей на правах частной собственности, они сосредоточивали в своих руках 84,3% всей частновладельческой земли [7].

Среди местных помещиков преобладали дворяне, которых правительство относило к лицам «польского про-

исхождения», хотя в большинстве своем они являлись, как уже отмечалось, ополяченными белорусами. По данным министерства внутренних дел, в 1862 г. в Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской губерниях из 9929 проживавших в них помещиков 9261 являлись дворянами «польского происхождения». В их владении до отмены крепостного права находилось 1 131 669 душ крестьян, что составляло 77% всех владельческих крестьян этих губерний. Этим помещикам принадлежало 94,7% личного частного землевладения. Наибольший удельный вес непольских помещиков был в Витебской губ. (12,55%), неименьший — в Минской губ. (1,89%) [8].

Вместе со всем дворянством России «первое сословие» Белоруссии в этот период проявляло недовольство политикой царизма. В его среде в начале 60-х годов наблюдалось оживление общественной жизни, которое вылилось в открытую оппозицию части дворянства. Однако переплетение различных оттенков оппозиционных настроений в среде дворянства Белоруссии было более сложным, чем в великороссийских губерниях, что являлось следствием национальной и социальной неоднородности дворянского сословия северо-западных губерний.

Оппозиционные настроения среди помещиков Белоруссии берут свое начало еще со времени разработки условий отмены крепостного права, когда поместное дворянство выступило со своими проектами освобождения крестьян. Правительство, вынужденное пойти на ликвидацию крепостного права, постаралось учесть интересы поместного дворянства. За ним признавалось право на всю землю имения. Благодаря сохранявшимся многочисленным остаткам прежней системы внеэкономического принуждения помещики получали возможность вести хозяйство, используя труд бывших крепостных, не прибегая сразу после отмены крепостного права к найму вольнонаемных рабочих. Правительство побеспокоилось и об обеспечении помещиков дешевыми рабочими руками, привязав крестьян нищенскими наделами к имению и запретив им в течение 9 лет отказываться от этих наделов. Высокие, несоразмерные с количеством и качеством земли, выкупные платежи с крестьян давали землевладельцам капиталы, необходимые для перестройки хозяйства на капиталистических началах. Наконец, по-

мещики в лице своих представителей — мировых посредников и членов от поместного дворянства в местных по крестьянским делам учреждениях должны были проводить реформу в жизнь.

Однако помещикам этого было мало, так как правительство, боясь аграрной революции, не решалось полностью удовлетворить все их требования [9]. Это дало поместному дворянству основание обвинять правительство в том, что оно якобы не знает нужд землевладельцев и не желает считаться с их мнением [10]. Немалую роль в возникновении оппозиционных настроений в среде поместного дворянства сыграло неутихавшее и после отмены крепостного права крестьянское движение и неумение правительства справиться с ним. Уступки крестьянам, на которые было вынуждено идти самодержавие под влиянием восстания 1863 г., усилили недовольство. Помещики стали жаловаться на «разорение», на «покушение» на частную собственность и т. д. В этом отношении очень характерна записка неизвестного помещика из северо-западных губерний Александру II. Ее автор обвинял правительство в том, что своими распоряжениями оно нарушало «основную мысль всего законодательства 19 февраля» и «неприкосновенность права собственности помещиков на все принадлежащие им земли», тем самым якобы «развивая в народе всегда таившееся в нем желание завладеть чужой собственностью», и предупреждал царя, что такая политика приведет к «кровавым распрям» между помещиками и крестьянами [11].

Политика самодержавия в аграрном вопросе была одной из причин одновременного выхода в отставку всех выборных представителей дворянства Гродненской губ. в марте 1863 г. [12] Это недовольство политикой правительства в крестьянском вопросе было общим для всего поместного дворянства Белоруссии независимо от его национальности.

Оппозиция местных польских помещиков была еще более глубокой и серьезной, чем их русских собратий. У них оппозиционные настроения усугублялись национальным вопросом и ростом национально-освободительного движения, которое в начале 60-х годов охватило все западные губернии. Польские помещики считали Польшу своей родиной, а Белоруссию и Литву — ее провин-

циями. Отход этих территорий от Польши и воссоединение их с Россией для них были только актом насилия [13]. Польские помещики выступали за присоединение белорусских, литовских и украинских земель в административном отношении к Царству Польскому. Эти требования польских помещиков Белоруссии особенно ярко проявились в тех проектах адресов, которые они составляли и пытались подать на имя Александра II в 1861—1862 гг. [14]

Отношение поместной шляхты западных губерний к польскому освободительному движению в годы первой революционной ситуации, которое на этот раз было направлено не только против национального, но и социального гнета, было неоднозначно. Польские помещики готовы были поддержать национальную программу движения, выступая за возрождение Польши в границах 1772 г., т. е. за включение в состав польского государства белорусских, литовских и частично украинских земель. Но для них были совершенно неприемлемы социальные лозунги движения — ликвидация сословных привилегий, наделение крестьян землей. Сама мысль о вооруженной борьбе против самодержавия претила поместному дворянству и его партии «белых». Как писал брестский помещик А. Гофмейстер, из них «революции не желал никто, ибо она предвиделась в характере социальном» [15]. Они надеялись добиться своих целей путем переговоров и торгов с царизмом, с помощью дипломатической поддержки западных держав. Близко знавший деятелей польской помещичьей оппозиции Белоруссии и Литвы участник восстания 1863 г. Е. Кучевский-Порай писал в своих воспоминаниях, что «главной основой» партии «белых» была «легальность, т. е. война с русскими (с царским правительством.— *С. С.*) на законной почве или на почве от них же получаемых милостей» [16]. Лишь незначительная часть польского помещичьего лагеря была согласна на вооруженную интервенцию со стороны западноевропейских государств [17].

Только угроза перерастания восстания 1863 г. в аграрную революцию вынудила часть польских помещиков присоединиться к вооруженной борьбе с царизмом ради того, чтобы вырвать руководство ею из рук демократов, лишить восстание социальной направленности, придав ему вид вооруженной демонстрации, дав тем

самым западным государствам предлог для вмешательства в решение так называемого польского вопроса. Однако кратковременное участие поместного дворянства в восстании ограничивалось главным образом материальной помощью повстанцам и согласием принять на себя обязанности членов нелегальных органов власти. Еще шли бои и «белые» находились у кормила восстания [18], а наиболее «дальновидные» из числа крупных польских землевладельцев, не веря в победу восстания, уже начали торг с генерал-губернатором о цене своего предательства, обещая ему выдать «коноводов» восстания в обмен на амнистию и защиту от восставших [19]. Поэтому неудивительно, что при первых признаках поражения восстания польские помещики поспешили отойти от него, и виленскому генерал-губернатору не составило особого труда склонить их к подписанию адреса на имя царя. К ноябрю 1863 г. под адресом подписалось 15 тыс. дворян северо-западных губерний. «Смуты революции,— каялось виленское дворянство,— вовлекли многих из дворян Виленской губ. к нарушению верноподданной присяги». Отвергая действия революционной партии, они просили о снисхождении и клялись в верности на будущее. А гродненские дворяне писали царю, что, «составляя одно целое и нераздельное с Россией, дворянство Гродненской губ. отвергает всякое участие в революционных действиях и осмеливается просить... милосердия» [20].

Таким образом, когда польским помещикам пришлось выбирать между возрождением Польши и сохранением собственных имений, они без колебаний выбрали последнее, предав восстание.

Позицию польского поместного дворянства Белоруссии и Литвы в вооруженной борьбе с царизмом поддерживало высшее католическое духовенство. Пока не началась вооруженная борьба, оно готово было поторговаться с царизмом, но, как только началось восстание, оно встало на сторону власти, призывая повстанцев сложить оружие [21].

Что касается помещиков русской и других национальностей, то они относились к идеям польского национально-освободительного движения и к восстанию враждебно, но предпочитали до победы царских войск над повстанцами не высказывать своего осуждения

восстанию и ждать для этого более благоприятных времен, за что их неоднократно упрекал виленский генерал-губернатор Муравьев [22].

Мелкая шляхта была неоднородна в имущественном отношении. Меньшая ее часть под влиянием развивавшегося капитализма превращалась в зажиточных хозяев. Основная масса разорялась, пополняя ряды безземельного населения. Обследовавший Гродненскую губ. офицер генерального штаба П. Бобровский писал, что шляхта «расселена по городам, местечкам и селам. Некоторые содержат в аренде фермы, помещичьи имения и разные оброчные статьи; другие служат у помещиков, занимая должности экономов, управителей, конторщиков, писарей и проч.; наконец, третьи, и едва ли это не наибольшее число дворян, занимаются сельским хозяйством, составляя целые дворянские околицы, и своим бытом и образом жизни стоят на одной ступени с крестьянами» [23]. О бедственном положении безземельной шляхты, вынужденной кочевать с места на места в поисках работы, писал виленский губернатор [24]. Испытывая постоянные материальные лишения и эксплуатацию, эта шляхта, однако, не сливалась с крестьянами в силу некоторых прав и преимуществ привилегированного сословия. Она остро реагировала на тот национальный гнет, которому подвергалось польское (ополяченное) население Белоруссии, и связывала улучшение своего экономического и социального положения с возрождением Польши. Поэтому эта часть дворянства всегда активно участвовала во всех польских восстаниях с конца XVIII в. вплоть до последнего восстания 1863 г.

Правительство еще после восстания Т. Костюшко попыталось, хотя и неудачно, сократить число неимущих дворян на западных окраинах империи, выселив часть мелкой шляхты на украинские и крымские земли. В 1825 г. мелкая земельная шляхта была обложена натуральными повинностями наравне с государственными крестьянами. По указу 19 октября 1831 г. беднейшая часть шляхты, не утвержденная в дворянском звании герольдией, переводилась из дворян в сословие однодворцев или граждан [25]. Для утверждения в дворянстве необходимо было представить в течение трех лет документы, подтверждавшие право шляхтича на

наследственные земли, населенные крепостными, или принадлежность к шляхте во времена Речи Посполитой. Большинство мелких шляхтичей не имело необходимых документов на руках. А для их розыска в архивах требовались время и немалые деньги, которых у них не было. Даже к 60-м годам, по данным министерства юстиции, около 200 тыс. шляхты мужского пола во всех 9 западных губерниях не смогли представить документов о своем дворянском происхождении [26]. Хотя разбор шляхты был далеко не закончен, но уже к этому времени лишились сословных привилегий тысячи шляхтичей [27], над другими эта угроза еще висела. Поэтому, как писал виленский генерал-губернатор Муравьев, все они готовы «по первому призыву злонамеренных людей нарушить спокойствие и ратовать за свои прежние утраченные права» [28]. Их привлекали к восстанию его национальные и социальные лозунги, обещавшие свободу от национального гнета, равенство перед законом и землю. Поэтому они охотно шли в повстанческие отряды.

Но самые последовательные и непримиримые враги самодержавия находились в тех слоях местного дворянства, которые заполняли государственные и частные учреждения края, средние и высшие учебные заведения и из которых формировалась местная интеллигенция. Происходя из малоземельных и безземельных дворян, зарабатывая средство к жизни своим собственном трудом, эти дворяне постепенно теряли связь со своим сословием, являясь по своему социальному положению разночинцами.

Экономическое и отчасти политическое положение этих слоев малоимущей шляхты сближало их с демократическими слоями белорусского населения. Их представители первыми из местного дворянства ощутили свою кровную связь с белорусским народом, из них стала формироваться белорусская разночинная интеллигенция.

Из рядов деклассированного дворянства вышли первые белорусские революционные демократы, а также руководители и идеологи восстания 1863 г., командиры повстанческих отрядов. Учащаяся молодежь, мелкое чиновничество, офицеры вели пропаганду среди крестьян, шли в повстанческие отряды. Они составили

более 21% всех участников восстания. Деклассированное дворянство, добывавшее средства к жизни трудом, являлось основной движущей силой восстания. На его долю приходилось более 70% всех участников повстанческого движения и революционных организаций в Белоруссии [29]. Этот слой дворянства не шел на компромисс с царизмом. «Chorągiew swobody», орган Литовского провинциального комитета, возглавляемого К. Калиновским, называл дипломатические переговоры с кем бы то ни было «общественными спекуляциями» и решительно отвергал их, всецело ориентируясь на восстание [30].

Хотя не все шляхтичи Белоруссии, восставшие против царизма, стояли на последовательно демократических позициях в аграрном и национальном вопросах, они взялись за оружие ради ликвидации царизма, за установление республики, за свободу и равенство народов будущей Польши. Они надеялись в совместной борьбе с польским народом добиться свободы и для своей родины. В этой борьбе они видели в русском народе своего союзника. «Мы считаем своими врагами не русский народ, а русское правление»,— говорил на следствии повстанец И. Пекарский [31]. А арестованный С. Туровский, как и многие повстанцы-демократы из шляхты, был убежден, что «не только Литва и Польша восстанет, но и весь русский народ тоже недоволен на правительство» [32].

Таким образом, царское правительство в годы революционного подъема столкнулось в Белоруссии с широким оппозиционным движением среди местного дворянства. Однако уже тогда это был в идейном отношении не единый лагерь. Те внутренние противоречия, которые раздирали его, отражали неоднородность социально-экономического положения его участников.

Противоречия между помещичьим лагерем и царизмом не носили антагонистического характера. Не только с русскими, но и с польскими землевладельцами самодержавие могло бы прийти к соглашению при определенных уступках со стороны правительства. Только отсутствие гибкости у царизма, не желавшего идти ни

на какие уступки в национальном вопросе польскому поместному дворянству, и социальная направленность восстания вынудили часть польских помещиков временно перейти в демократический лагерь. Напротив, малоземельная и безземельная шляхта и вышедшая из нее интеллигенция, чиновники, служащие с самого начала оказались в демократическом лагере, не шедшем на компромиссы и соглашение с царизмом. Поэтому правительство и в Белоруссии в годы революционной ситуации имело реальную возможность проводить дифференцированную политику в дворянском вопросе, жестоко расправляясь лишь с последовательными и непримиримыми своими политическими противниками и идя на незначительные уступки оппозиционному поместному дворянству.

Правительство знало не только о социальной неоднородности дворянства Белоруссии, но и было осведомлено о существовавших в нем различных политических группировках и о готовности польской аристократии идти на соглашение с царизмом. Еще в 1862 г. начальник IV округа (в него входила и Белоруссия) корпуса жандармов А. М. Гильдебрант доносил в III отделение о наличии в крае партии «красных», которая состояла «из мелких дворян, незначительных чиновников, ксендзов, студентов, гимназистов, женщин», и «умеренной партии», «к которой принадлежит почти все образованное, зажиточное дворянство Западного края и лучшая часть католического духовенства»[33]. В апреле 1863 г. виленский генерал-губернатор В. И. Назимов сообщал шефу жандармов о предложении некоторых помещиков, «принадлежащих к партии аристократической», обеспокоенных развитием «демократически-социальной пропаганды» и заинтересованных в ограждении «личных своих интересов» и «прав собственности», содействовать правительству «к обнаружению главных вожатаев революционной партии и подавлению в крае мятежного движения»[34].

Однако напуганные ростом польского национально-освободительного движения в годы первой революционной ситуации местные власти и правительство недооценивали значения безземельного и малоземельного дворянства и партии «красных» для готовившегося восстания. Так, тот же Гильдебрант, в обязанности

которого входило следить за политическим состоянием края, уверял свое начальство за месяц до восстания, что «здесь партия «красных» малочисленна, не имеет систематической между собой связи и еще пока нисколько не опасна». По его мнению, «красные» «могут произвесть какое-либо местное минутное замешательство или даже совершить исподтишка убийство, но ничего важного предпринять не в состоянии» [35]. Напротив, «белые» лишь «притворяются, будто не имеют никакой надежды на соединение Западного края с Польшей». С точки зрения жандарма, за сдержанностью, умеренностью и консервативностью партии помещиков скрывается «зрело обдуманный вероломный умысел» [36], направленный на организацию восстания и привлечение к нему крестьян. О том же писал виленский генерал-губернатор Назимов, утверждавший, что именно поместное дворянство является «главным виновником» всех политических событий в крае [37].

Такой взгляд на значение польских помещиков в освободительном движении в годы первой революционной ситуации в правительственных кругах сформировался под влиянием нескольких обстоятельств. Так, царизм исходил из уроков двух предыдущих восстаний, в которых именно польскому поместному дворянству принадлежала ведущая роль. Как писал тот же Назимов, оно принимало «постоянно деятельное участие в политических беспорядках» в крае [38]. Кроме того, с точки зрения правительства, экономическое и политическое влияние польских помещиков давало им возможность диктовать свою волю слоям не только польского населения, но и белорусским крестьянам, которые от них экономически зависели, и вовлекать их в борьбу против правительства под лозунгами «белых» [39]. У местных же «белых» были постоянные контакты с аристократической эмиграцией [40], которая прилагала немало усилий для того, чтобы побудить западноевропейские правительства вмешаться в польский вопрос и вынудить царизм пойти на уступки. Эти связи польской аристократии с многими правительствами Западной Европы беспокоили царизм и преувеличивали в его глазах значение «белой» партии для освободительного движения.

Все это заставило правительство вопреки действи-

тельному соотношению политических сил считать накануне восстания высшее дворянство «главным двигателем» движения, а беспоместную шляхту и вышедшую из нее интеллигенцию, чиновничество всего лишь «сбродом», их «чернорабочими», «слепыми орудиями политических интриганов»[41].

Однако накануне восстания правительство сделало несколько робких попыток ослабить оппозиционность самой консервативной части «белых», пойдя на незначительные уступки ей. Очевидно, с этой целью министр внутренних дел П. А. Валуев просил гродненского и минского предводителей дворянства В. Старжинского и А. Лаппо изложит в письменном виде причины недовольства местных помещиков. Он же устроил свидание гродненского предводителя дворянства с Александром II и его братом Константином — наместником в Царстве Польском, рекомендуя Старжинского как «человека весьма умного, дельного и благонамеренного»[42]. В среде местных властей возникла даже идея о частичном восстановлении действия в северо-западных губерниях Литовского статута, открытия Виленского университета и т. д., о чем ходатайствовали местные польские помещики[43].

Но начавшееся восстание спутало все планы правительства, а временный приход к руководству восстанием «белых» только подкрепил мнение о польском поместном дворянстве как инициаторе вооруженной борьбы. В то же время массовое участие в восстании мелких чиновников, служащих, безземельной шляхты, которые составили костяк повстанческих отрядов, вынудило правительство отказаться от недооценки «красных» и привело к мысли, что и «белые» и «красные» представляют для него одинаковую опасность[44].

С началом восстания царизм оставил всякие мысли о переговорах с кем бы то ни было из местного дворянства. Не видя среди местного господствующего класса тех слоев, на которые он мог бы опереться в борьбе с повстанцами, царизм в этот период верил только в силу солдатских штыков и жестоких репрессий, которые позволили бы не только расправиться с участниками восстания, но и запугать колеблющихся.

В Литве и Белоруссии было сосредоточено большое количество войск. Минскую, Витебскую и Могилевскую

губернии присоединили к Виленскому генерал-губернаторству, а северо-западные губернии были объявлены на военном положении [45]. Отныне Белоруссией правили не на основе общих для всей страны законов, а посредством чрезвычайных циркуляров и распоряжений [46].

В крае действовали следственные комиссии и военно-полевые суды. Через них прошло в Литве и Белоруссии 15 тыс. человек. Сверх того часть арестованных была наказана в административном порядке. Всего же в крае 123 человека были казнены, 12 355 человек сосланы на каторгу в Сибирь, в арестантские роты, 2855 человек отданы под надзор полиции по месту жительства [47]. Движимое и недвижимое имущество наказанных по суду конфисковывалось. За малейшее нарушение законов военного времени и просто по произволу местных властей всех рангов налагались всевозможные и ничем не регламентированные штрафы. При этом, стремясь в кратчайшие сроки подавить восстание и освободить северо-западные губернии от всех лиц, не внушавших местной администрации доверия, власти злоупотребляли предоставленными им полномочиями.

Так как правительство считало главными деятелями восстания польское дворянство, то высланными из края оказались в первую очередь представители именно этого сословия. Например, среди всех наказанных по приговорам полевого суда дворяне (без шляхты) и ксендзы составили 67%, хотя среди населения края они составляли не более 5%. Остальные 33% — это те, кого власти отнесли к «простолюдинам», включив в этот разряд не только крестьян, мещан и однодворцев, но и безземельную шляхту. Кроме того, 622 дворянина и ксендза были высланы из края по решениям следственных комиссий, а 279 дворян и ксендзов и 3497 человек околичной шляхты сослали без всякого следствия и суда, по одним решениям администрации [48].

Законы военного времени имели отношение в первую очередь к дворянству. Их цель — удержать дворян от помощи повстанцам. Так, жители мужского пола, за исключением крестьян, не имели права удаляться от места своего жительства дальше, чем на 30 верст, без разрешения начальства [49]. На имущество высланных из края по решению администрации налагался секвестр [50],

а имущество осужденных по суду конфисковывалось. На дворян не только накладывались всевозможные, ничем не регламентированные штрафы, но для местных помещиков был введен особый контрибуционный сбор, равный 10% дохода. Дворяне, владевшие домами в городах, должны были платить сбор, равный 1% их стоимости [51]. Как крайне чрезвычайная мера эта контрибуция первоначально была наложена на всех местных помещиков независимо от их национальности. На жалобы русских землевладельцев, считавших контрибуцию несправедливостью, М. Н. Муравьев неизменно отвечал, что они должны рассматривать эти сборы не как вид наказания, а лишь как форму содействия правительству, «которое, охраняя их от своеволия и бесчинства мятежников, тем самым вовлечено в чрезвычайные расходы» [52].

С целью лишить польское поместное дворянство его политической роли в крае царизм закрыл дворянские собрания; предводителей дворянства местная администрация заменила своими ставленниками, часто не имевшими земельной собственности. По той же причине, согласно решению Западного комитета, произвели замену мировых посредников, которые являлись представителями помещиков, на правительственных чиновников [53], а также чиновников-католиков на православных.

Добровольная отставка гродненских мировых посредников в начале 1863 г. ускорила решение вопроса о полной замене их по всему краю правительственными чиновниками. Новых мировых посредников набирали из своих служащих три министерства: внутренних дел, государственных имуществ и юстиции. Набирались они во внутренних губерниях России из чиновников и офицеров, не имевших в крае земельной собственности и родственных связей среди помещиков, что было очень важно для правительства [54]. Так как большинство из них не имело иного дохода, кроме жалованья, им увеличили содержание на 500 руб. [55], надеясь тем самым не только улучшить их материальное положение и привлечь на службу в крае, но и сделать их материально независимыми от помещиков. Ту же цель преследовало и увольнение из местных государственных учреждений, связанных с проведением в жизнь крестьянской реформы, всех чиновников-поляков. Их контакты с деревней

по роду службы были постоянны и почти не поддавались контролю администрации.

Увольняя мировых посредников из местных помещиков и чиновников-поляков из присутствий по крестьянским делам, правительство тем самым надеялось лишить землевладельцев польского происхождения возможности влиять на ход крестьянской реформы: требовать с крестьян исполнения тяжелых повинностей, что провоцировало крестьянские волнения. Как признавались сами местные власти, их подавление силой оружия только озлобляло бы население деревни против правительства [56].

Во время восстания царизм не делал никаких исключений из ограничительных законов военного времени для русского дворянства. Поглощенное вооруженной борьбой с повстанцами и всецело ориентируясь на военную силу и жестокие репрессии, правительство не видело нужды в этот период делать какие-либо исключения в своей политике в Белоруссии для русских православных помещиков. Отношение русского дворянства в Белоруссии к царизму в силу его пассивности и малочисленности по сравнению с польским дворянством и всем повстанческим лагерем не могло в тот момент серьезно повлиять на позиции самодержавия в крае. Его моральная поддержка не спасла бы правительство в том случае, если бы ход событий развивался не в пользу самодержавия, а его пассивная оппозиционность не усложняла положение последнего в крае. Самодержавие понимало, что при всем своем недовольстве правительственной аграрной политикой русское дворянство в крае во время восстания больше нуждалось в сильной власти и в армии, чем самодержавие — в моральной поддержке этого дворянства. Как неоднажды отмечал М. Н. Муравьев, если бы не правительство, не войска и не законы военного времени, русским помещикам в Белоруссии пришлось бы распрощаться со своими имениями [57]. Поэтому, не делая никаких исключений для русского дворянства, правительство было уверено, что оно ничем не рискует. Главным для него, как и для местных русских дворян, было подавить восстание, удержать эти земли любой ценой и любыми средствами. В подавлении восстания были заинтересованы не только царизм и русское дворянство края, но и польские поме-

щики. Победа повстанцев обернулась бы для них потерей дворянских сословных привилегий и даже имений. Поэтому, жестоко расправляясь с восставшими, независимо от их сословной принадлежности и национальности царизм защищал как свои интересы, так и интересы всего поместного дворянства Белоруссии. Когда над самодержавием нависла угроза потери Западного края и встал вопрос о ликвидации помещичьего землевладения, правительство сделало ставку в борьбе с повстанцами на армию и репрессии, не боясь при этом иногда наказывать и тех, кто в действительности стоял в стороне от схватки. В ходе военных действий царизм не видел нужды прибегать к традиционному для него лавированию и идти на небольшие уступки поместному дворянству. Тактика лавирования годилась для мирного времени, а когда вспыхнуло восстание, ее отбросили.

Когда восстание было подавлено, перед правительством встал вопрос, будет ли оно в дальнейшем, как и во времена восстания, всецело делать ставку на военную силу и законы военного времени, обрекая себя тем самым на политическую изоляцию, либо попытается в своей политике вновь опираться на определенные слои господствующих классов.

Польскому дворянству царизм боялся еще верить. Виленский генерал-губернатор Муравьев, снискавший в придворных кругах славу «спасителя» России и потому имевший большое влияние на Александра II, пугал царя угрозой нового восстания. Он не уставал твердить ему, что, хотя мятеж и подавлен, огонь еще тлеет под пеплом и «с ослаблением правительственных мер наблюдения он опять возгорится с вящей силой» [58].

Не успокоила царизм и подача дворянами Белоруссии коллективных адресов на имя царя. В их искренность он не верил, хотя и придавал самому факту их подписания большим числом польского дворянства важное политическое значение. Правительство рассчитывало, что открытый отказ дворянства Белоруссии и Литвы от идей польского национально-освободительного движения вызовет полезный для самодержавия международный резонанс. С точки зрения правительства,

такое признание дворянством территории Белоруссии и Литвы частью Российской империи и русской землей должно было помочь западноевропейским правительствам отказаться от вмешательства в польские дела вопреки настояниям польской эмиграции и определенных общественных кругов. Поэтому, получив от Муравьева первые известия о составлении адреса в Вильно, министр внутренних дел Валуев тут же сообщает об этом английскому послу в России лорду Нэпиру, а в своем дневнике помечает: «Муравьев достиг цели»[59]. Александр II на полях того же сообщения делает пометку: «Факт этот как публичное заявление, даже если оно не совсем чистосердечно, считаю весьма знаменательным и компрометирующим виленское дворянство в глазах всех польских патриотов»[60].

Так, в первые годы после подавления восстания в правительственных кругах и среди местной администрации установилось вполне определенное мнение о политических настроениях местного польского дворянства, которое хотя и «уразумело бессилие свое» и «приведено к наружной покорности», но «при более благоприятных обстоятельствах, конечно, не замедлит возобновить традиционные свои попытки»[61].

Иной была оценка политических настроений, господствовавших в среде местного русского дворянства после подавления восстания. Когда стало ясно, что победа будет на стороне царизма, русские помещики поспешили громогласно заявить о своей постоянной преданности самодержавию, православию и русской народности, и в искренности их заверений не приходилось сомневаться. По словам могилевского губернатора Беклемишева, восстание 1863 г. в русском дворянстве края «воскресило патриотическое чувство..., оно сразу поняло свое назначение, свои обязанности и не задумалось заявить словом и делом свое сочувствие к родному русскому делу (к русификации Белоруссии.— *С. С.*), высказать свою преданность правительству и содействие местной администрации»[62]. Теперь, по мнению властей, русские помещики являлись «единственными представителями между здешними землевладельцами», которые «в непрерывной борьбе с польской партией сохранили русское начало»[63]. Как писал тот же Беклемишев, «сила правительства заключается в дворянстве рус-

ском»[64], оно — «верный проводник правительственных целей»[65].

В результате после подавления восстания местное дворянство было как бы разделено правительством на две неравные части. Поляки по-прежнему считались неблагонадежными в политическом отношении. Меньшинство — русские и остзейские помещики — было признано опорой самодержавия. В основание этого огульного деления была положена не действительная степень благонадежности того или иного конкретного дворянина, а национальная принадлежность. В таких условиях достаточно было в Белоруссии быть русским или остзейским помещиком, чтобы числиться политически благонадежным, и, напротив, одно католическое вероисповедание лишало дворянина всякого доверия властей и поддержки правительства.

Деление местного дворянства на благонадежное и неблагонадежное предполагало и необходимость перехода к дифференцированной политике.

В отношении польского дворянства виленский генерал-губернатор Муравьев предлагал придерживаться двух основных положений: «никакого примирения с поляками»[66] и «поляка надобно смирить страхом и копейкой»[67]. Поэтому сохранялись репрессии и ограничения военного времени.

Чтобы держать «поляка в страхе», правительство сохраняло военное положение, которое, по словам Муравьева, «выражает силу могучую, представляет преграду крамольным замыслам и действием страха отрезвляет умы»[68].

В крае продолжали действовать следственные комиссии и полевые суды. Например, в Минской губ. лишь в 1865 г. вновь было привлечено к следствию 136 человек, а 452 человека[69] находились под следствием, ожидая решения своей судьбы. На следующий год там же было дополнительно арестовано по обвинению в участии в событиях 1863 г. 45 человек[70]. В Гродненской губ. в следственной комиссии в 1866 г. было рассмотрено 213 политических дел[71]. Все это были лица привилегированных сословий.

По-прежнему мужчинам, за исключением крестьян, не разрешалось отлучаться с мест проживания. Дворянство не имело права собираться вместе по несколь-

ку человек, даже на семейные торжества, без особого на то разрешения местных властей.

Сохранялись штрафы и контрибуционные сборы. Какого-либо перечня проступков, за которые полагались эти штрафы, не существовало, как не были определены и их размеры. В результате местная администрация всех рангов злоупотребляла данной им властью и превратила штрафы в источник своих дополнительных доходов. Эти злоупотребления и вымогательства приняли такой размах, что в 1866 г. виленский генерал-губернатор фон Кауфман был вынужден попытаться как-то упорядочить порядок наложения штрафов. Распоряжением от 4 февраля 1866 г. взыскания разрешалось налагать уездным властям только после согласования и разрешения губернаторов. Был определен и круг «проступков», за которые назначались штрафы. Таковыми являлось «всякое отступление от правил, установленных инструкцией для военно-гражданского управления и особых распоряжений главного местного начальства по случаю военного положения», а именно: употребление польского языка в общественных местах и официальной переписке, ношение траура, а также различных польских значков, неуважение к обрядам православной церкви и духовенству, неуважительные отзывы о распоряжениях правительства и вообще «распространение и поддержание в разных слоях общества польского начала» и т. д. Нетрудно заметить, что все эти проступки и штрафы за них относились главным образом к польскому дворянству и ни в какой мере не имели значения для русского привилегированного сословия. Губернаторам предоставлялось право налагать штраф в размере от 1 до 100 руб. Взыскание свыше 100 руб. определялось только с согласия генерал-губернатора [72]. Но и при такой регламентации местная администрация при желании всегда имела возможность подвести любой проступок под «распространение и поддержание в обществе польских начал».

Но штрафы и контрибуции, военно-полевые суды и законы военного времени не могли существовать бесконечно, и правительство сознавало, что нельзя управлять

краем на основании законов военного времени, что рано или поздно ему придется уравнять Северо-Западный край со всеми остальными губерниями империи. Но в случае возобновления в крае деятельности дворянских собраний и дворянских сословных представителей, а также при введении земских учреждений и новых судов в них стали бы всем заправлять польские помещики. Ни в одном из этих учреждений наличное в Белоруссии русское и остзейское дворянство не сможет составить серьезной конкуренции польским дворянам. Поэтому правительство поставило перед собой задачу подорвать значение польского землевладения в хозяйственной жизни края и тем самым уменьшить политическое значение польских помещиков в будущем, а также очистить местные административные учреждения и правительственную школу от лиц «польского происхождения».

Еще шли бои между царскими войсками и повстанцами в Литве, а М. Н. Муравьев уже выдвинул задачу всеми доступными мерами лишить польских землевладельцев возможно большего количества поместий в крае.

Из рук поляков ускользали в первую очередь имения, которые были конфискованы в казну по судебным решениям за участие их владельцев в восстании. Конфисковывались поместья убитых повстанцев и бежавших за границу. Эти имения правительство имело право продать по своему усмотрению. Но таких конфискованных имений было недостаточно для того, чтобы серьезно подорвать позиции польского землевладения. По данным виленского генерал-губернатора, на начало 1866 г. в 5 северо-западных губерниях к казне перешло 256 конфискованных имений [73]. Поэтому Муравьев настаивал на обязательной продаже секвестрованных имений и имений высланных из края административным путем на тех же основаниях, что и конфискованные имения, т. е. с публичных торгов на условиях, установленных правительством [74].

Эта идея виленского генерал-губернатора получила свое оформление в записке, составленной министром государственных имуществ Зеленым и внесенной им на рассмотрение Западного комитета весной 1864 г. [75] Авторов не смущало то обстоятельство, что секвестр накла-

дывался и людей высылали по распоряжению администрации только в том случае, если не было предлога расправиться с человеком по суду и конфисковать его имущество, и что среди высланных находилось немало лиц — жертв административного произвола.

Однако члены Западного комитета не могли безоговорочно согласиться на бесцеремонное обращение с частной собственностью помещиков, чья вина перед самодержавием не могла быть доказана. Такую меру, способную поколебать, с их точки зрения, «глубокое доверие и уважение» верноподданного поместного дворянства к правительству и его законам, члены комитета расценили как вредную и потому отклонили проект [76].

Через год правительство вновь вернулось к предложению Муравьева — Зеленого об обязательной продаже имений лиц, высланных из северо-западных губерний административным путем. Причина, которая побудила царизм еще раз рассмотреть проект, им же недавно отвергнутый, лежала в медленных темпах сокращения в крае польского землевладения. Продажа конфискованных имений погоды не делала, а польские помещики не спешили расставаться со своими родовыми гнездами, несмотря на контрибуционные сборы и законы военного времени. Чтобы отвести от правительства обвинения в нарушении прав собственности землевладельцев, новому генерал-губернатору фон Кауфману было предложено лично просмотреть списки лиц, высланных из края административным путем, и освободить от продажи имений тех, что был незаслуженно репрессирован [77]. После того как было получено заверение фон Кауфмана в том, что им все списки проверены, Александр II 10 декабря 1865 г. утвердил новый закон, по которому всем высланным из западных губерний было предложено в течение двух лет, т. е. до 10 декабря 1867 г., продать или обменять свои имения на условиях, приемлемых для них. Если к указанной дате имение не будет продано путем добровольной сделки, оно подлежало продаже с публичных торгов. В этом же положении указывалось также, что «впредь до окончательного устройства Западного края посредством достаточного усиления в оном числа русских землевладельцев» лицам польского происхождения запрещается приобретать имения иначе как по наследству [78].

Положение от 10 декабря 1865 г. являлось основным законом, направленным против польского помещичьего землевладения в Западном крае. Опираясь на него, царизм надеялся в ближайшие годы значительно сократить польское землевладение за счет обязательной продажи имений высланных, а в дальнейшем рассчитывал с его помощью не давать расти земельным площадям, находившимся в собственности польского дворянства.

Все остальные законоположения 60-х годов, касавшиеся земельных прав польского дворянства, касались лишь частностей. При этом царизм стремился перекрыть все пути, которые давали бы полякам возможность обходить закон. Так, правительство вынуждено было точно сформулировать, кого надо понимать под «лицом польского происхождения». Необходимость такого разъяснения была вызвана тем, что, пользуясь свойственным для царских властей смешением вероисповедания с национальностью местных дворян, часть польских помещиков Белоруссии готова была принять или приняла православие для того, чтобы освободиться из-под действия антипольских законов, в первую очередь в отношении контрибуционных сборов и земельных [79], о чем доносили в Петербург местные власти. В отзыве министра государственных имуществ виленскому генерал-губернатору от 10 октября 1869 г. указывалось, что только потомки перешедшего в православие могут рассчитывать на признание их русскими и только при условии, если они «усвоят русскую национальность» и окончательно откажутся от польского языка. «Но действительная перемена национальности,— добавлял министр,— не может быть непосредственным и мгновенным последствием перемены исповедания» [80]. Поэтому правительство в 1869 г. разъяснило местным властям, что лицом польского происхождения надо считать «не вообще католиков, а только поляков и тех западных уроженцев, которые усвоили себе польскую национальность». Именно на них распространялся закон от 10 декабря 1865 г. [81]

Правительство и после подавления восстания было озабочено тем, чтобы и в дальнейшем уменьшать влияние польского поместного дворянства на проведение в жизнь крестьянской реформы. Не ограничившись устра-

нением помещиков от исполнения обязанностей мировых посредников, царизм пошел на изменение состава поверочных комиссий. По прежним правилам (21 ноября 1862 г.) они состояли из председателя—чиновника от правительства по назначению министра внутренних дел, мирового посредника участка, члена от помещиков, избираемого на дворянских собраниях, и члена от крестьян, избираемого на волостном сходе. В результате в прежних поверочных комиссиях большинство было на стороне помещиков, которые имели там двух своих представителей (член от землевладельцев и мировой посредник). После подавления восстания назначение в поверочную комиссию членов от помещиков было признано «невозможным», а с устранением последних было решено «неудобным» оставлять в них членов от крестьян. Вместо этих двух упраздненных членов в поверочную комиссию по решению Западного комитета и Главного комитета об устройстве сельского состояния ввели еще одного представителя правительства — чиновника от министерства финансов. Отныне комиссия должна была состоять из одних правительственных чиновников, так как и мировой посредник к этому времени назначался правительством [82].

В отношении безземельного польского дворянства правительство решило придерживаться политики, принятой им еще во время подавления восстания. Активное участие в восстании мелкого и среднего чиновничества, арендаторов, учащихся средних учебных заведений, жителей шляхетских околиц, служащих имений побудило царизм постараться очистить край от беземельного дворянства с тем, чтобы лишить на будущее польское национально-освободительное движение ее наиболее революционно настроенных участников.

Начало переводу чиновников-католиков из Белоруссии во внутренние губернии России, как уже отмечалось, было положено в период восстания 1863 г., но касался он главным образом служащих учреждений, имевших отношение к крестьянам. После подавления восстания по инициативе Муравьева, санкционированной Западным комитетом и утвержденной Александром II, решено было полностью очистить все местные государственные учреждения и учебные заведения Белоруссии от католиков.

В 1865 г. освобождение от католиков местных государственных учреждений и гимназий в Белоруссии было в основном закончено[83]. При этом переводу из края на службу во внутренние губернии подлежали не только поляки, но и православные чиновники, но женатые на польках. Местная администрация считала полек фанатичными приверженцами римско-католической церкви и идей польского национально-освободительного движения, проводниками этих идей в семью. Поэтому она не верила даже тем русским чиновникам, кто был женат на польках.

Так как главным поставщиком основных кадров местного чиновничества были средние учебные заведения Белоруссии, правительство пересмотрело систему образования в крае. Так, оно закрыло здесь дворянские училища[84], окончание которых давало право поступать на государственную службу. По свидетельству министерства народного просвещения, в дворянские училища Белоруссии поступали преимущественно дети той неимущей шляхты, «которая по образу жизни и занятиям ничем не отличается от крестьян», а их выпускники, не имевшие никаких средств к жизни, кроме службы в канцеляриях в качестве мелких служителей, умножали «число пролетариев, всегда готовых к участию во всяких беспорядках»[85].

Правом зачисления на службу пользовались и выпускники гимназий. Обвинив все местные гимназии в том, что они воспитывали своих учеников в ненависти ко всему русскому и царизму, а их выпускники, поступая в высшие учебные заведения, вносили в них «революционные и социальные идеи, которые отразились и в русском молодом обществе грустными фактами»[86], местная администрация предложила закрыть часть из них. Их оставили только в губернских городах, так как там начальство имело возможность бдительно за ними наблюдать; кроме того, именно в этих городах проживало наибольшее число русских чиновников. В уездных городах можно было оставить гимназии в виде исключения при условии, если окрестное население по преимуществу состоит из православных. Так были закрыты Свислочская прогимназия и Новогрудская гимназия (последняя вскоре была вновь открыта)[87]. Кроме того, власти бдительно следили за тем, чтобы ограни-

чивался прием в средние учебные заведения детей польских дворян, хотя в уставе для средней школы от 19 ноября 1864 г. среднее образование объявлялось открытым без всяких ограничений для всего населения России. Как писал помощник виленского генерал-губернатора Потапов в 1865 г., главное — «уменьшить в гимназиях наплыв учеников из шляхты»[88]. В результате с 1862 г. по 1 января 1866 г. число учеников православного вероисповедания в гимназиях увеличилось на 33%, а католического вероисповедания уменьшилось на 56%. И хотя везде, кроме Могилевской и Мозырской гимназий, среди гимназистов преобладали поляки, однако попечитель Виленского учебного округа был уверен, что «с поднятием местных русских сил», с увеличением в крае русских чиновников и помещиков количество православных учеников возрастет[89]. Не предусматривал каких-либо ограничений при приеме в университеты и новый университетский устав 18 июня 1863 г. Однако Муравьев предлагал ограничить прием в высшие учебные заведения выходцев из западных губерний (10% числа всех студентов) с тем, чтобы обезопасить университеты России от влияния поляков — деятелей польского национально-освободительного движения[90]. Но в Петербурге испугались, что такая откровенно дискриминационная мера имела бы «вид явного притеснения и только усугубила бы существующее уже раздражение в польской части народонаселения империи». По этой причине Западный комитет официально отклонил предложение виленского генерал-губернатора[91]. Однако, как признавало негласно само правительство, на практике прием уроженцев Польши и западных губерний из католиков был неофициально ограничен[92].

Все преобразования средних учебных заведений Белоруссии отразились в первую очередь на детях мелких землевладельцев и мелкой шляхты, которые, отдавая своих детей в гимназии и дворянские училища, надеялись обеспечить их будущее, но именно к этому правительство и стремилось. Что касается крупных землевладельцев польского происхождения, то они имели средства посылать своих детей учиться в другие города России или за границу.

В отношении беспоместной шляхты, политические

симпатии которой так ярко проявились в событиях 1863 г., правительство вернулось к предреформенной политике. Беспоместная шляхта по своему имущественному положению и по политическим симпатиям, которые ярко проявились в событиях 1863 г., по-прежнему не могла служить опорой самодержавию. Стремясь ослабить влияние польских помещиков на мелкую шляхту и лишить последнюю ее сословных привилегий, правительство после подавления восстания вновь вернулось к разработке законов о приписке шляхты к податным сословиям. При этом царизм был заинтересован не столько в том, чтобы ускорить рассмотрение дел о дворянстве, сколько затруднить возведение в дворянство для безземельной и неоседлой шляхты путем усложнения правил искательства. С этой целью были пересмотрены все правила, существовавшие до того, и внесены в них существенные коррективы. Новые правила 1864 г. предусматривали отказ принимать копии документов в том случае, если они не подтверждались подлинниками, увеличение расходов, связанных с поисками дворянства, и предоставление справки о политической благонадежности, заверенной губернатором и губернским предводителем дворянства. Документы следовало подавать только на гербовой бумаге. При их подаче взималась пошлина в размере 10 руб. серебром за каждое лицо, ищущее дворянство. Кроме того, документы на рассмотрение принимались только после того, как шляхтич припишется к податному сословию [93].

Таким образом, закон, не отказывая формально никому в праве искать дворянство, в то же время фактически ставил перед неимущими шляхтичами непреодолимые преграды. Постоянно кочевавшая с места на место в поисках заработка, не имевшая своего угла шляхта в большинстве своем не могла сохранить подлинные документы о дворянстве, даже если они когда-либо у нее и были. Дорогая гербовая бумага, пошлина в 10 руб. были непосильными расходами для мелкого шляхтича. Да и не каждый мог рассчитывать на получение справки о своей политической благонадежности после событий 1863 г.

О том, чем обернулся для шляхты новый закон, мы можем судить по неполным данным минского губернатора о количестве шляхтичей, утвержденных и неутвер-

жденных в дворянстве на 1868—1869 гг. Из всех подавших к этому времени документы лишь 10 850 душ (53,4%) были признаны дворянами. А остальным 9492 душам (46,6%) было в этом отказано [94].

Когда шляхтичей стали приписывать к крестьянскому сословию, местная администрация решила не составлять из них отдельных сельских обществ, так как, «продолжая составлять отдельную корпорацию, они нисколько не смешивались бы с крестьянским населением, а следовательно, вовсе не выполнялась бы цель правительства». Поэтому их присоединяли к обществам крестьян, но не государственных, в политическую благонадежность которых царизм после восстания не верил, а бывших владельческих. Чтобы приписанная шляхта не влияла в политическом отношении на крестьян, местная администрация следила, чтобы шляхта составляла меньшинство по сравнению с крестьянами [95].

Таким образом, лишив шляхту ее сословных привилегий и приписав к податным сословиям, правительство надеялось тем самым не просто смешать ее с белорусским крестьянством, но и разорвать ее сословную связь с польским поместным дворянством. С точки зрения властей, это не только утихомирит шляхту, но и лишит польских помещиков Белоруссии и все польское освободительное движение их армии, слепо повиновавшейся поместному дворянству.

Больно ударили по безземельной ополяченной шляхте и ограничения их в правах арендования земель в Белоруссии, которые ввела царская администрация после подавления восстания. Не имея в собственности земли или владея ею в недостаточном количестве, мелкая шляхта была вынуждена арендовать ее у помещиков или поступать управляющими имений и тем самым добывать средства к жизни. Положение 5 марта 1864 г. и инструкция от 23 июля 1865 г. запрещали в западных губерниях брать в аренду, в управление или в залог имения, купленные русскими и остзейскими помещиками и чиновниками на льготных условиях [96]. Запрещение полякам брать землю в залог было вызвано стремлением правительства перекрыть полякам все пути для обхода закона от 10 декабря 1865 г., когда под видом залога имение могло перейти в руки поляка.

Восстание побудило правительство усилить меры, направленные против польской культуры и католической церкви. В связи с тем что значительная часть польского населения Белоруссии принадлежала по сословному происхождению к дворянству, все эти меры сказались в первую очередь именно на нем. Правительство рассматривало преследование польской культуры в Северо-Западном крае и ущемление прав католической церкви как часть своей политики, направленной на сокращение влияния польского дворянства в нем.

Хотя польский язык в России не был запрещен, Муравьев циркуляром от 1 января 1864 г. воспретил пользоваться им в официальной переписке, в общественных местах [97]. Ни в Царстве Польском, ни в России законом не предусматривалось запрещение книг, журналов и газет на польском языке и цензурные правила не делали никаких исключений для польских изданий. Однако Муравьев и его преемник фон Кауфман своими циркулярами фактически объявили в северо-западных губерниях все польские издания, за исключением молитвенников, вне закона, запретив их издание в крае, ввоз и продажу [98]. Особенно бдительно следили за тем, чтобы польские книги не проникали в народные массы Белоруссии, запрещая в деревне всякую продажу литературы на польском языке [99].

Отождествляя вероисповедание с национальностью [100], виленские генерал-губернаторы Муравьев и фон Кауфман начали ограничивать католическую церковь в ее правах и бдительно следить за деятельностью ксендзов. Последних они считали духовными отцами восстания и опасались их влияния на прихожан, особенно на крестьян. Догмат католической церкви о непогрешимости папы как наместника Христа на земле, которому обязаны подчиняться все вплоть до королей, не признавался царскими властями, как враждебный самой идее самодержавия [101]. Не лучшим образом складывались и взаимоотношения царизма с Ватиканом. Это также усугубляло недоверие властей к католической церкви в Белоруссии, где в пяти губерниях проживало более 1 млн. человек, исповедовавших католическую религию [102]. Поэтому правительство пыталось потеснить католическую

церковь с ее позиций в крае и поставить деятельность ее духовенства под контроль администрации.

К 1868 г. в 9 западных губерниях было закрыто 34 католических монастыря, 128 костелов, 67 каплиц. А 40 костелов и 17 каплиц были превращены в православные церкви [103]. Реакционная печать и православные священники в неуважительных выражениях позволяли себе в публичных выступлениях критиковать обряды католической царкви, оскробляя тем самым чувства верующих [104]. Правительство и местные власти под видом борьбы с политическим влиянием католической церкви вмешивались в чисто религиозные вопросы и внутреннюю жизнь церкви [105]. В духовной литературе, согласно циркуляру Главного управления по делам печати, запрещалось проводить враждебные православию мысли, намекать на правительство как врага католичества, произносить молитвы за жертвы полицейского произвола и репрессий правительства и т. д. [106]

Таким образом, не отменяя и после подавления восстания военного положения и его ограничительных циркуляров, правительство, однако, центр тяжести в своей политике по отношению к польскому дворянству после 1863 г. переносит на меры, с помощью которых оно рассчитывало подорвать экономическое и политическое значение польского поместного и служилого дворянства.

На иных началах строил царизм свою политику в отношении непольского дворянства. Признав русское и остзейское поместное дворянство своим союзником в борьбе с освободительным движением, правительство после подавления восстания решило поддержать его экономически. Уже в июле 1863 г. по решению Западного комитета русским помещикам снизили контрибуционный сбор до 2,5% [107]. А весной 1864 г. Западный комитет полностью освободил их от контрибуции [108], в начале 1865 г. это же сделал Комитет министров в отношении остзейских помещиков [109].

В конце 1863 г. виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев поставил вопрос о «вознаграждении» помещиков русского и остзейского происхождения за те убытки, которые они якобы понесли в связи с понижением выкупных платежей на 20% по указам 1863 г. Торопя Петербург с обсуждением этого вопроса, виленский генерал-губернатор поучал: «Правительству надобно

быть всегда справедливым»[110]. Проект Муравьева и министра внутренних дел предусматривал повышение выкупной ссуды, выдаваемой помещикам на руки, с 80 до 90% полной выкупной суммы. Эти 10% должны были быть выплачены помещикам непольского происхождения Могилевской губ. и белорусских уездов Витебской губ. постепенно, начиная с владельцев «незначительных имений и наиболее нуждающихся в пособии»[111]. Однако Западный комитет и Главный комитет об устройстве сельского состояния, на заседании которых обсуждался этот вопрос, не отрицая необходимости материальной поддержки верных правительству русских помещиков, не могли допустить этой помощи из средств государственного казначейства, у которого в 1864 г. не было для этого денег. Поэтому эти комитеты решили ограничиться денежной поддержкой только особо «нуждающихся» помещиков по представлению генерал-губернатора и по согласованию с министром финансов и министром внутренних дел. Сумма помощи не должна была превышать 10% полной выкупной суммы[112].

Принимая такое решение, правительство надеялось, с одной стороны, подкупить денежными подачками в первую очередь тех помещиков, в содействии которых оно более всего нуждалось, а с другой, ограничить до минимума государственные расходы на такую помощь. Указание на то, что помощь предназначена только «нуждающимся» помещикам, было лишь пустой оговоркой. Определять степень этой «нуждаемости» и размер поддержки должна была местная администрация, а она, естественно, руководствовалась при этом собственными интересами, ориентируясь главным образом на крупных землевладельцев. Для этого достаточно посмотреть первый поданный Муравьевым список девяти помещиков Могилевской губ., коим, с его точки зрения, необходимо срочно помочь. Только один землевладелец относился к мелкопоместным. Четверо владели имениями, в которых проживало от 250 до 350 душ крестьян, двое имели 650 крестьян, а помещики Ф. Кранц и М. Солтыков владели имениями, в которых жило более 1100 бывших крепостных[113].

Однако правительство оказалось настолько несостоятельным в финансовом отношении, что было не в силах выполнить свое решение. Несмотря на неоднократные

напоминания помещиков, им не было выплачено ни копейки.

Не сумев «вознаградить» преданных помещиков из государственных средств, местные власти с молчаливого согласия правительства пошли на нарушение условий крестьянской реформы в имениях благонадежных помещиков, стремясь свести на нет те уступки в пользу крестьян, на которые царизм вынужден был пойти под влиянием аграрной программы повстанцев 1863 г. Не отменяя на словах указов 1863 г., они всячески ограничивали их на деле.

Таким образом, царизм, приступив к укреплению союза с консервативным русским и остзейским поместным дворянством, проживавшим в Белоруссии, начал с экономического его подкупа, освободив от контрибуционных сборов.

Правительство сознавало, что перечисленные выше экономические меры в пользу благонадежного русского и остзейского поместного дворянства, проживавшего в Белоруссии, могли сыграть положительную роль в укреплении союза этих помещиков с самодержавием, однако они были не в состоянии расширить социальную базу последнего в силу своей малочисленности по сравнению с польскими помещиками. Их поддержка не могла серьезно укрепить позиции царизма.

Все эти соображения побудили правительство сразу же после подавления восстания разработать план укрепления своей социальной базы за счет переселения в Белоруссию русских землевладельцев и русских чиновников [114]. Как писал виленский генерал-губернатор министру государственных имуществ 7 января 1864 г., эти новые поселенцы, заселив край плотной массой, «приобретут возможность противодействовать злоумышленным намерениям польских помещиков отторгнуть от России северо-западные губернии ее» [115]. Поэтому правительство разрабатывает ряд мер, которые способствовали бы укреплению позиций русского землевладения.

Так, по закону 10 декабря 1865 г. поступавшие в продажу казенные и частные имения могли покупать только лица «русского происхождения, православного и протестантского вероисповедания» [116]. Чтобы оградить этих покупателей и будущих землевладельцев от конкуренции еврейской буржуазии, 5 августа 1864 г. было принято

решение, воспрещающее евреям приобретать земли в западных губерниях [117]. Кроме того, по «Инструкции о порядке продажи казенных земель в западных губерниях» от 23 июля 1865 г. запрещалось продавать, закладывать, передавать в аренду или на каких-либо других условиях передавать землю не только полякам, о чем уже говорилось, но и евреям [118].

При укреплении позиций русского землевладения в Белоруссии правительству важно было решить вопрос о размерах земельных владений, какие было бы предпочтительнее продавать здесь русским владельцам. Между тем сразу после подавления восстания в правительственных кругах и среди местной администрации не было полного совпадения взглядов по этому вопросу. М. Н. Муравьев, видевший силу русских помещиков в их многочисленности, считал, что надо «вместо продажи больших имений в одни руки стараться увеличивать число мелких и средних русских землевладельцев» [119]. Его точку зрения разделял юго-западный генерал-губернатор Анненков, а также некоторые из местных губернаторов.

Однако помощник Муравьева А. Л. Потапов, могилевский губернатор А. П. Беклемишев, а также министр государственных имуществ Зеленой и министр внутренних дел Валуев смотрели дальше виленского генерал-губернатора. Им важна была не только численность русских землевладельцев, но и их политическая роль в будущих земских учреждениях, когда они будут введены в крае, а также степень влияния на основную массу землевладельцев [120]. Для них сила русских землевладельцев, а следовательно, и царизма будет состоять не столько в их количестве, сколько в размерах их земельной собственности. Крупные землевладельцы должны задавать тон в губерниях и заправлять всеми делами. Все «незначительные» помещики независимо от их национальности будут идти, как указывал могилевский губернатор, за крупными землевладельцами [121]. Кроме того, с точки зрения Валуева, только они являлись «надежными и состоятельными» покупателями [122].

Поэтому первоначально было решено насаждать в северо-западных губерниях таких земельных собственников, которые имели бы во владении не менее 300 дес. земли, ибо только такая площадь давала право голоса в будущих земских собраниях, но не более 1 тыс. дес.

Участок более 1 тыс. дес. отводился лишь «по особым уважениям». Однако в 1867 г., когда выяснилось, что не всегда возможно создавать участки площадью в 300 дес., разрешили продажу на льготных условиях участков и меньшей площади (в 20—300 дес.) [123].

Для привлечения русских покупателей в Северо-Западный край правительство разработало систему льгот и преимуществ, которыми те могли воспользоваться. Так, существовало «Положение о льготах, преимуществах и денежных ссудах, предоставляемых при покупке казенных и частных имений в западных губерниях» от 5 марта 1864 г. и инструкция от 23 июля 1865 г. Правила предусматривали выдачу на льготных условиях ссуды от правительства, предоставление права винокурения. Ссуду покупатели должны были погашать в течение 37 лет. В тот же срок уплачивались и долги, состоявшие на имениях [124].

Для выдачи ссуд были нужны свободные денежные средства, которых у правительства, как обычно, не было. Для составления необходимого капитала были проданы в частные руки свободные казенные земли и казенные оброчные статьи в западных губерниях [125]. Однако вырученных от продажи денег не хватило. Пришлось министерству финансов отпустить 5 млн. руб. [126]

К 1869 г., когда в северо-западных губерниях фактически были проданы почти все конфискованные имения и земли высланных из края, подлежащие обязательной продаже, а также казенные земли, виленский генерал-губернатор подвел первые итоги перераспределения земельной собственности в крае. К этому времени 38 лиц «непольского происхождения» купили в 6 северо-западных губерниях 48 имений поляков в 119 793 дес. При этом они получили от правительства ссуд на 1100 тыс. руб. «на особенно выгодных условиях». По закону 10 декабря 1865 г. без ссуд от правительства 633 человека купили 719 имений у поляков площадью 674 139 дес. Ссуды от правительства получали крупные помещики. В среднем на каждого покупателя приходилось более 3 тыс. дес., в то время как на остальных приобретателей земли приходилось в среднем по 1 тыс. дес. на человека. Эти цифры свидетельствуют о том, что правительство твердо придерживалось ориентации на привлечение в край крупных землевладельцев. В результате за пятилетие

численность русских землевладельцев и имений в их собственности выросла почти вдвое — с 895 помещиков и 1045 имений в 1864 г. до 1736 владельцев и 1960 имений в 1868 г. Однако земельная площадь, находившаяся в собственности владельцев «непольского происхождения», увеличилась лишь на 1/3 (в 1864 г. она была равна 2 784 133 дес., а в 1868 г.—3 716 496 дес.) [127]. И хотя численность владельцев русского и остзейского происхождения и имений в их владении увеличилась в два раза, их удельный вес в землевладении края был по-прежнему низок. В 6 северо-западных губерниях на 13 600 помещиков-поляков приходилось 1736 владельцев непольского происхождения, т. е. менее 13% [128].

Эти цифры объясняют тот пессимизм, с которым местные власти и правительство оценивали как первые итоги своей целенаправленной и энергичной деятельности, сопряженной с немалыми материальными затратами [129], по насаждению в крае русского землевладения, так и будущие перспективы в этом направлении. Ведь после того, как все подлежавшие обязательной продаже имения были куплены, царизм мог рассчитывать на рост русского землевладения лишь за счет вольной продажи имений.

Если русское поместное дворянство в крае было призвано служить социальной базой царизма, опираясь на которое он мог проводить свою политику в Белоруссии в духе «православия, самодержавия и народности», то новые кадры политически благонадежных чиновников должны были выполнять роль послушного орудия, с помощью которого самодержавие стало бы проводить эту политику в жизнь. Поэтому правительство, увольняя или переводя во внутренние губернии чиновников-католиков, о чем говорилось выше, одновременно приглашало на их место русских и прибалтийских немцев. Немалое значение для решения этой проблемы в будущем имела и продуманная система подготовки благонадежных чиновников на месте.

Муравьев старался лично следить и проверять комплектование служащими присутственных мест. В циркуляре от 23 марта 1864 г. он предписывал входить к нему с представлениями о назначении всех наиболее важных должностей губернских и уездных управлений: членов губернских присутственных мест, прокуроров и стряпчих, судебных следователей и уездных судей, уезд-

ных исправников, полицмейстеров и их помощников. Для проверки полной благонадежности новых чиновников требовалось представлять генерал-губернатору все сведения не только о них, но и о членах их семьи, особенно о женах, главным образом о вероисповедании последних [130].

Практика замены местных чиновников-католиков на выходцев из внутренних губерний России была не новой для царизма. Он уже прибегал к ней в первой половине XIX в. Но, как отмечал в 1865 г. помощник виленского генерал-губернатора А. Л. Потапов, приехавшие сюда после подавления восстания 1830—1831 гг. русские чиновники вскоре покинули край, так как правительство не сумело заинтересовать их материально [131]. Учитывая предшествующий опыт, самодержавие после восстания 1863 г. в законодательном порядке закрепляет за переведенными из великороссийских губерний чиновниками ряд прав и привилегий, которые не распространялись на местных служащих православного вероисповедания. Им с 1864 г. увеличивали жалованье на 50% [132]. Чтобы удержать приезжих чиновников в крае, было решено сделать их местными землевладельцами. Как указывалось в инструкции о порядке продажи казенных земель чиновникам от 23 июля 1865 г., «для привлечения чиновников русского происхождения» на службу в западные губернии «и для поощрения их к продолжению там службы» в продажу без торгов назначались казенные имения и фермы. Оценивалось имение из расчета того дохода, который оно приносило в течение 10 лет с надбавкой еще 10%. Чиновник при приобретении земли ничего не платил, а погашал свой долг равными долями в течение 20 лет. Право приобретать на таких условиях имения имели только чиновники, вызванные на службу в край с 1863 г. и по удостоверении начальства «в усердной их службе и совершенной благонадежности в политическом отношении» [133]. В первую очередь эти земли и льготы при их приобретении предназначались для значительных по занимаемой должности чиновников. Их правительство считало особо для себя полезными и на их влияние оно рассчитывало. Участки для них предназначались от 300 и выше десятин. Став полноправными помещиками, эти чиновники вместе с русским поместным дворянством, по мысли членов Западного комитета, должны были заправ-

лять всеми делами в будущих земствах, судах, а также влиять морально на мелких помещиков — своих соседей [134].

Мелкие участки площадью меньше 300 дес. предназначались для мелких чиновников, волостных писарей, учителей. На них правительство также возлагало определенные надежды. Эти мелкие землевладельцы, согласно мнению министра государственных имуществ Зеленого, должны были «через непосредственное сношение с крестьянами» стать для последних «ближайшими руководителями, оказывая таким образом противодействие политической и религиозной польской пропаганде» [135], т. е. помогать правительству в деле русификации коренного белорусского населения.

Решать вопрос о том, кто из чиновников заслуживает приобретения имения и какой площади, мог только генерал-губернатор по представлению непосредственного начальника служащего [136]. Например, в Минской губ. большие участки земли в качестве награды за службу получили председатель минского уголовного и гражданского суда дворянин Смоленской губ. И. А. Бонч-Осмоловский (участок Блонь Игуменского уезда в 1500 дес. земли) и начальник люстрационной комиссии Минской губ. И. И. Леммергирт (участок Константиново из конфискованного имения Копаткевичи Мозырского уезда в 2881 дес.) [137]. А всего в белорусских губерниях 574 чиновника в награду за службу купили на особо льготных условиях по инструкции 23 июля 1865 г. 259 258,56 дес. земли [138] — в среднем около 450 дес. на покупателя.

Привлеченные всевозможными льготами и преимуществами в западные губернии устремились тысячи любителей легкой наживы в надежде быстро разбогатеть, приобрести недвижимую собственность и сделать блестящую карьеру. С 1863 по 1865 г. в белорусских губерниях было определено на службу 4619 новых чиновников. А всего к 1866 г. здесь уже служило 4663 человека непольского происхождения и некатолического вероисповедания [139]. Преобладающее большинство из этих чиновников являлись уроженцами великорусских губерний.

Например, среди служащих Минского губернского управления государственных имуществ (самого многочисленного по числу чиновников) в 1868 г. местные уроженцы составляли лишь 31% всего личного состава

управления. В большинстве своем на службе оставляли местных православных чиновников, занимавших очень незначительные должности: писцов, делопроизводителей, архивариусов и т. д. Все более или менее значительные должности — управляющего палатой, столоначальника, советника и др.— были замещены приглашенными из России и Прибалтики [140]. На место переведенных во внутренние губернии учителей в средние учебные заведения Белоруссии выписывались русские преподаватели, которым давалась такая же прибавка к жалованью в размере 50%, как и русским чиновникам. В связи с предоставляемыми льготами летом 1864 г. на 80 вакантных мест в Виленском учебном округе, в который входила и Белоруссия, было подано 360 прошений от учителей из внутренних губерний России [141]. К началу 1864/65 учебного года все преподавательские кадры средних учебных заведений округа оказались укомплектованными русскими учителями, тогда как к 1 января 1864 г. из 391 учителя лишь 113 преподавателей были православными [142]. При этом и среди православных учителей, как и среди чиновников, было мало местных уроженцев. Так, в средних учебных заведениях Минской, Виленской и Гродненской губерний к 1864 г. местных уроженцев осталось лишь 30 человек и они составили 32% всех учителей этих губерний [143]. В дальнейшем их удельный вес и абсолютное число должно было уменьшиться, так как замена учителей продолжалась в течение 1864 г. и была в основном закончена к концу года.

Понимая, что нельзя и в будущем постоянно рассчитывать только на перевод чиновников в Белоруссию из внутренних губерний России, правительство наметило в общих чертах систему их подготовки на месте. Затрудняя поступление в средние учебные заведения католикам, местные власти стремились комплектовать контингент учащихся средних учебных заведений, а следовательно, и будущие кадры местных чиновников из детей чиновников, прибывающих на службу в Белоруссию, и русских землевдадельцев, а также поставить среднее образование в крае под строгий контроль местной администрации.

На основании циркуляра Муравьева от 4 апреля 1864 г. в гимназиях Белоруссии запрещалось употребление польского языка, польские книги были изъяты из ученических библиотек. Муравьев забраковал старый

учебник истории, и на составление нового учебника был объявлен конкурс. Перед его составителями была поставлена задача доказать, что белорусские земли являлись исконно русской территорией, населенной русским и православным населением, которое подверглось частичному насильственному окатоличиванию и ополячиванию. Запрещены были учебник по истории римско-католической церкви Делерта и учебник по географии Даниэля [144].

Правительство также обратило особое внимание на женское образование в крае. Женские учебные заведения, по мысли попечителя виленского учебного округа, должны были здесь «дать приличное воспитание дочерям городских чиновников и образование в русском смысле и вкусе дочерям окрестных землевладельцев» [145]. Получив образование в «русском духе», выпускницы местных учебных заведений должны были нести эти начала в свои семьи, воспитывая детей верноподданными российского самодержца и влияя в том же духе на мужей — местных чиновников и помещиков.

Ревизовавшие в 1867 г. северо-западные губернии чиновники министерства внутренних дел доносили о процветавшем среди служащих взяточничестве, казнокрадстве, вымогательстве, пьянстве [146]. Как отмечал виленский генерал-губернатор Потапов в 1870 г., при массовой замене польских чиновников на русских в край приезжали главным образом те, «услугами которых вовсе не дорожили» на прежних местах их службы во внутренних губерниях и от которых рады были избавиться [147]. Даже гродненский и минский губернаторы были замечены в вымогательстве, в присвоении чужого имущества и прочих неблаговидных поступках [148]. В результате, по признанию самих царских властей, такие чиновники не только не принесли успеха делу укрепления позиций самодержавия в Белоруссии, «но скорее повредили ему», так как их деятельность «производила весьма невыгодное впечатление на местное население» [149]. Такой административный аппарат дискредитировал самодержавие и его политику.

Не выполнили своего предназначения и новые землевладельцы из приехавших чиновников. Покупая за бесценок земли, новоявленные помещики меньше всего думали о правильном, рациональном ведении хозяйства в

своих имениях и о своей роли «миссионеров» среди окрестного населения. Стремясь выколотить из земли максимум дохода в минимальные сроки, они истощали почву, рубили леса, раздавали земли в аренду, а сами не собирались жить в своих имениях. Виленский генерал-губернатор И. С. Каханов спустя 20 лет после принятых правительством постановлений в отношении продажи земель в северо-западных губерниях писал, что чиновник смотрит «на свое приобретение как на выгодное предприятие, чем и обуславливается быстрое извлечение из имений возможно больших выгод и затем полное равнодушие к судьбе дешево доставшегося приобретения, переданного в аренду или перепроданного» [150].

Не принесли ожидаемых результатов и преобразования в крае средних учебных заведений, а также воспитание местных дворянок в духе «православия, самодержавия и народности». «Польский дух» из стен этих заведений, казалось, и выбили, доступ поляков в них ограничили, но скоро часть учащихся оказалась зараженной общероссийской народнической идеологией. 64,4% всех участников народнического движения в Белоруссии в 70-х годах были учащимися местных средних учебных заведений или их выпускниками [151]. Среди народников 70—80-х годов оказались и дети тех, кто приехал в край по вызову правительства и получил, согласно повелению царя, за особые заслуги имения. Так, сын получившего «по высочайшему повелению» в 1868 г. имение Блонь с 1500 дес. земли И. А. Бонч-Осмоловского Анатолий стал участником народнического движения 80-х годов, а его жена и дети вели пропаганду среди крестьян.

Своей политикой, направленной против развития среднего и высшего образования в Белоруссии, правительство тормозило процесс формирования кадров национальной интеллигенции.

В то же время отсутствие в крае высших учебных заведений обернулось в 70-е годы нежелательными для царизма последствиями. Выходцы из Белоруссии, учась в таких признанных революционных центрах, какими являлись Петербург, Москва и другие города, среди демократической студенческой молодежи разной национальности, сами революционизировались и становились активными деятелями общероссийского освободительного движения. Среди землевольцев и народовольцев России,

участников народнических кружков Украины и активного «хождения в народ» в Поволжье и других районах России было немало студентов — уроженцев Белоруссии. Благодаря им и при их прямом участии создавались народнические кружки в крае. А выходцы из безземельного польского дворянства, освобождаясь от шляхетской ограниченности многих деятелей восстания 1863 г., стали вскоре активными участниками польского социального движения.

Вынужденное силой социально-экономического и политического развития пойти на отмену крепостного права правительство защищало интересы поместного дворянства. Революционная ситуация в стране должна была побудить правительство к действиям, которые могли бы укрепить его социальную базу в крае за счет помещиков всех национальностей. Однако подъем национально-освободительного движения на западных окраинах империи, захвативший на определенном этапе и часть польских помещиков в Белоруссии, помешал правительству прибегнуть к своей традиционной тактике лавирования и мелких уступок в широких размерах, а начавшееся восстание вообще положило конец всякому заигрыванию с местным поместным дворянством: с польскими — в силу недоверия к ним, с русскими — в силу их слабости. Наказав помещиков — прямых участников событий 1863 г., царизм в отношении остальной части польских помещиков делал ставку на их запугивание и с его помощью надеялся справиться с оппозиционным движением в его среде. После подавления восстания правительство делало основную ставку на пересоздание в крае господствующего класса путем укрепления здесь позиций русского землевладения и снижения удельного веса в землевладении польских помещиков. В связи со стремлением самодержавия создать на окраинах империи социальную опору в лице крупных землевладельцев путем раздачи земель главным образом русскому дворянству В. И. Ленин писал: «Полицейское государство настолько восстанавливает против себя массу населения, что ему необходимо искусственно создавать группы лиц, способных служить столпом отечества. Ему необходимо создать класс крупных эксплуататоров, которые бы всем были

обязаны правительству, которые зависели бы от его милости, которые извлекали бы громадные доходы самым низменным способом... и в силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякого произвола и угнетения»[152].

В отношении беспоместного дворянства и деклассированной шляхты, чьи представители оказались руководителями и идеологами восстания и основной движущей силой его, правительство проводило политику репрессий и очищения края от них путем перевода чиновников-католиков на службу во внутренние губернии России, ограничения приема дворян-католиков в учебные заведения, ограничения в праве аренды и управления имениями для польского безземельного дворянства и шляхты.

В этот период защита царизмом в Белоруссии общеклассовых интересов поместного дворянства выразилась в подавлении революционного и национально-освободительных движений, направленных не только против самодержавия и национального угнетения, но и против социального гнета, помещичьего землевладения и других остатков крепостничества в экономике и политическом строе России.

2. ГОДЫ РЕАКЦИИ И ВТОРОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Отбив волну общественного возбуждения начала 60-х годов, правительство сумело на этот раз одержать победу над освободительным движением и отстоять в неприкосновенности самодержавие. Казалось, после подавления восстания на западной окраине и разгрома революционного подполья в самой России уже ничто непосредственно не угрожало царизму. Крестьянская борьба за землю, которая никогда не прекращалась в деревне, не вызывала в правительстве в эти годы серьезных опасений, так как она по сравнению с годами первой революционной ситуации значительно ослабла. Студенческие волнения прекратились. Либеральная оппозиция, напуганная подъемом освободительного движения, примолкла. Господствующие классы, забыв о разногласиях с правительством и между собой, перед лицом нависшей опасности поспешили сплотиться вокруг трона, чтобы отстоять свои привилегии. Однако правительственные и

придворные круги и после 1863 г. не чувствовали себя победителями. Обстановка в стране оставалась тревожной, и в Зимнем дворце со страхом ждали нового революционного взрыва и подъема освободительного движения угнетенных наций. Крестьянская реформа не разрешила полностью крестьянского вопроса, о чем свидетельствовали непрекращавшиеся волнения в деревне. Хотя революционно-демократическое движение было обескровлено и потеряло своих признанных вождей, передовая журналистика и литература продолжали нести их идеи дальше, а существовавшие нелегальные кружки свидетельствовали о том, что борьба революционной интеллигенции против царизма продолжалась.

В такой обстановке царизм некоторое время не решался перейти к открытой реакции и сойти с пути буржуазных реформ, начатых в 1861 г. освобождением крестьян от крепостной зависимости. С большими колебаниями и многими отступлениями от первоначальных проектов правительство ввело в 1864 г. земские учреждения, новые судебные уставы, провело школьную реформу, а 6 апреля 1865 г. был утвержден новый цензурный устав. Все эти преобразования являлись продолжением реформы 19 февраля 1861 г. и были призваны приспособить монархический строй к развивающимся капиталистическим отношениям.

Но даже половинчатые и непоследовательные реформы 60-х годов казались реакционным правительственным кругам посягательством на святая святых — на самодержавную власть и господство помещиков. Крепостники не могли смириться с этими уступками «духу времени». Такие члены правительства, как шеф жандармов В. А. Долгоруков и ему подобные, были против политики лавирования, которую вынуждено было проводить самодержавие в годы революционного подъема, и тосковали по временам Николая I, считая, «что если поближе присматривать и построже держать, то все было бы ладно»[153]. Поэтому они ждали удобного момента для перехода в открытое контрнаступление. Предлогом для него послужило покушение Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Выстрел Каракозова ускорил смену курса правительственной политики. Его направление было недвусмысленно изложено в рескрипте императора на имя председателя Комитета министров П. П.

Гагарина от 13 мая 1866 г. Рескрипт объявлял основной задачей самодержавия борьбу с революционным движением в стране. В этой борьбе правительство собиралось опираться на все охранительные силы России, «которым дороги права собственности, права обеспеченного и огражденного законом землевладения, начала государственного единства и прочного благоустройства, начала нравственности и священные истины веры» [154]. Такой силой в империи было в первую очередь поместное дворянство, являвшееся социальной базой самодержавия. Заинтересованность самодержавия в укреплении союза с реакционным дворянством России с полной определенностью проявилась в рескрипте. В реакционной правительственной программе учитывались все основные пожелания консервативных сил. Как явствовало из рескрипта, новый курс политики должен быть направлен на укрепление помещичьей собственности, самодержавной власти, роли дворянства. Документ также требовал «прекратить повторяющиеся попытки к возбуждению вражды между разными сословиями и в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев» [155].

В развитие рескрипта министр внутренних дел 31 мая 1866 г. направил всем губернаторам циркуляр, в котором строго предписывал следовать указаниям рескрипта. Местная администрация должна была «обнаруживать особую заботливость о пользах и нуждах православной церкви» и поместного дворянства [156]. Свое стремление к укреплению союза с реакционным поместным дворянством России самодержавие вновь официально подтвердило в период второй революционной ситуации на рубеже 70—80-х годов. В дни кризиса власти напуганное подъемом освободительного движения и террором народников самодержавие как никогда нуждалось в укреплении и расширении своей социальной базы за счет консолидации всех охранительных сил в стране, в первую очередь помещичьего дворянства независимо от его национальности. Как писал председатель Особого совещания Валуев, правительству в его борьбе с революционным движением в стране необходимо было «ободрить и сплотить» для противодействия революционной пропаганде «те элементы населения, в которых должны естественно и преемственно заключаться разумные охранительные

силы». Эти силы, указывал он, «заключаются в частном потомственном землевладении потому, что они возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами...» [157]

Смена правительственного курса должна внести свои коррективы в дворянскую политику самодержавия в Белоруссии. Настроения, которые господствовали среди помещиков края после подавления восстания 1863 г., а также в годы нового общественного подъема и новой революционной ситуации, содействовали этому.

Развитие капитализма воздействовало как на экономическое положение дворянства, так и на его политические настроения. Поместное дворянство, унаследовав от предшествовавшей эпохи основу своего экономического и политического могущества — земельные богатства, но лишившись крепостных крестьян, должно было приспосабливаться к новым условиям хозяйствования на капиталистических началах.

Несмотря на сильные пережитки феодализма, помещичье хозяйство в Белоруссии в целом развивалось по капиталистическому пути. В пореформенные годы для него характерно переплетение капиталистических и отработочных систем. В центральной и западной Белоруссии преобладали капиталистические способы введения хозяйства, а на востоке — смешанные. При этом капиталистический наем постепенно вытеснял отработки [158].

Не все помещики смогли приспособиться к новым условиям. Часть их продемонстрировала полное неумение перестроить свое хозяйство на капиталистический лад. Поэтому переход к капиталистической системе хозяйств сопровождался разорением части поместного дворянства. Мировой сельскохозяйственный кризис способствовал этому процессу, хотя в конечном итоге падение цен на хлеб ускорило капиталистический прогресс в земледелии [159]. Главным показателем материального благосостояния дворянства была земля. Именно она стала ускользать из рук помещиков. С 1862 по 1892 г. в 5 северо-западных губерниях дворянский земельный фонд сократился на 10% [160]. Здесь ежегодно поступало на свободный рынок в среднем 2,7% частновладельческой земли [161]. При этом продавали землю главным образом крупные помещики, ведшие преимущественно хозяйство отсталым, отработочным способом [162].

Одновременно росла задолженность помещиков. В 1888 г. по 5 северо-западным губерниям было заложено в банках 3 072 992 дес. частновладельческой земли, или 27,5%. С годами эта задолженность росла. К 1894 г. в банках по 5 губерниям было заложено 51,7% частновладельческой земли. А сумма долгов помещиков этих губерний с 1859 по 1894 г. выросла на 81%, составляя 78 131,4 тыс. руб. [163]

Под влиянием развивающегося в стране капитализма усиливалась имущественная дифференциация среди помещиков. По-прежнему латифундистам в Белоруссии, имевшим в собственности свыше 500 дес. земли на владельца, принадлежала большая часть находившейся в собственности дворян удобной земли (в 1877 г. 89,1%), но постепенно она сокращалась. С 1877 по 1905 г. количество находившейся в их собственности удобной земли уменьшилось на 175 266 дес., или почти на 3%. Одновременно падал их удельный вес среди дворян-землевладельцев, имевших в собственности более 100 дес. удобной земли. Если в 1877 г. на долю латифундистов приходилось 90,3% такой земли, то в 1905 г. — 85,3% [164]. Одновременно несколько увеличивалось число мелкопоместных помещиков, владевших имениями до 100 дес. [165] Для разорившихся и обедневших помещиков служба становилась единственным источником дохода. На службу стремились устроиться и те, кто надеялся с помощью жалованья поправить свои дела. Поэтому во второй половине XIX в. росла численность служилого дворянства. Однако в Белоруссии, где запрещалось принимать в государственные учреждения дворян-поляков и контингент чиновников комплектовался за счет приезжих, найти службу одним — католикам — было невозможно, другим — православным, но местным — затруднительно.

С развитием капитализма дворянство по своему экономическому положению все более сближалось с различными слоями и классами формировавшегося буржуазного общества. Поместное дворянство вело предпринимательское, капиталистическое сельское хозяйство. Часть дворянства не ограничивалась этим. Наряду с сельскохозяйственным производством помещики вкладывали капиталы и в промышленность, причем связанную не только с переработкой сельскохозяйственного сырья. Этим обур-

жуазившимся помещикам и дворянам в Белоруссии в 1900 г. принадлежало 53,8% всей цензовой промышленности [166], а они сами пополняли ряды формировавшейся буржуазии. Из разорившихся и безземельных дворян состояла часть бюрократического аппарата, интеллигенции. Мелкие арендаторы земли из дворян сближались по своему социальному положению с мелкой сельской буржуазией. А поступившие на промышленные предприятия шляхтичи пополняли ряды пролетариата Белоруссии. Так рост капитализма подрывал в России, в том числе и Белоруссии, сословные устои [167]. Разложение старого феодального сословия, изменение экономического и социального положения его отдельных групп приводили к тому, что и в общественно-политическом отношении оно не было единым лагерем. В то время как поместное и связанное с промышленным предпринимательством дворянство составляло реакционный дворянско-монархический и либерально-буржуазный лагери, наиболее передовая часть разорившегося дворянства и безземельной шляхты примыкала к революционным народникам. Поэтому не случайно среди деятелей народнического движения 70-х годов в Белоруссии 21,6% составляли выходцы из дворянского сословия [168]. В дальнейшем, с появлением первых марксистских кружков в Белоруссии и польской рабочей партии «Пролетариат», чьи кружки-колонии действовали и в северо-западных губерниях, в них можно было встретить и тех, кто по сословному положению являлся дворянином, но давно порвал со своим сословием и примкнул к самому передовому классу буржуазного общества — пролетариату. Большинство дворянства Белоруссии, в первую очередь поместное, независимо от своей национальности враждебно относилось к этим революционным течениям. Непрекращавшаяся крестьянская борьба за землю, попытки народников поднять деревню на аграрную революцию, первые выступления рабочих России грозили самому существованию помещичьего класса. В этих условиях поместное дворянство Белоруссии видело в незыблемости самодержавия единственную гарантию сохранения своих привилегий и своего господства. Поэтому оно было заинтересовано в укреплении союза с царизмом. При этом польские помещики края не составляли исключения. По признанию одного из представителей поместного поль-

ского дворянства, помещики западных губерний разочаровались в деле возрождения Польши [169]. Как свидетельствовал могилевский губернатор в 1866 г., «в среде более благоразумной части дворянства польского происхождения слышится осуждение событий 1863 г. в крае и нередко самое раскаяние» [170]. Кроме того, с развитием капитализма и экономические интересы польской буржуазии, в том числе и обуржуазившихся помещиков как Польши, так и Белоруссии, толкали ее к союзу с царизмом. Россия для нее являлась обширным рынком сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции. Поэтому польские помещики из противников российского правительства окончательно стали его союзниками. В обстановке нараставшей революционной борьбы, непрекращавшегося аграрного движения они вместе с остальными помещиками края искали защиты у самодержавия. Как писало могилевское поместное польское дворянство Александру II в 1866 г., «только под скипетром русских венценосцев и только в составе русской державы» оно может достичь «возможного благосостояния и преуспеяния» [171].

Совпадение коренных классовых интересов поместного дворянства Белоруссии и самодержавия не означало отсутствия некоторых между ними разногласий по второстепенным, непринципиальным вопросам.

Все консервативное дворянство Белоруссии по-прежнему выражало недовольство политикой самодержавия в крестьянском вопросе. Муравьевские циркуляры 1863—1864 гг. [172], с помощью которых правительство пыталось нейтрализовать влияние на белорусских крестьян повстанческих аграрных декретов, а затем претворение этих циркуляров в жизнь вызвали бурю негодования в среде местных помещиков. Они объявили все распоряжения виленского генерал-губернатора Муравьева и его ставленников — мировых посредников несогласными «вполне с общей идеей о праве собственности» [173].

Особым нападкам со стороны помещиков подверглись поверочные комиссии. Оценка ими крестьянских наделов считалась помещиками заниженной и несоответствовавшей стоимости земли. Поэтому их обвиняли в «односторонности» и «предвзятости», в желании разорить и уничтожить поместное дворянство и даже в «социализме». Как писал один из местных помещиков Александру II,

поверочные комиссии и муравьевские инструкции якобы «не только разрушают всякое обеспечение прав собственности, но вместе с тем потрясают в своих основаниях общественный порядок и самую личную безопасность помещиков». С точки зрения помещиков, эти инструкции «ничто иное, как искра, брошенная среди всего сельского населения, угрожающая произвести во всем крае огромный переворот, ежели не политический, то общественный», в котором помещик «падет жертвой необузданной его (крестьянина.— *С.С.*) мести и ненависти»[174]. Многие из выкупных актов опротестовывались помещиками. Жалобы на деятельность поверочных комиссий посыпались не только в выкупные учреждения всех рангов, но и в министерство внутренних дел, членам царствующей фамилии, а князья Радзивиллы обратились с просьбой о защите к германскому императору. Объявляя себя «жертвой» крестьянской реформы и поверочной комиссии, князь Радзивилл потребовал от царизма уплатить ему за понесенные «убытки» 1 947 600 руб.[175] Как правильно заметили минский и гродненский губернаторы, поверочные комиссии подверглись массированной атаке со стороны помещиков не потому, что они слишком низко оценивали наделы. Оценка земли по выкупным актам значительно превышала ее рыночную стоимость. Но землевладельцам этого казалось мало[176]. Они не могли примириться с потерей даровой рабочей силы и с уступками крестьянам в связи с восстанием. Поэтому прав был минский губернатор, когда объяснял, что помещики жалуются «не столько на действия поверочных комиссий, сколько на сами законоположения»[177].

Помещики видели свое «разорение» в сохранении за крестьянами права на сервитуты, в возвращении обезземеленным ими же крестьянам части земли, в обязанности на протяжении нескольких лет снабжать крестьян топливом.

Землевладельцы упрекали местные власти в том, что они недостаточно энергично борются с аграрным движением в деревне[178].

Пугая правительство своим «разорением» и полным истреблением, помещики требовали аннулирования всех аграрных циркуляров Муравьева, ликвидации сервитутов, разверстания угодий с переселением крестьян на неплодородные земли, замены мировых посредников на

местных землевладельцев [179], которые откровенно и в обход существовавших законов защищали бы их интересы.

Помещикам мешали законы военного времени, по которым им запрещались отлучки из имений и собрания даже в частных домах. Между тем их хозяйственные интересы требовали и разъездов и совещаний. Как писал помещик Полоцкого уезда витебскому губернатору «стеснение выезда из дома по делам нашим... увеличивало расстройство наших хозяйств и домашних дел» [180]. Поэтому землевладельцы высказывались за отмену исключительных законов [181], открытие дворянских собраний и восстановление выборности своих сословных представителей [182].

Середина 60-х годов была временем введения в России большей части буржуазных реформ. Местные землевладельцы Белоруссии были заинтересованы в открытии и у них главным образом земских учреждений, новых судов [183]. Они надеялись с помощью земства и мировых судов, в которых стали бы играть ведущую роль, укрепить свое политическое и экономическое положение, успешно бороться с крестьянским движением. Как писал помещик Витебской губернии А. Розен, «для распространения между крестьянами понятий о законности и неприкосновенности чужой собственности необходимо введение новой судебной реформы» [184].

Таким образом, основные требования поместного дворянства Белоруссии касались аграрного вопроса. Они фактически выступали за консервацию в деревне остатков крепостничества, которые давали им возможность экономически закабалять крестьян и пользоваться даровым трудом. Они также требовали возвращения сословных прав и привилегий, которых их временно лишили в связи с восстанием 1863 г. Даже выступая за введение в крае таких буржуазных по своему характеру реформ, какими являлись земская и судебная, реакционные помещики Белоруссии рассчитывали использовать их для укрепления политического положения поместного дворянства.

В удовлетворении перечисленных выше требований было заинтересовано все поместное дворянство Белоруссии. Однако наиболее реакционная часть русских и остзейских помещиков считала необходимым не распрост-

ранять на польское дворянство право голоса при выборе будущих земских учреждений и судов [185] и право на компенсацию за изменение условий освобождения крестьян. Понимая, что для удовлетворения их материальных претензий потребуются большие денежные затраты, они рекомендовали царизму, как писал один из местных помещиков, отнести эти расходы «на счет виновных в производстве беспорядков в крае польских жителей» [186].

Приветствуя политику правительства, направленную на вытеснение из западных губерний польских землевладельцев, местные помещики русского и остзейского происхождения в то же время намеревались занять их место, скупив за бесценок и с материальной помощью правительства имения, и были возмущены, когда увидели, что всевозможные кредиты на приобретение этих поместий главным образом предназначены не для них, а выходцам из великорусских губерний. Поэтому в своих ходатайствах местные помещики требовали распространить на них льготы, предназначенные для покупки имений [187].

Тем самым русские помещики не только стремились избавиться от конкуренции польского дворянства в общественной и экономической жизни края, но и потребовали от правительства поделиться с ними теми огромными суммами, которые ежегодно собирались в виде контрибуций и штрафов в крае.

Каждодневно наблюдая за настроениями местного русского дворянства и сталкиваясь с его требованиями к правительству, могилевский губернатор в 1868 г. вынужден был признать, что претензии русских помещиков не имеют границ, что они уверены, «будто православное вероисповедание дает права на особые какие-либо милости и льготы со стороны правительства», например на освобождение от продажи имения за долги или на предоставление особо выгодной должности [188].

В свою очередь польские помещики Белоруссии, по их собственному признанию, «лишенные доверия (правительства.— *С.С.*) и всякого участия в делах общественных», находились в «оборонительной оппозиции» [189]. Они ожидали, что правительство в обмен на их полную капитуляцию уравняет их в правах с русским дворянством, отменит контрибуционные сборы и запрещение приобретать землю в крае и не будет делать в будущем каких-

либо различий в своей политике в отношении отдельных национальных групп местных землевладельцев [190]. Как отмечали местные власти, польские помещики Белоруссии старались избегать всякого открытого проявления недовольства правительством, предпочитая выжидать, приспосабливаться к обстоятельствам [191]. Всякое осложнение международного положения, особенно русского царизма, или активизация деятельности аристократической эмиграции, а также внутренние затруднения правительства рождали среди польских помещиков Белоруссии надежды на уступки [192]. Они не без основания рассчитывали, что все эти затруднения должны будут побудить царизм рано или поздно пойти на примирение с благонадежными в политическом отношении польскими помещиками ради укрепления своей социальной базы в крае.

Стремление царизма к укреплению социальной базы в лице поместного дворянства и связанные с этим изменения в правительственном курсе, столь явно обозначившиеся уже в рескрипте Александра II на имя князя Гагарина в 1866 г., привели в конечном счете к пересмотру правительственной политики в отношении помещиков Белоруссии. Постепенно освобождаясь от глубоко укоренившегося недоверия к польскому дворянству, правительственные и придворные круги во второй половине 60-х годов приходят к убеждению, что польское дворянство, как сообщали с мест, «уразумело бессилие свое» и приведено к «покорности» [193]. Наиболее дальновидные политические деятели (министр внутренних дел Валуев, министр финансов Рейтерн, шеф жандармов Долгоруков) уже в 1864—1865 гг., т. е. еще до издания рескрипта, считали, что своей политикой репрессий и ограничений, направленных без разбору на все польское дворянство, самодержавие отпугивает от себя возможных союзников в крае, озлобляет без нужды многочисленное католическое население и увеличивает число недовольных. О «вредном влиянии» на политическое состояние губернии «слишком долгого и безусловного различия», которое делало правительство между православным дворянином и католиком, доносил могилевский губернатор Беклемишев [194].

Все эти деятели прекрасно понимали, что в 1863 г. польскому национально-освободительному движению в западных губерниях был нанесен серьезный удар, от которого оно не скоро оправится. Они также сознавали, что восстание послужило жестоким уроком для поместного польского дворянства северо-западных губерний. Это должно окончательно отрезвить тех, кто еще недавно надеялся удержать борьбу в рамках законности или ограничить восстание одними национальными целями. Эта часть высшей царской бюрократии была далека от мысли о полной реабилитации всего польского дворянства Белоруссии, но она справедливо считала, что среди польских помещиков, особенно среди крупных, найдется немало таких, которые готовы сотрудничать с царизмом. Поэтому сразу после подавления восстания сторонники более гибкой и дифференцированной политики предлагали правительству строить взаимоотношения с местным дворянством не в зависимости от его национальности, а с учетом степени политической благонадежности. Именно к этому сводились предложения в 1865 г. помощника виленского генерал-губернатора Потапова [195] и могилевского губернатора Беклемишева [196]. Всем «безусловно благонадежным» польским помещикам правительство должно было оказывать «полное покровительство наравне с русским и остзейским дворянством», освобождая одновременно край от враждебных самодержавию элементов [197]. Спаянное воедино это преданное самодержавию и заинтересованное в нем поместное дворянство всех национальностей станет, как писал Беклемишев, «опорой правительства и вернейшим проводником распоряжений его в народе» [198].

Газета «Виленский вестник», не отстававшая до сих пор в травле поляков от ведущих шовинистических периодических изданий России типа «Московских ведомостей», с 1866 г. меняет тон. Она не отказывалась от обрусения края, но призывала это делать более тонко. «Не всякий способ действия... бывает благоразумным»,— писала редакция, указывая, что «презрение и брань» только отталкивают «инородцев» от правительства и тем самым приносят вред делу русификации (1866, 13 декабря). Теперь «Виленский вестник» (1866, 15 декабря) объявлял врагом царизма и русского народа не польскую нацию, а «полонизм». Поляк, «не пропагандирую-

щий» против русской империи и «не озлобленный», уже не является врагом, учила газета и тут же высказывала убеждение, что среди местных поляков найдется немало таких вот «трезвых» людей. Иными словами, местная администрация на страницах своего официоза обещала поддержку польскому дворянству в обмен на его сотрудничество с царизмом. Одновременно она предупреждала, что будет безжалостно преследовать всех, кто попытается противодействовать правительству. Александр II решился изменить политику в этом направлении лишь после того, как к 1869 г. были подведены первые итоги по насаждению в Белоруссии русского землевладения и по управлению краем на основе законов военного времени. Убедившись в несостоятельности планов полной замены силами правительства господствующих классов в северо-западных губерниях, самодержавие решило ориентироваться в своей политике не только на русское и остзейское поместное и служилое дворянство, но и на благонадежную часть польских помещиков[199]. О смене отношения Александра II на рубеже 60—70-х годов к польскому поместному дворянству можно судить по его пометам на докладе виленского генерал-губернатора А. Л. Потапова. Так, против предложения последнего о том, что правительство должно дать доказательство местному дворянству, «что оно готово забыть прошлое и не отказывает в доверии местному населению» и в то же время и в будущем не потерпит никаких покушений на спокойствие и порядок в крае, стоит помета царя: «Совершенно так». Оживление демократического движения в стране, которое стало наблюдаться с конца 60-х годов, побудило царизм поторопиться с внесением определенных корректив в свою политику в Белоруссии.

Отныне эта политика должна была по возможности привлекать к царизму все заинтересованные в сильной власти слои местного, в том числе и польского поместного, дворянства. Не изменило правительство принятого курса и в годы второй революционной ситуации. К этому времени оно успело убедиться в отсутствии среди поместного дворянства края антиправительственных настроений и в полной его враждебности к народническому движению в России и социальному движению в Польше. Так, во время восточного кризиса (1875—1877 гг.) и русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) виленский гене-

рал-губернатор и могилевский губернатор доносили о благонадежности польских дворян и о сборе ими средств в помощь славянам Балканского полуострова [200]. А председатель Особого совещания Валуев писал Александру II о том, что «революционная агитация (народническое движение.— *С.С.)* не находит удобной для себя почвы в населении, принадлежащем к католическому исповеданию и польскому населению» [201]. Когда в годы революционной ситуации по всей стране ожила либеральная оппозиция, местная администрация доносила из Белоруссии, что здесь не только русские, но и польские помещики постоянно «высказывают преданность правительству» и «готовность идти указанным им путем» [202]. Поэтому царизм, заинтересованный как никогда в дни кризиса власти в консолидации всех консервативных сил в государстве, проявил особую заинтересованность в союзе с поместным дворянством Белоруссии всех национальностей. Вновь «Виленский вестник» заговорил о необходимости «примирения» двух национальных группировок в местном господствующем классе, о их «племенной близости» (1880, 15 декабря) и призывал оставить в стороне «национальные и политические страсти» (1881, 3 января) во имя отстаивания общих классовых интересов.

Самодержавие, как и обещало еще в рескрипте 1866 г., встало на защиту помещичьего землевладения. Как только было подавлено восстание и отпала нужда в заигрывании с белорусскими крестьянами, местные власти забыли о своих распоряжениях не посылать войска на подавление крестьянских волнений. Теперь они вернулись к привычной для себя практике расправляться с крестьянами при всякой их попытке отстоять свои интересы, нарушить права помещичьей собственности, не выполнить распоряжения помещичьей администрации.

Царизм жестоко расправлялся и с революционными народниками, пытавшимися поднять крестьян на борьбу против остатков крепостничества. В одном лишь 1874 г. было арестовано в России 1400 народников, активно участвовавших в пропаганде среди крестьян [203]. Та же участь постигла и членов народнических кружков в Белоруссии.

Вынужденное в 1863 г. пойти на изменения первоначальных условий крестьянской реформы в Белоруссии самодержавие уже с середины 60-х годов пыталось

смягчить для помещиков последствия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Называя ликвидацию временнообязанных отношений и понижение выкупных платежей «жертвами», на которые правительство обрекло местных дворян ради «политических целей», виленский генерал-губернатор Альбединский считал, что такая политика вызвала в среде помещиков «недовольство» и «политическое брожение умов». Напротив, «некоторые милости содействовали бы устранению в жителях (помещиках.— *С. С.*) политических стремлений» [204].

Самодержавие стремилось наиболее полно удовлетворить те требования местных помещиков, которые касались их хозяйственных интересов, в том числе и в крестьянском вопросе. Только страх перед возможными массовыми крестьянскими восстаниями и опасения окончательно подорвать финансовое положение самодержавия в результате разорения деревни мешали правительству полностью удовлетворить домогательства помещиков Белоруссии.

Отменяя в 1866—1869 гг. военное положение в северо-западных губерниях, царизм возвращал местным землевладельцам свободу передвижения, столь необходимого им при ведении хозяйства.

В конце 70-х годов царизм пошел на открытие в крае обществ сельских хозяев, в которых очень нуждались местные землевладельцы. Они объединяли лиц, «занимающихся и интересующихся сельским хозяйством», должны были содействовать «успехам землевладельческой промышленности» [205]. Деятельность обществ была ограничена чисто сельскохозяйственными рамками, выходить за которые им было строго запрещено. Как указывалось в уставе Общества сельских хозяев Витебской губ., никакие чтения, рассуждения и предложения, до сельского хозяйства не относящиеся, в собраниях общества не разрешались [206]. Естественно, они не смогли восполнить помещикам отсутствие дворянских сословных и земских учреждений, но имели большое значение для успешного ведения хозяйства. Сельскохозяйственные общества помогали помещикам в приобретении сельскохозяйственного инвентаря, в сбыте про-

дукции, в найме рабочей силы. Велика была их роль в распространении полезного для помещиков опыта ведения хозяйства в новых условиях. На своих собраниях, на страницах периодической печати члены обществ имели возможность делиться своими знаниями и опытом со всеми помещиками края. Особенно большое значение для землевладельцев эти общества имели в годы разразившегося сельскохозяйственного кризиса. Правительство разрешало в конце 70-х — начале 80-х годов организовывать в России сельскохозяйственные съезды и выставки [207], в том числе и в Северо-Западном крае. Помещики получали возможность официально собираться вместе не только по губерниям, как на собрания обществ сельских хозяев, но и целым краем. Это расширяло их контакты, связи, а в них при отсутствии земских и сословных дворянских учреждений они очень нуждались. Сельскохозяйственные выставки содействовали распространению среди землевладельцев передового для того времени опыта в рамках целого края.

И общества сельских хозяев, и съезды, и выставки помогали помещикам перейти к новым формам хозяйствования в условиях капитализма.

Во второй половине 60-х годов русские помещики Белоруссии добились права приобретать имения, подлежавшие обязательной продаже, наравне с приезжими из великорусских губерний. Преимущественным правом на это пользовались крупные помещики. Когда в 1867 г. виленский генерал-губернатор Баранов в докладе Александру II доложил, что считает нецелесообразным выдавать разрешения на покупку таких имений лицам, уже имеющим недвижимую собственность в крае, так как «увеличение их территориальной собственности... не выполняет основной цели издания закона 10 декабря 1865 г., ибо от этого не увеличивается число благонадежных помещиков», то царь с этой мыслью не согласился [208]. Александра II не смущало то обстоятельство, что от таких покупок не подвинется «дело обрусения страны». Главное для него было в том, что «усилится... материальное благосостояние» местных благонадежных «крупных собственников» [209]. Необходимо также отметить, что уже с начала 70-х годов правительство несколько охладевает к делу укрепления в Белоруссии позиций русского землевладения. Царизм не желал ради

достижения этой цели идти на новые финансовые расходы, после того как были истрачены вырученные от продажи казенных земель 1 млн. руб. и выделенные министерством финансов 5 млн. руб.

Когда в 1871 г. в министерстве не осталось денег, отпущенных для помощи русским покупателям в Западном крае, министры финансов, внутренних дел и государственных имуществ, а также виленский генерал-губернатор единодушно заявили, что практика выдачи ссуд и льгот из государственных средств не оправдала себя [210]. Поэтому выдача ссуд из средств казначейства фактически прекратилась. Отныне покупатели должны были обращаться за ссудами на общих основаниях в так называемое Общество взаимного поземельного кредита, займы в котором, по свидетельству властей, отличались тяжелыми условиями [211]. Естественно, что в таких условиях земли в Белоруссии были в состоянии покупать только богатые землевладельцы. Такая смена отношения к насаждению в крае русского землевладения именно в начале 70-х годов была не случайна. Она свидетельствовала не только о финансовых затруднениях царизма, но и являлась верным симптомом изменения отношения правительства к польскому поместному дворянству Белоруссии. Решившись в своей политике в крае опираться не только на русских, но и на верноподданных местных польских помещиков, царизм мог пойти на сокращение расходов, связанных с выдачей ссуд на приобретение имений приезжим русским землевладельцам.

При удовлетворении экономических домогательств польских помещиков Белоруссии правительство также ориентировалось главным образом на крупных землевладельцев. Так как польские помещики в качестве одного из условий своего сотрудничества с царизмом выдвигали требование ликвидировать контрибуционные сборы, то уже в 1866 г. виленский генерал-губернатор Баранов, а затем и сменивший его на этом посту в 1868 г. Потапов поставили вопрос о сокращении контрибуций [212]. Ясно обнаружившееся лишь в конце 60-х годов стремление правительственных и придворных кругов заручиться поддержкой поместного польского дворянства Белоруссии побудило правительство создать для пересмотра контрибуций специальную комиссию при министерстве финансов. В своих решениях она исходила из

желания правительства подкупить польское дворянство и в то же время не лишить государственное казначейство его доходов. Из сумм, полученных в виде контрибуций, в Западном крае выдавали чиновникам 50-процентные надбавки к жалованию, содержали жандармские команды, строили и ремонтировали православные церкви. Отказаться от процентных сборов значило возложить все эти миллионные расходы на казну. Поэтому лишь постепенно сокращали общую сумму контрибуций [213]. Также были упорядочены правила раскладки процентных сборов между помещиками. Не отменяя окончательно контрибуционные сборы вплоть до 1897 г. [214], а лишь уменьшая их сумму, царизм систематически освобождал от них отдельных помещиков, в поддержке которых власти были особенно заинтересованы. Так, например, в Минской губ. губернатор поставил вопрос об освобождении от контрибуций 131 человека [215] под предлогом полной их политической благонадежности. В основном это были крупные помещики.

Одновременно царизм пытался использовать освобождение части польских помещиков от контрибуций в пропагандистских целях. Особенно это стремление обнаруживается в законодательных актах, по которым процентные сборы ликвидировались или сокращались для самых малочисленных групп польских помещиков — умалишенных, малолетних сирот, офицеров — пенсионеров по ранению, а также раненых в русско-турецкую войну. В крае таких больных, сирот и раненых было очень мало, в чем признавалось само правительство [216]. Поэтому от освобождения их от взноса процентных сборов царизм почти ничего в финансовом отношении не терял. Это была не столько экономическая, сколько пропагандистская акция. В каждом таком случае, как признавался начальник края, «польское население наглядно удостоверялось бы, что те из среды его, которые оказались верными своему долгу и запечатлели кровью своей преданность престолу и отечеству, не остались без справедливого внимания» императора [217]. Следовательно, в этом случае польскому дворянству старались внушить мысль, что царизму не чужды ни милосердие, ни справедливость и только верная служба и преданность царю даст ему право надеяться на уравнение в правах с русским дворянством. Такая политика, по признанию мест-

ной администрации, была рассчитана на то, чтобы «укрепить в чувствах» тех, кто был «истинно предан правительству», и ослабить вражду или чувство неудовольствия остальных польских землевладельцев[218].

Таким образом, сохраняя закон о контрибуциях до конца XIX в. и превращая каждое освобождение от них в акт особой царской милости, правительство пыталось держать в «узде» недовольных и подкупать тех, кто был готов идти на сотрудничество с ним.

В укреплении союза польских помещиков Белоруссии с царизмом большое значение имела бы и отмена ограничительных законов в области землевладения. Однако правительство и здесь пошло по тому же пути, что и при решении вопроса о контрибуционных сборах. Оно не соглашалось на отмену основных законов, с помощью которых надеялось держать под своим контролем процесс перераспределения частновладельческих земель в крае. Так, Комитет министров и Александр II отклонили в 1875 г. предложение виленского генерал-губернатора Потапова об аннулировании в инструкциях 5 марта 1864 г. и 23 июля 1865 г. статей, касающихся аренды и управления имениями поляками[219], опасаясь, что их отмена приведет к бесконтрольному переходу земли в руки польского дворянства.

Но, отказываясь что-либо менять в законодательном порядке в своих распоряжениях в отношении польского землевладения, правительство предпочитало идти по пути изъятия из-под действия этих законов тех польских помещиков, в сотрудничестве с которыми оно было заинтересовано, выдавая им разрешения на покупку земли. По неполным данным министерства внутренних дел, к началу 80-х годов закон 10 декабря 1865 г. был нарушен в Виленской губ. 81 раз, в Гродненской губ.— 37 раз[220]. Это значит, что 118 польских помещиков получили по распоряжению царя или местных генерал-губернаторов право приобрести землю в обход существовавших законов. При этом, как и при освобождении от контрибуционных сборов, предпочтение отдавалось крупным землевладельцам. Так, граф Тышкевич по одной лишь купчей приобрел с разрешения властей 28 564 дес. земли в Виленской губ.[221] А всего только в двух губерниях — Виленской и Гродненской — такие разрешения получили до начала 80-х годов 46 богатей-

ших польских помещиков[222]. Для покупки земли многие из них по распоряжению правительства получили ссуды из Виленского и Киевского земельных банков[223].

Эта тенденция выдавать разрешения на покупку земли крупным польским помещикам объясняется желанием местной администрации и правительства заручиться поддержкой в первую очередь польской аристократии в Белоруссии.

Такое обращение с основными законами по ограничению польского землевладения вполне устраивало правительство. С одной стороны, закон формально запрещал покупку земли полякам и тем самым препятствовал совершенно бесконтрольному и неуправляемому перераспределению земли внутри помещичьего класса, а с другой — царизм всегда имел возможность обойти его в тех случаях, когда ему было нужно. Выдавая разрешения на приобретение земли в крае отдельным известным своей политической благонадежностью и влиянием полякам, правительство приобретало в их лице опору и поддержку. Таким образом, закон применялся то как наказание (для лиц нежелательных), то как награда и подачка за преданность. Поэтому правительство не желало отменять столь удобный для себя закон, предпочитая в нужных для себя случаях просто его обходить. Как следствие процессов, происходивших под влиянием развития капитализма в белорусской деревне и в польском национально-освободительном движении, надо рассматривать и снисходительность местных властей к фактам нарушения законов, запрещавших русским владельцам, приобревшим имения в крае на льготных условиях, сдавать землю в аренду и управление полякам. Эти законы не только тяготили русских землевладельцев, ограничивая им свободу распоряжения своим имуществом. В еще большей степени они мешали польским дворянам, не имевшим наследственных имений, но обладавших достаточными средствами для арендования частновладельческих земель, расширять свое предпринимательское хозяйство. Те из них, кто брал в аренду большие участки земли наряду с богатыми крестьянами, являлись сельской буржуазией в белорусской деревне. Этой зажиточной части польской шляхты были глубоко враждебны социальные идеи, которые возобладали в польском национально-освободительном движении. Ее

отходом от освободительного движения не преминул воспользоваться царизм. Понимая, что ограничения в правах аренды должны вызывать недовольство этой шляхты и питать оппозиционные настроения в ее среде [224], местная администрация в 70-х годах предпочитала смотреть сквозь пальцы на все нарушения закона об аренде земли поляками. В результате многие имения русских землевладельцев под видом аренды или управления переходили в пользование поляков. Например, в трех северо-западных губерниях (Ковенская, Виленская и Гродненская) 86 имений в обход закона были отданы в аренду или управление полякам [225]. А по сведениям министерства внутренних дел, к 80-м годам 1/3 таких имений в одной только Гродненской губ. находилась в нелегальном владении польских дворян [226].

Таким образом, с конца 60-х годов в правительственной политике в отношении дворян-землевладельцев Белоруссии наблюдалось ясно выраженное стремление заручиться их политической поддержкой в обмен на отдельные уступки экономического характера.

Иным было отношение царизма к домогательствам местных помещиков, носившим политический характер. Отстаивавшее всевластие царя и бюрократии самодержавие не желало делить политическую власть ни с кем, даже с русским поместным дворянством, хотя последнее являлось основной социальной базой власти и именно его интересы в первую очередь отражала общероссийская правительственная политика. Это стремление отстоять неограниченную монархию проглядывало как в буржуазных по своему характеру реформах 60-х годов (земская, городская и судебная), так и в жесткой регламентации деятельности таких оставшихся от феодализма сословных корпоративных органов первого сословия, какими являлись дворянские собрания, институт предводителей дворянства. Эти дворянские органы изжили себя в условиях капитализма, но царизм продолжал упорно держаться за них, как наиболее близких ему по классовой сути [227]. Заинтересованность в них не мешала самодержавию ограничивать их компетенцию и контролировать их деятельность, сводя тем самым проявление

инициативы дворянской корпорации до минимума[228]. Когда в первой половине 60-х годов часть дворянских собраний великорусских губерний стала критиковать царское правительство, обнаружив тем самым «с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений»[229], царизм ответил запрещением обсуждать им вопросы, имевшие отношение к изменению государственных учреждений и политического строя России[230]. Подверглись репрессиям и наиболее активные участники составления «всеподданнейших» адресов, в которых критиковалось правительство и содержались требования дальнейших буржуазных преобразований. Тем более царизм не мог забыть выступлений дворянских собраний западных губерний накануне восстания с требованием присоединить эти территории в административном отношении к Царству Польскому. После того как правительство не смогло справиться даже с верноподданным российским дворянством и избежать составления им политических адресов на имя царя, оно не хотело рисковать и вновь открывать дворянские собрания в «мятежном» крае, возвращать местному дворянству права избирать своих сословных представителей.

Еще более самодержавие боялось распространять в Белоруссии такие буржуазные реформы 60-х годов, как земская и судебная. Обусловленные экономическими и политическими причинами, они являлись уступкой буржуазному развитию страны и были вырваны у правительства революционным натиском. В период революционного кризиса царизм, стремясь выйти из политической изоляции, в которой он оказался, путем уступок оппозиционному дворянству, пошел на разработку земской реформы, преобразование судебных учреждений.

Всесословное земское самоуправление и новые суды с их бессословностью, гласностью, независимостью судей, состязательностью сторон были противны самому духу самодержавия. Так, В. И. Ленин назвал земство пятым колесом «в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось»[231]. Это же определение можно с полным правом отнести и к судебным учреждениям.

Разрабатывая земскую реформу, правительство огра-

ничило компетенцию земства исключительно хозяйственными местными вопросами. Оно позаботилось и о том, чтобы в этих всесословных местных органах руководящая роль оставалась за дворянством. Даже судебная реформа — самая последовательная из всех реформ 60-х годов — оставляла неприкосновенными многие пережитки крепостничества. Дела о «государственных преступлениях» были изъяты из суда присяжных, сохранялись военные суды, ограничена подсудность чиновников; правительство имело возможность влиять на судей и на подбор присяжных заседателей; мировые суды в сельской местности, разбиравшие мелкие тяжбы, были фактически отданы на откуп местным землевладельцам. При всей ограниченности компетенции земских учреждений, суда присяжных они сильно раздражали правительство. Как писал В. И. Ленин, земство «постоянно противопоставляет выборные учреждения бюрократии, вызывает постоянные конфликты между ними, показывает на каждом шагу реакционный характер безответственного царского чиновничества, поддерживает недовольство и питает оппозицию самодержавному правительству» [232]. Они «стремятся упрочить свое положение, расширить свое значение, стремятся... к конституции, предъявляя ходатайства о ней» [233]. Царская бюрократия не могла мириться и с новыми судами, особенно когда они принимали решения, не удовлетворявшие царизм. По определению В. И. Ленина, земство оказалось «негодным союзником правительства в борьбе его с революционерами» [234]. Такими же негодными союзниками были и новые суды.

Аннулировать только что введенные реформы правительство не могло. Оставался лишь путь их постепенного ограничения. Именно по этому пути и пошло царское правительство.

Ослабление революционного натиска после 1863 г. дало правительству возможность перейти к ограничению земской и судебной реформ. Спад освободительного движения позволил самодержавию растянуть реализацию судебной реформы в стране на несколько лет и не вводить земские учреждения на окраинах империи. В числе таких окраин оказалась и Белоруссия. Если царизм не желал делить политическую власть с верноподданным русским дворянством, то тем более он не соби-

рался этого делать в отношении господствующего класса польской национальности.

Местная администрация северо-западных губерний и царские сановники сознавали, что исключительное положение, в котором находилось население края, мешало полному слиянию этой территории с остальной империей. Как писал министр внутренних дел А. Е. Тимашев в 1874 г., «своеобразные условия» края будут сохраняться до тех пор, пока «местные учреждения не получат общего с другими губерниями устройства», введение же некоторых из буржуазных реформ, напротив, стало бы важным шагом «к сближению Западного края с остальными частями империи, к упрочению между ними той связи, которая ...наилучшим образом обеспечивается единством учреждений и законов» [235]. Однако возобновление деятельности дворянских собраний в Белоруссии, открытие земских учреждений содействовало бы организационному объединению местного дворянства и передало бы местное самоуправление в руки польского поместного дворянства. Так, открыть дворянские собрания в прежнем составе значило предоставить польским помещикам возможность полностью распоряжаться корпоративными делами местного дворянства и обращаться к правительству с ходатайствами, наподобие тех, какие составлялись на дворянских собраниях накануне 1863 г. Что касается земских учреждений и мировых судов, то вся система выборов в них, обеспечивавшая значительное преобладание в них помещиков, в условиях Белоруссии могла обернуться против самодержавия. Положенное в основу избирательной системы имущественно-сословное (в земство) и имущественно-образовательное (в суды) начало привели бы в северо-западных губерниях к тому, что всеми делами в этих учреждениях стали заправлять польские помещики (в земстве и в мировых судах в деревне) и буржуазная интеллигенция из еврейского населения и польского дворянства (в суде присяжных и мировых судах в городах), как обладавшие необходимым имущественным и образовательным цензом. Предоставление права голоса одним помещикам непольского происхождения, как предлагали русские землевладельцы края, привело бы к искусственному отстранению большей части поместного дворянства от сословного и местного самоуправления, что вызвало

бы новую вспышку раздражения в его среде. Поэтому правительство признало за лучшее не возобновлять деятельности дворянских собраний в Белоруссии, не вводить здесь земства; отказалось оно первоначально и от мысли распространить на эту территорию судебные уставы 1864 г.

Самодержавие, заинтересованное в том, чтобы пресечь всякие политические домагательства дворянства северо-западных губерний, ссылалось во всех случаях на повеление Александра II от 31 декабря 1870 г., хотя оно касалось взимания контрибуций с польских помещиков. Согласно этому повелению, контрибуционные сборы можно было ликвидировать, когда 2/3 помещичьих земель будут в руках непольских землевладельцев, а «число сих последних будет не менее половины владельцев поместных имений» [236]. Ссылка во всех случаях на этот закон указывала на то, что правительство ставило перевод управления на мирные рельсы в прямую зависимость от перераспределения земельной собственности внутри господствующего класса и победы русского землевладения. Это давало возможность царизму откладывать фактически на неопределенный срок открытие в крае земств и новых судов, дворянских собраний, сохранять на всякий случай многие чрезвычайные законы военного времени. И при этом благодаря указанному повелению эти действия правительства уже нельзя было бы назвать бюрократическим произволом. Зато каждое отступление от него в интересах местного дворянства должно быть расценено последним как знак особого благоволения и «монаршей милости». И период с конца 60-х годов вплоть до окончания второй революционной ситуации был отмечен целым рядом мелких политических уступок крупному поместному дворянству Белоруссии, которые, однако, не ограничивали всевластия царской администрации. Первой по времени такой уступкой была отмена военного положения и отделение трех восточных губерний Белоруссии от виленского генерал-губернаторства.

Вопрос о необходимости снять военное положение встал в 1866 г. Местные власти были вынуждены признать, что его сохранение не вызывалось политическим положением, часть его законов утратила всякий смысл и потому на практике не исполнялась [237]. Они подчерки-

вали отрицательное влияние военного положения не только на хозяйственную деятельность помещиков, но и на политические настроения среди господствующих классов. Как писал виленский генерал-губернатор Потапов, военное положение и исключительные законы создавали благоприятные условия для «произвола и самоуправства низших чинов администрации», что вызывало «справедливые нарекания на правительство»[238], а недовольство правительством в свою очередь могло сделать польское население «более восприимчивым к антиправительственной пропаганде»[239]. Военное положение в Белоруссии отменили не одновременно во всех губерниях, так как, по мнению царской бюрократии, «не все местности края представляли одинаковые ручательства благонадежности по отношению к правительству жителей польского происхождения, в особенности же принадлежавших к дворянскому и духовному сословиям»[240]. Поэтому его снимали в крае постепенно с 1866 по 1870 г., начиная с восточных губерний Белоруссии. К 1870 г. оно было повсеместно отменено, за исключением двух уездов Ковенской губ.[241]

В 1869 г. от виленского генерал-губернаторства были отделены Могилевская и Витебская, а на следующий год Минская губернии[242]. Наибольший процент помещиков непольского происхождения среди всех землевладельцев, православное вероисповедание большинства крестьянского населения, а также повстанческое движение 1863 г. убедили царизм в возможности отделить эти губернии от виленского генерал-губернаторства. Этим отделением правительство надеялось разорвать связь между западными губерниями и Польшей. Оно считало, что сохранение объединения земель, входивших когда-то в состав Речи Посполитой, и управление ими на основе особых законов только разъединяет их с Россией и в то же время поддерживает в польском дворянстве надежду на изменение политики царизма, направленной на русификацию Белоруссии. Отделяя три восточные губернии от генерал-губернаторства, царизм, по словам могилевского губернатора, решил показать местным польским помещикам, что эта территория русская и возврата к прошлому не будет[243]. Виленская и Гродненская губернии продолжали входить в Виленское генерал-губернаторство до его упразднения. Близость их

к Царству Польскому, большой удельный вес католиков среди населения, а среди помещиков поляков, размах восстания 1863 г.— все это побуждало правительство держать западные губернии на особом положении.

Отмена военного положения в Белоруссии сопровождалась незначительным смягчением участи репрессированных за причастность к восстанию. В 1867 г. были прекращены все неоконченные дела по восстанию. Повеление 17 мая 1867 г. смягчало также судьбу высланных административным путем из Царства Польского и западных губерний. Им разрешалось поселиться в Царстве Польском, если местное начальство одобрит «их поведение» [244]. В связи с прекращением рассмотрения всех дел по восстанию исчезла надобность во временном полевом аудиториате. Летом 1867 г. он был ликвидирован [245]. В 1868 г. виленский генерал-губернатор освободил из-под надзора полиции 1493 человека (из 2967 поднадзорных) [246], главным образом польских дворян, вернув им тем самым свободу передвижения. А в 1873 г. были прекращены все дела об имущественной ответственности убитых или пропавших без вести участников восстания [247].

Эти меры правительство предпринимало главным образом ради восстановления своей репутации среди западноевропейских правительств, а также для подкупа благонадежной части поместного дворянства Белоруссии. Фактически царизм отменял лишь те правительственные распоряжения, которые в связи с окончательным подавлением восстания потеряли реальный смысл, но создавали неблагоприятный для него международный резонанс. Кроме того, их дальнейшее сохранение было бы источником постоянных трений между правительством и местным дворянством, заинтересованным в отмене законов военного времени.

Отменяя на практике лишь ставшие ненужными собственные распоряжения, царская администрация в то же время упорно держалась за те ограничительные циркуляры военного времени, которые помогали ей в борьбе с освободительным движением, с врагами самодержавия. Так, и после отмены военного положения за генерал-губернатором сохранялось право высылки административным путем. По-прежнему он мог уволить со службы любого чиновника. Существовали ограничения

на право иметь оружие. Некоторые исключительные законы в отношении польского языка и католического духовенства, а также польского землевладения и контрибуционных сборов были оставлены в силе даже в восточных губерниях Белоруссии после отделения их от виленского генерал-губернаторства[248]. Разрешая выехать из мест ссылок административновысланным, правительство не разрешало уроженцам западных губерний возвращаться на родину. Это решение правительства объясняется как составом административновысланных, так и политикой царизма в западных губерниях. Местные власти не для того высылали из края польское дворянство и католическое духовенство, чтобы через четыре года вернуть их обратно. Вернуть всех высланных административным путем поляков в край значило бы для царизма перечеркнуть все свои усилия по изменению национального состава местных дворян. Чтобы избежать этого, им разрешалось селиться в Польше как на территории, населенной исключительно поляками. Прекращение в 1867 г. неоконченных дел по восстанию не касалось активных участников его: под действие этого закона не попадали те, кто обвинялся в убийствах, поджогах и т. п. Поэтому по-прежнему правительство могло при желании расправляться со всеми, кто состоял в повстанческих отрядах. Например, в Виленской и Гродненской губерниях с 1868 по 1870 г., т. е. после объявления о прекращении дел по восстанию, судом было рассмотрено 82 политических дела, по которым обвинялось 479 человек. В эти же годы 462 человека подверглись административному взысканию[249]. Амнистия касалась фактически только тех лиц, которых местные власти в свое время при всем желании не могли привлечь к суду из-за полного отсутствия доказательств их причастности к восстанию. В большинстве своем это были, как уже отмечалось, польские дворяне и ксендзы. Облегчая положение тех, кто не являлся уже политическим врагом самодержавия, правительство ничем не рисковало и в то же время в определенных кругах могло прослыть «великодушным». Нетрудно заметить, что сохранялись в первую очередь те исключительные законы, которые давали возможность администрации оперативно, не прибегая к суду и переписке с Петербургом, расправляться с нежелательными для себя лицами. Со-

хранение ряда исключительных законов при относительной слабости по сравнению со столичными центрами и югом России народнического движения позволило царизму в годы второй революционной ситуации не распространять на северо-западные губернии чрезвычайные законы, которые были введены во многих местностях России в 1878—1879 гг.[250] Действовавших в крае с 1863 г. циркуляров вполне хватало на случай обострения политической обстановки.

Следующей немаловажной уступкой поместному дворянству Белоруссии со стороны царизма являлась замена предводителей дворянства, не имевших имений в крае, на местных помещиков. Предводители дворянства играли большую роль не только в сословной дворянской корпорации, но и в местном административном аппарате. В делах сословных они являлись исполнительными органами дворянских обществ. Они же вели родословные книги, выдавали дворянам характеристики при поступлении на государственную службу, хранили дворянские общественные капиталы. От лица дворян они заседали в местных правительственных органах. Будучи первым лицом после губернатора, предводитель дворянства являлся членом различных комитетов, комиссий и учреждений в губернии, из которых особое значение для помещиков имели учреждения по делам крестьянского управления и проведения в жизнь крестьянской реформы[251]. В них глава дворянской корпорации представлял и защищал интересы местных землевладельцев. Через предводителей дворянства, принимавших «участие в управлении государством»[252], землевладельцы имели возможность влиять на правительство и его политику.

Замена в Белоруссии предводителей дворянства по выбору местных дворян на ставленников правительства, зачастую не имевших имений не только в губернии, но и вообще не владевших недвижимой собственностью, вызвала отрицательную реакцию в среде местных помещиков. Новые предводители, не связанные с местным дворянством хозяйственными интересами, казались им плохими защитниками интересов землевладельцев. По-

этому, стремясь заручиться поддержкой поместного дворянства края, Александр II в 1867 г. разрешил заменять предводителей дворянства, не имевших имений в крае, на русских местных помещиков [253]. А через год, получив заверение виленского генерал-губернатора Потапова, что немногие оставленные на своих должностях предводители дворянства католического исповедания «не только не подали ни малейшего повода к нареканиям или сомнениям в верноподданной преданности правительству, но удостоились всемилостивейших наград»[254], разрешает начальнику края в виде исключения назначать на эти сословные должности благонадежных в политическом отношении поляков. Начальник края широко пользовался предоставленным ему правом. В результате более половины уездных предводителей дворянства оказались землевладельцами польского происхождения. При этом предпочтение отдавалось полякам «из наиболее состоятельных и влиятельных местных землевладельцев» [255].

Пусть это были по-прежнему не выбираемые дворянством предводители, а назначаемые правительством, но они являлись местными землевладельцами и потому заинтересованными в отстаивании в первую очередь интересов помещиков. Именно в этом направлении они и действовали, заседая в многочисленных комитетах, комиссиях и присутствиях в губерниях или представляя по требованию правительства свои соображения в Петербург по отдельным готовившимся там законопроектам.

Как политическую уступку ополяченному местному дворянству надо расценивать прием их на службу в губернские и уездные государственные учреждения края в обход существовавшего циркуляра. В этой службе всегда было заинтересовано в первую очередь безземельное дворянство, для которого работа по найму являлась единственным источником существования. В определенной степени в комплектовании кадров чиновников края местными дворянами, а не приезжими были заинтересованы и помещики: мелкопоместные, поступая на службу, получали дополнительный источник дохода, а крупные землевладельцы получали еще один канал, через который имели возможность влиять на деятельность местного бюрократического аппарата. В. И. Ленин, ха-

рактеризуя период 80-х годов XIX в., писал, что поместное дворянство в это время предпочитало «придворные связи и воздействие через своего брата чиновника всяким представительствам» [256]. И в указанном выше случае мы наблюдали то же явление, только лишь в местном масштабе. Крупные помещики, пользуясь своими связями и экономической зависимостью от них служилого местного дворянства, получали доступ к управлению местным хозяйством, могли влиять на ход крестьянского дела. Учитывая эту заинтересованность, местная администрация, пользуясь молчаливым согласием соответствующих министерств, в 70-е годы стала нарушать циркуляры, запрещавшие принимать на службу в северо-западные губернии поляков, и устраивала в уездные и губернские присутствия чиновников польской национальности, в чьей благонадежности она не сомневалась. К началу 80-х годов обнаружилось, что в большинстве присутственных мест чиновники-поляки составляли: в Виленской губ.— около 30%, в Гродненской — от 12 (в ведении МВД) до 30% (в ведении министерства государственных имуществ) [257].

Принимая местных дворян на государственную службу, царизм ничем не рисковал. До своего назначения они проходили тщательную проверку на благонадежность. В случае, если администрация ошибалась в своем выборе, она всегда имела возможность исправить оплошность, воспользовавшись сохраняемыми циркулярами, воспрещавшими полякам в Белоруссии служить по выборам или в присутствиях. В то же время, отступая от этих циркуляров в тех случаях, когда это ему было выгодно, царизм завоевывал на свою сторону постепенно польских помещиков и польское служилое дворянство.

Известно, что самодержавие медлило с реализацией судебной реформы в России. Утвердив проекты новых судебных уставов в 1864 г., судебные округа стали создавать лишь с 1866 г., начав с Петербурга и Москвы. В тех местностях, где самодержавие не видело надежной для себя социальной базы, новые суды не вводились. В Белоруссии под предлогом происшедших в 1863 г. событий первоначально было решено не вводить судебных уставов 1864 г.

Однако обозначившаяся с конца 60-х годов заинтересованность царизма в расширении и укреплении своей социальной базы в северо-западных губерниях побудила местную администрацию поставить вопрос о необходимости распространить в том или ином виде судебную реформу и на Западный край. В своих представлениях в Петербург она указывала на значение этой реформы для господствующих классов Белоруссии — поместного дворянства, торговой и промышленной буржуазии, заинтересованных в обеспечении «своего благосостояния посредством защиты своих личных и хозяйственных интересов»[258].

Некоторое время Александр II и правительство колебались. С одной стороны, они были не прочь использовать введение судебной реформы в Белоруссии для подкупа поместного дворянства. С другой стороны, в период реакции они были больше озабочены не распространением буржуазных реформ на новые территории, а их урезыванием. После долгой переписки и согласований решено было вводить новые судебные учреждения в крае постепенно.

По уставам 1864 г. судебные учреждения состояли из окружных судов как первой судебной инстанции, которые объединялись судебными палатами. Дела в окружных судах рассматривались с участием присяжных заседателей. Кроме того, существовали мировые суды для разбора мелких тяжб.

В 9 западных губерниях решили начать введение судебной реформы с мировых судов. Именно в них в повседневной жизни больше всего было заинтересовано поместное дворянство. Рассмотрению в мировых судах подлежали дела по потравам, порубкам, нарушению договоров о найме и возмещению убытков по ним. Все эти дела и иски возникали во множестве после реформы 1861 г. в связи с сервитутами, чересполосицей и крестьянской борьбой за землю, при межевых работах и найме крестьян в имения в качестве вольнонаемных рабочих. Помещики требовали быстрейшего рассмотрения подобного рода дел и незамедлительного возмещения им убытков, постоянно жалуясь на медлительность и неповоротливость местных властей. И в то же время для самодержавия мировые суды были совершенно безвредны, так как их компетенция была крайне ограничена.

Эти два обстоятельства и побудили правительство начать введение судебных уставов в Белоруссии с мировых судов.

Однако, решив в 1871 г. ввести мировые суды в западных губерниях[259], правительство внесло в закон существенные изменения. По судебному уставу 1864 г. мировые судьи избирались на собраниях земских и городских гласных. Так как в земстве решающую роль играли господствующие классы (в сельской местности помещики), то и в мировые суды выбирались главным образом представители этих классов. Царизм не решался в Белоруссии передать решение споров между помещиками и крестьянами в руки местного дворянства, среди которого в это время преобладали поляки. Поэтому под предлогом отсутствия в крае земства правительство отменило здесь выборность мировых судей. Судей должно было назначать само правительство. Причем в решении Государственного совета указывалось, чтобы министр юстиции ставил на эти должности лиц исключительно «непольского происхождения»[260]. Для мировых судей в крае был снижен имущественный и образовательный ценз. Это расширяло круг кандидатов на должность судьи за счет прибывших в край русских землевладельцев и облегчало правительству выбор[261]. Так мировые судьи в западных губерниях превращались из независимых от администрации лиц в правительственных чиновников, а сам мировой суд — в придаток власти.

Отмена выборности мировых судей в Западном крае была, по существу, одним из первых серьезных шагов царизма по пути изменения судебных уставов 1864 г., которые он предпринял в годы реакции. Такое решение вопроса не могло полностью удовлетворить поместного дворянства, которого лишили права выбирать мировых судей. Но и назначаемые правительством судьи, являвшиеся в большинстве своем землевладельцами, пусть даже недавно прибывшими в край, в спорах помещиков с крестьянами защищали в первую очередь интересы своего класса, а это и было главным для местного дворянства.

Введение в Белоруссии окружных судов с присяжными заседателями самодержавие откладывало под разными предлогами вплоть до конца 1883 г. Оно решилось

их ввести лишь после того, как на протяжении 70-х годов были внесены изменения в реформу 1864 года: ограничена независимость суда, его гласность, сужена компетенция суда присяжных и вместе с тем расширена роль полиции, жандармерии и администрации в делах политических[262]. Опыт деятельности мировых судов в западных губерниях также внушал царизму надежду, что открытие окружных судов и судебных палат пройдет столь же для него гладко. Как писал министр юстиции после консультации с обоими генерал-губернаторами, «опыт введения в действие мировых судебных установлений в 9 западных губерниях вполне доказал возможность и даже необходимость скорейшего открытия там окружных судов...»[263] Все это и побудило Государственный совет 19 июля 1877 г. принять решение о введении судебных учреждений в полном объеме в 9 западных губерниях[264]. При этом специально для Западного края в общероссийское судопроизводство были внесены дополнительные изменения. Здесь правительственной власти было предоставлено «дискреционное право при просмотре общих списков присяжных заседателей исключать из оных по своему усмотрению»[265], притом «без указания причин» такого исключения[266]. Такая оговорка открывала властям простор для неограниченного произвола. Для присяжных заседателей из евреев устанавливалась процентная норма: их число должно было соответствовать «процентному отношению общего числа их в каждом уезде к численности всего населения уезда»[267]. Однако утверждение Александром II указа в 1877 г. о введении в Белоруссии всех судебных учреждений, предусмотренных по реформе 1864 г., еще не привело к их действительному открытию. Окончание работы над проектом введения судебных уставов в западных губерниях по времени совпало с началом возникновения в стране второй революционной ситуации. Во время русско-турецкой войны в придворных и правительственных кругах вновь ожили опасения в отношении польского национально-освободительного движения. Переход народников к террору и оправдательный вердикт суда присяжных по делу В. Засулич также побуждал царизм не торопиться с открытием судов присяжных в Западном крае. Поэтому вместо открытия судебных учреждений в Белоруссии министерство юсти-

ции занялось дальнейшим ограничением судебных уставов 1864 г. Только после того как правительство закончило в 1882 г. судебную контрреформу, сузившую еще больше компетенцию суда присяжных и увеличившую значение администрации и военного суда в рассмотрении политических дел, оно посчитало возможным и безопасным для себя ввести в западных губерниях судебные уставы в полном объеме в конце 1883 г.[268]

Так, почти через 20 лет после принятия судебных уставов в России царизм решился распространить их действие на территорию Белоруссии, предварительно в интересах реакции значительно видоизменив их за счет ограничения гласности судопроизводства, сужения компетенции гражданских судов при одновременном увеличении влияния административной власти, упразднив выборность мировых судей и поставив их назначение, как и выбор присяжных заседателей, в прямую зависимость от бюрократии. В результате основные национальные группы населения Белоруссии были фактически отстранены от отправления правосудия: белорусские крестьяне не обладали необходимым для этого имущественным и образовательным цензами, а поляки и евреи — в силу национальной принадлежности. Правосудие в крае оказалось полностью в руках правительства и его ставленников, а сама судебная реформа в крае оказалась лишенной части своих первоначальных буржуазных черт.

Небольшие политические уступки дворянству Белоруссии в этот период правительство дополняло некоторым смягчением национальной политики в отношении польского дворянства. Начиная с конца 60-х годов самодержавие посчитало возможным смягчить свою политику в Белоруссии в отношении католической церкви и польской литературы, что должно было благоприятно сказаться на сотрудничестве ополяченной и католической части местного дворянства с самодержавием. Как писал виленский генерал-губернатор Альбединский, нельзя достичь цели и рассчитывать на союз с польскими землевладельцами, «чувствительно» затрагивая вопрос чисто религиозный[269]. Решено было, не отменяя всех ограничительных циркуляров в отношении католи-

ческой церкви в крае, высказывать «полное уважение к верованию, святыни и обычаям, не заключающим в себе политического значения, а только религиозное»[270], и не применять «насильственных мер к ослаблению в крае католицизма»[271]. Поэтому правительство старалось избегать действий, которые могли быть расценены как гонение на католическую религию, вмешательство в дела церкви и посягательство на ее догматы. Полиции запрещалось делать замечания ксендзам в костелах и вмешиваться в ход службы. В их задачу входило только наблюдение и донесение по инстанции о всех замеченных нарушениях циркуляров[272]. Закрытие костелов и каплиц происходило с большой осмотрительностью, дабы не задеть религиозных чувств и избежать упрека «в преднамеренном унижении католицизма». Потапов не просто закрыл 39 костелов, а разобрал их под предлогом ветхости[273]. Минскую католическую епархию и семинарию при ней не просто ликвидировали[274], а предварительно тысячи крестьян-католиков еще при Муравьеве и Кауфмане обратили в православие, закрыли многие костелы и католические монастыри. После такого сокращения числа прихожан, костелов и духовенства упразднение католической епархии и семинарии при ней выглядело вполне логичным и закономерным действием правительства: излишне было сохранять епархию в губернии, не имевшей достаточного количества прихожан католического вероисповедания. При Альбединском несколько костелов в местностях с преобладающим католическим населением вновь открыли, разрешили крестные ходы вне костелов[275]. В местной печати прекратилась откровенная травля католиков. Но местная администрация не отказалась от бдительного наблюдения за католическим духовенством и за содержанием его проповедей. Все, что могло быть истолковано как выступление против правительства и господствующей православной церкви или распространение католичества среди крестьянства, энергично пресекалось. Поэтому по-прежнему не разрешалось ксендзам отлучаться без разрешения местного начальства из своих приходов, произносить проповеди собственного сочинения без визы цензуры. Сохранялось запрещение духовных процессий, не установленных католической церковью.

Таким образом, заинтересованное в союзе с местным

дворянством правительство было вынуждено изменить свою тактику в религиозном вопросе. Не имея ничего против большинства догматов римско-католической церкви, оно боялось влияния его духовенства на своих прихожан. Поэтому правительство не отказалось от контроля за деятельностью римско-католического духовенства, но в то же время старалось облечь свое вмешательство в дела церкви в более мягкие формы, предпочитая действовать через высшее католическое духовенство.

Правительство на практике убедилось в невозможности преградить доступ польской книге в семьи местного польского дворянства. Попытки Муравьева и Кауфмана уничтожить в местных типографиях латинский шрифт, а в книжных магазинах польские издания привели к тому, что эти книги стали во множестве ввозиться в край из сопредельной Польши или из-за границы, при этом часто минуя цензуру. В таком, как свидетельствовало цензурное ведомство, случае правительство теряло всякую возможность контролировать содержание польской литературы, которая попадала в руки местного населения [276]. В условиях распространения в Западной Европе идей утопического и научного социализма и возросшего интереса к нему в России правительство не столько обращало внимание на язык, на котором издавались книги, сколько на их содержание. В то же время запрещение издавать и продавать польскую литературу в северо-западных губерниях вызывало многочисленные жалобы издателей и владельцев типографий, а само «насильственное стеснение книжного польского языка в частной и домашней жизни тамошних польских жителей способно только еще более разжечь и продлить их враждебность к России» [277]. Поэтому запрещение издавать и продавать польские книги в крае отменили, предложив местной администрации и цензорам тщательно следить за направлением издаваемой в крае литературы и пресекать на основе существовавших в государстве цензурных правил всякие попытки проводить антиправительственные идеи [278].

Начиная с середины 1869 г. в крае стали издавать книги на польском языке. В 1869 г. виленским цензорам было выдано 4 разрешения на опубликование польских книг [279], а в 1879 г. таких книг уже было 12 — общим

объемом 70 печатных листов и тиражом 28 200 экземпляров [280]. За десятилетие с 1871 по 1880 г. с разрешения виленского цензора вышло 254 книги на польском языке [281], что составило лишь 9% всех вышедших за это десятилетие книг с разрешения виленского цензора. Последний бдительно следил за всей выходившей польской литературой, выдавая главным образом разрешения на издание религиозных книг. Например, изданные в 1869 г. четыре книги были религиозного содержания. В 1882 г. из 18 польских книг 5 приходилось на богословие, 2 — на художественную литературу, 2 — на всеобщую историю и остальные — на точные и естественные науки, искусство и т. д.[282] Особенно тщательно проверялось содержание общественно-политической и художественной литературы. Все, что могло быть подведено под определение «несоответствия с требованием быта Северо-Западного края», способствовало «ослаблению веры и поругания ее принципов», объявлялось расходящимся «с требованием жизни здешнего края» и, безусловно, запрещалось [283].

Как видим, и эта уступка правительства касалась в первую очередь польского дворянства, ибо только оно в крае имело возможность читать и покупать польскую литературу. Правительство сняло запрещение, которое лично ему ничего, кроме недовольства польского дворянства, не приносило. Разрешив издавать в крае книги на польском языке, оно надеялось, что этот шаг не останется без внимания в среде польского привилегированного класса.

Таким образом, смена правительственного курса в 1866 г. в России и переход самодержавия к реакции отразились и на его политике в отношении дворянства Белоруссии. Поставив перед собой задачу консолидации всех охранительных сил в стране для успешной борьбы с освободительным движением, царизм в крае стал расширять и укреплять социальную базу власти за счет привлечения на свою сторону поместного дворянства всех национальностей. Вторая революционная ситуация только усилила это стремление. При этом правительство ориентировалось главным образом на крупных помещиков, как на наиболее реакционные слои господствующих классов.

Как и в целом по России, самодержавие наиболее охотно шло на экономические уступки помещикам, так как они не нарушали всевластия царской бюрократии, не затрагивали политических интересов царизма и в то же время укрепляли союз с землевладельцами. Не отменяя ограничительных законов в отношении польского землевладения и контрибуционных сборов, правительство нарушало эти законы в угоду крупным польским помещикам, в союзе с которыми оно было заинтересовано. Это стремление заручиться в годы подъема освободительного движения поддержкой поместного дворянства независимо от его национальности ясно вырисовывалось и в аграрной политике самодержавия. Лишь только опасения окончательно подорвать государственные финансы, разорить деревню и вызвать тем самым обострение аграрной борьбы помешали правительству полностью удовлетворить экономические требования поместного дворянства Белоруссии.

Что же касается уступок политического характера, то их самодержавие делало в минимальных размерах. Если годы реакции были отмечены в целом по России наступлением царизма на те буржуазные преобразования, на которые он был вынужден пойти под влиянием социально-экономического развития и революционного движения в годы первой революционной ситуации, то в Белоруссии, где большинство господствующих классов принадлежало не к великорусской национальности, правительство не желало вводить тех буржуазных реформ 60-х годов, которые давали бы политические преимущества польскому дворянству или еврейской буржуазии. Поэтому здесь не ввели земских учреждений, а новые суды открыли лишь после серьезного ограничения судебных уставов 1864 г.

Сохраняя часть ограничительных циркуляров и законов военного времени на случай подъема освободительного движения в крае, царские власти пошли на такие уступки политического характера, в которых в первую очередь было заинтересовано поместное дворянство как сословие, но которые при этом не давали бы ему политически сплотиться и не ограничивали бы бесконтрольность и всевластие царской бюрократии. В результате главное требование местных помещиков — полностью уравнять их в правах с дворянами великорус-

ских губерний — было удовлетворено самодержавием лишь частично.

Однако лавирование царизма и небольшие подачки местному дворянству должны были сыграть свою роль в укреплении его социальной базы в крае. При желании эти уступки могли быть расценены заинтересованным в союзе с самодержавием поместным дворянством Белоруссии как первый шаг к полному удовлетворению их домогательств. Польским же помещикам демагогическая правительственная политика, кроме того, внушала надежду на возвращение им не только сословных, но и национальных прав в обмен на их отказ от борьбы за возрождение Польши.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ 80-Х — НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ

После убийства Александра II в правительстве и при дворе царила полнейшая растерянность. Ожидали новых террористических актов и массовых выступлений, в том числе на западных окраинах империи. Перепуганным местным властям в Белоруссии везде мерещились мятежники и заговоры. Например, борисовский исправник доносил о том, что, по слухам, в лесах наблюдается скопление мятежников [284]. И хотя при проверке была установлена полная несостоятельность слухов, минский губернатор предписал подчиненным «наблюдать зорко, откуда и почему они происходят» [285]. Одновременно он запретил отпуска всем полицейским чинам, так как «переживаемые ныне события вызывают особое внимание и бдительность со стороны полиции и требуют постоянного присутствия каждого полицейского чиновника на вверенном посту» [286].

Между тем расстановка политических сил в стране после смерти царя изменилась. Казнь народовольцами императора не вызвала ожидаемого ими революционного взрыва в стране. Ни стихийное движение трудящихся масс, ни революционные круги, ни либеральная оппозиция после окончания второй революционной ситуации не создавали непосредственной угрозы монархии. Крестьянство и молодой пролетариат страны представляли еще в этот период неорганизованную силу. Тем более царизму была не опасна либеральная оппозиция, напу-

ганная убийством Александра II. Вновь революционная ситуация в России не переросла в революцию. Разгром революционного подполья, отсутствие массового революционного движения в стране, слабость либеральной оппозиции благоприятствовали переходу самодержавия к реакционному курсу во внутренней политике. Этот курс был провозглашен в манифесте 29 апреля 1881 г. В нем новый император объявлял главной своей задачей «утверждать и охранять» самодержавную власть «от всяких на нее поползновений» и призывал всех верноподданных служить ему «верой и правдой к искоренению гнусной крамолы» [287].

Но, как отмечал В. И. Ленин, провозглашение манифеста не привело к немедленной реализации провозглашенного курса: «...правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурачить «общество» [288]. Только после того, как стало ясно, что на этот раз царизму удалось сравнительно благополучно вырваться из кризисной ситуации и отстоять в неприкосновенной целостности самодержавие, Александр III с июня 1882 г. перешел к политике открытой реакции.

Курс внутренней правительственной политики был направлен на энергичную борьбу с революционным движением путем нагнетания репрессий, с одной стороны, а с другой — на консервацию некоторых феодально-крепостнических пережитков. Как писал В. И. Ленин, это было время «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции» [289]. По всей России в этот период замечался рост административного произвола местных властей, стремившихся к расширению своих прав и не считавшихся с существовавшими законами [290]. Не отставали от них и царские бюрократы из северо-западных губерний.

14 августа 1881 г. было утверждено «Положение о мерах к охране государственной безопасности и общественного спокойствия», которое давало право правительству объявлять по своему усмотрению отдельные местности на положении усиленной или чрезвычайной охраны, что расширяло полномочия администрации и полиции в борьбе с революционным движением и усили-

вало административный произвол [291]. Принятие этого закона не было вызвано реальной политической обстановкой в стране.

Хотя в крае не наблюдалось никаких фактов, которые свидетельствовали бы об осложнении в нем политической обстановки, новый генерал-губернатор И. С. Каханов настоятельно требовал распространить на подведомственную ему территорию положение 14 августа 1881 г. с объявлением ее на положении усиленной охраны. Не имея никаких убедительных доводов в пользу принятия столь чрезвычайных мер, администратор ссылался на прибытие на житье в северо-западные губернии большого числа лиц, высланных административным порядком из внутренних губерний, а также на возвращение на родину по амнистии 1883 г. (в честь коронации Александра III) участников восстания 1863 г. Вопреки фактам, он утверждал, что революционная пропаганда велась главным образом евреями его губерний и что якобы эти идеи находят благодатную почву в среде польского дворянства. Для пресечения этой пропаганды он просил ввести чрезвычайные законы либо как минимум распространить на северо-западные губернии положение Комитета министров 5 октября 1884 г., по которому временно запрещалось отдельным лицам проживать в Царстве Польском [292]. В близкой администрации местной периодической печати и центральных реакционных органах стали громко сожалеть о том, что три восточные белорусские губернии в свое время административно отделили от виленского генерал-губернаторства [293].

Однако в Петербурге более трезво оценивали политическую обстановку в северо-западных губерниях. В крае и после снятия военного положения сохранялись многие чрезвычайные циркуляры военного времени, дававшие местной администрации широкие полномочия в борьбе с противниками русского царизма и его политики. Ни одна из белорусских губерний не была объявлена на положении усиленной охраны.

Консервация феодально-крепостнических пережитков выразилась в попытках задержать естественный ход экономического и общественного развития. Царизм поставил перед собой задачу усилить роль поместного дворянства в государственной и общественной жизни

страны, предотвратив его упадок и разложение. Как писалось в манифесте по случаю столетнего юбилея (1885 г.) жалованной грамоты дворянству, дворянство должно было получить «первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления, суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования» [294]. Причем самодержавие стремилось возродить это гибнущее сословие не на новой, капиталистической почве, а опираясь на сохранявшиеся остатки феодализма. Так, оно пыталось помешать процессу сокращения помещичьего землевладения, оберегая русских помещиков от конкуренции со стороны землевладельцев других национальностей. Одной из таких мер было учреждение в 1885 г. Дворянского банка. Его задача — остановить утечку земли из рук дворянства. Банк выдавал ссуды поместному дворянству на выгодных для него условиях.

Чтобы устранить конкуренцию местным, главным образом русским, помещикам со стороны еврейской буржуазии и иностранцев, в 1882 г. правительство запретило евреям «черты оседлости» селиться вне городов и местечек, арендовать, принимать в залог и управление недвижимое имущество, приобретать землю, а также торговать вином в воскресные и праздничные дни [295], а в 1887 г. запрещение покупать землю вне городов в Белоруссии (за исключением Могилевской губ.) было распространено на иностранных подданных [296].

При Александре III разрабатывались планы спасения дворянского землевладения путем учреждения заповедных имений [297]. Реакционный характер политики правительства Александра III ярко проявился, как мы увидим ниже, в его крестьянском законодательстве, когда оно в угоду помещикам пыталось задержать процесс капиталистической мобилизации крестьянской надельной земли, удержать крестьян на земле, увеличить зависимость сельскохозяйственных рабочих от нанимателей, максимально удовлетворить требования помещиков при решении вопроса о сервитутах и чиншевиках. Не осталось оно глухо и к пожеланиям помещиков возродить телесные наказания для крестьян. Это наступление царизма на права сельского населения в угоду помещикам было частью правительственной политики, на-

правленной на всемерное экономическое укрепление поместного дворянства и на консервацию крепостнических пережитков.

Стремясь усилить влияние русского поместного дворянства на всю внутреннюю жизнь российской деревни, царизм создал по закону 12 июля 1889 г. институт земских начальников. Его созданию предшествовали массовые жалобы помещиков, в том числе и из Белоруссии, на мировые суды и крестьянское самоуправление. Помещики были неудовлетворены деятельностью волостных и мировых судов. Им не нравилось, что в последних не только выслушивали жалобы помещиков на крестьян, но и требовали от землевладельцев доказательств, подтверждавших законность их требований, а также выслушивали показания свидетелей ответчиков, т. е. крестьян. Следование мировых судов законам также вызывало возмущение помещиков, которые хотели, чтобы решения принимались только на основании их показаний и согласно их требованиям. Не удовлетворял их и процесс приведения приговоров в исполнение. В связи с сопротивлением крестьян оно иногда затягивалось на продолжительный срок. Поэтому помещики требовали изменить порядок разбора их жалоб на крестьян, сделав его оперативным, свободным от соблюдения всех формальностей и основанным исключительно на показаниях владельцев. Им хотелось бы, чтобы подобные дела передали из мирового суда в ведение представителя дворян, как это было при мировых посредниках сразу после освобождения крестьян.

В этом отношении характерны статьи мирового посредника из северо-западных губерний Д. Г., опубликованные в «Виленском вестнике» и «Московских ведомостях». Он видел одну из причин непрекращавшихся захватов крестьянами помещичьей земли, потрав и порубок в несовершенстве мировых судов. С его точки зрения, мировой суд — это пустое «судоговорение», а исполнительные листы — бумажки, с которыми «ни судебные пристава, ни помещики не знают, что делать». Он доказывал, что волостной суд не отвечает своему назначению, так как крестьяне, мол, «не в силах управлять собой» в силу своей «младенческой натуры», «грубости нравов», «низкого культурного уровня» [298]. Автор предлагал изъять рассмотрение дел о земельных спорах

помещиков с крестьянами из ведения мировых судов или упростить и ускорить их рассмотрение, а также упростить процесс приведения приговоров в исполнение. Что же касается волостных судов, то мировой посредник выдвигал идею подчинить помещикам в лице их представителя крестьянское самоуправление, тем более что, по его утверждению, сами крестьяне предпочитают по своим делам обращаться не в волостные суды, а к бывшим владельцам, поражаясь якобы «интеллигентным и общественным превосходством над собой господского «благородного» класса» и считая, что «только господствующий класс одарен разумом, совестью и способностями, необходимыми для начальствования и управления» [299].

Местная администрация не договаривалась до подобного абсурда. Наоборот, она постоянно подчеркивала все растущую ненависть крестьян к помещикам, развившееся недоверие к царским властям, рост сопротивления военной силе. Но именно эти факты и побуждали власти присоединяться к мнению поместного дворянства о реорганизации крестьянского самоуправления и мирового суда, а также об увеличении роли и влияния помещиков в деревне. С этой целью еще в 1878 г. председатель Особого совещания Валуев предлагал создание территориальных волостей, в которых руководящая роль принадлежала бы поместному дворянству [300]. Эта идея возродилась в годы политической реакции при Александре III, но в окончательном виде вылилась в 1889 г. в создание института земских начальников [301].

Земским начальникам, которые должны были быть потомственными дворянами, подчинялось все крестьянское самоуправление. Земский начальник вместо ликвидированного волостного суда назначал судей и имел право вмешиваться в их решения. Кроме того, он без всякого суда мог налагать на крестьян наказания. Введением института земских начальников увеличивалась роль поместного дворянства в деревне и его опека над крестьянином.

В западных губерниях правительство боялось сразу же после издания закона 12 июля 1889 г. ввести институт земских начальников. Оно не решалось поставить белорусских крестьян под контроль поместного дворянства, среди которого преобладали польские помещики

Поэтому было решено подождать первых результатов деятельности новой в деревне власти и уже после этого вернуться к вопросу о распространении закона на западные губернии [302].

В начале 90-х годов местная администрация западных губерний возобновила свои жалобы на мировые суды, которые оказались бессильными в борьбе с крестьянским движением, с потравами помещичьих лугов и порубками владельческих лесов [303]. Кроме того, по мнению могилевского губернатора, мировые судьи, даже назначаемые правительством, не всегда в своих решениях соблюдали интересы помещиков, не говоря уже о волостных судах [304]. Официоз местной администрации «Виленский вестник» вновь начал травлю крестьянского самоуправления, доказывая необходимость над ним опеки «близкой, авторитетной и беспристрастной власти» в лице поместного дворянства (1890, 22 февраля). Наконец, большинство губернаторов поставило перед Петербургом вопрос о необходимости ввести и в западных губерниях земских начальников [305]. В 1892 г. на одном из этих документов Александр III сделал помету: «Весьма желательно!» Помета послужила для министерства внутренних дел руководством к действию [306]. Однако прошло еще 6 лет [307], прежде чем министерство внутренних дел разработало и внесло в Государственный совет проект закона о введении института земских начальников в трех восточных губерниях [308]. Но большинство членов совета побоялось вверить «сильную административную власть в сельских местностях» западных губерний местному дворянству, даже русскому, считая его недостаточно энергичным борцом за идеи самодержавия, и высказалось против проекта закона [309].

Вопрос об учреждении земских начальников обсуждался в общем собрании Государственного совета лишь в 1900 г. По положению 12 июня 1900 г. институт земских начальников вводился в Могилевской, Витебской и Минской губерниях [310].

Царствование Александра III было также отмечено усилением национального гнета нерусских народов. Национальная культура преследовалась, население на-

циональных окраин насильно русифицировалось. Существовал ряд ограничений для отдельных национальностей в поступлении в средние и высшие учебные заведения, на государственную и общественную службу [311].

Политика великодержавного шовинизма, принявшая в годы реакции особенно грубые формы, должна была отразиться на отношении правительства к польскому дворянству Белоруссии. Имевший большое влияние на молодого царя министр внутренних дел Н. П. Игнатьев пугал Александра III «польско-жидовским заговором» [312]. Правительство и местная администрация отходят от политики предшествовавших лет, когда царизм искал союза с польским поместным дворянством и опоры в нем для своей борьбы с революционным движением в стране. Теперь ненависть ко всему нерусскому и неправославному мешала правительственным кругам видеть в консервативных слоях польского дворянства западных губерний своего союзника. Для них они вновь становятся только неблагонадежным элементом. Ни о каком «примирении» с поляками речь уже не шла. Не имея конкретных фактов, говоривших о враждебной самодержавию деятельности польского дворянства, жандармы ссылаются на «дух» враждебности, который царит в польском обществе [313].

Виленский генерал-губернатор Каханов требовал во всеподданнейшей записке в 1885 г. прекратить «заигрывание в примирение», так как «ложное милосердие» отражается «пагубно» на крае [314], а близкий ему «Виленский вестник» доказывал, что все зло — от польских помещиков, что даже «крестьянские бунты были навязаны народу его внутренними врагами и особенно теми же поляками» (1886, 5 ноября). Воспользовавшись процессом над польской рабочей партией «Пролетариат», газета использовала его для новой травли поляков, уверяя читателей, вопреки фактам, что «основанием для этой партии послужили польские мечтания о восстановлении Польши» (1886, 21 января). Хотя известно, что пролетариатцы не только не ставили такой задачи, но вообще недооценивали национального вопроса [315].

На страницах официоза началась разнузданная травля всего нерусского, в первую очередь поляков и евреев. Политика правительства и местной администрации после Муравьева была объявлена сплошной ошибкой и

даже предательством «русского дела» в крае[316]. Местная администрация и правительство при Александре III принялись энергично исправлять «ошибки» предшествовавшего царствования в отношении польского дворянства Белоруссии. В первую очередь возврат к старому почувствовали чиновники и землевладельцы польского происхождения. У местной администрации в годы реакции вызывали опасения не только польские помещики, но и служащие из польского дворянства, особенно в учреждениях, связанных с крестьянским делом. Послушный местной администрации «Виленский вестник» (1884, 1 ноября) требовал очистить государственные учреждения от поляков-чиновников и издать закон «относительно народности и вероисповедания всех должностных лиц в здешнем крае». Почти сразу по прибытии в Вильно Каханов провел чистку государственных учреждений, ссылаясь на циркуляр 1864 г., который не был формально отменен, но не соблюдался. В 1884—1885 гг. большинство поляков было уволено: процесс их замены на русских служащих продолжался[317]. И вновь, как при Муравьеве, царизм рассчитывал в своей политике русификации Белоруссии на приехавших из великорусских губерний русских чиновников. Так, принимая по вступлении в должность местных служащих, виленский генерал-губернатор Каханов им заявил: «Я желаю видеть в вас истинно русских людей, русских умом и сердцем... Мне не могут быть товарищами и сослуживцами лица, стыдящиеся русского направления»[318].

В годы политической реакции вновь пошли в ход муравьевские циркуляры о замещении всех предводителей дворянства польского происхождения на русских, которые столь часто игнорировались в предшествовавшие годы. Хотя ни к кому из них местная администрация до сих пор не имела никаких претензий, Каханов в 1884 г. пытался убедить министра внутренних дел в том, что все предводители из польских землевладельцев якобы являются поборниками «идей польской нации» и используют свое служебное положение «к созданию для себя нравственной силы». Но подкрепить фактами это обвинение начальник края, по собственному признанию, не мог[319]. Так как распоряжение о замещении предводителей дворянства лицами русского происхождения никто не отменял, то местная администрация мог-

ла произвести такую замену без всякой санкции свыше. К 1888 г. все предводители дворянства из польских землевладельцев в Белоруссии были уволены и заменены на русских дворян[320]. Многие из них, как и при Муравьеве, не имели земельной собственности в крае, а следовательно, не являлись местными помещиками, что противоречило постановлению Комитета министров от 1867 г., по которому предводители дворянства в западных губерниях должны быть замещены на местных помещиков. Так, например, в Могилевской губ. даже в 1904 г. из 11 уездных предводителей дворянства 6 человек не принадлежали к местному дворянству[321]. Но главное, с точки зрения правительства, было достигнуто: дворянство возглавляли православные помещики и им же было передано крестьянское дело.

В обстановке возродившегося недоверия к польскому поместному дворянству некоторые из наиболее ретивых администраторов пытались закрыть единственные легальные для дворянства собрания — общества сельских хозяев. Прибывший в 1884 г. в Витебскую губ. новый губернатор Долгоруков потребовал запретить местное Общество в связи с тем, что в нем якобы всем заправляют поляки, которые, как он утверждал, «прикрываясь сельскохозяйственными целями, преследуют в действительности польско-национальные стремления», а сами собрания служат «легальным прикрытием нелегальных рассуждений и предположений». К мнению губернатора присоединился и губернский жандармский начальник[322]. Их не смущало то обстоятельство, что они не располагали фактами, которые бы подтвердили обвинения. От закрытия Общество сельских хозяев спасли лестные о нем отзывы бывшего губернатора, который был не только почетным его председателем, но и принимал в его работе активное участие, официальные отчеты Общества и преобладание в этой губернии русских помещиков[323]. Общества сельских хозяев в годы аграрного кризиса организовывали сбыт продукции помещичьих имений, оказывали помощь в приобретении сельскохозяйственного инвентаря, распространяли агрономические знания, организовывали кредит. Все это было очень важно для землевладельцев всех национальностей, в том числе и русских, и помогало им приспосабливаться к новым, капиталистическим условиям хо-

зяйствования. Например, Общество взаимного кредита, действовавшее при Витебском обществе сельских хозяев, выдало в 1885 г. кредиты 662 помещикам на сумму 1 088 280 руб.[324] Всего этого не могли не понимать царские чиновники. Поэтому ни министерство внутренних дел, ни министр государственных имуществ, ни Комитет министров не пошли на его закрытие. В решении Комитета было записано, что закрытие Общества «не вызывается настоятельной необходимостью», и предложено губернатору, как почетному председателю его, следить за тем, чтобы Общество и в дальнейшем действовало согласно «с видами правительства»[325]. Александр III утвердил это решение.

По-иному сложилась судьба сельскохозяйственного съезда в крае. В северо-западных губерниях он открылся в 1883 г. в Минске. По сравнению с обществами сельских хозяев этот многолюдный съезд вылился в парадное мероприятие с балами, вечерами и банкетами. Практическое значение имела только выставка при съезде. Многолюдные сборища в западных губерниях не нравились правительству и вызывали у него опасения. Когда полиция донесла, что в работе съезда принимали участие главным образом польские помещики, они же устраивали балы, встречи, то правительство решило избегать в будущем подобных съездов в Западном крае до тех пор, пока в нем преобладало польское землевладение[326].

По-прежнему царизм не соглашался на открытие в Белоруссии земских учреждений. В годы реакции правительство, рассматривая земство как враждебную самодержавию силу, провело земскую контрреформу (12 июня 1890 г.). Ее цель — увеличить еще больше роль поместного дворянства в земстве и контроль местной администрации за деятельностью земских учреждений[327].

Ущемление прав земств и усиление их зависимости от местной администрации не привело, однако, к открытию земских учреждений в Белоруссии. Во-первых, самодержавие по-прежнему не желало вводить какие-либо выборные учреждения в западных губерниях, тем более такие, в которых существенными преимуществами пользовалось бы дворянство, в том числе и польское. А именно такими преимуществами оно стало бы пользоваться

в случае открытия в Белоруссии земских учреждений по закону 1890 г. Во-вторых, правительство опасалось каких-либо собраний местного дворянства. Занятое постоянными столкновениями с земствами великорусских губерний правительство по-прежнему не желало рисковать в Западном крае, предпочитая вообще не распространять на него земского положения.

В годы реакции самодержавие вернулось к политике, направленной на ограничение в северо-западных губерниях экономической мощи польского поместного дворянства.

Когда правительство разрабатывало правила Дворянского банка, в периодической печати разгорелась дискуссия о том, давать ли помещикам польского происхождения право пользоваться его ссудами. Две местные шовинистические газеты Западного края — «Виленский вестник» и «Киевлянин» — критиковали польскую газету «Kraj», издававшуюся в Петербурге, которая выступала за выдачу ссуд всему поместному дворянству. Они считали, что нельзя уравнивать русское и польское дворянство в их праве пользоваться помощью банка, так как первое «послужило созданию русского государства, верно служило своим царям и поныне им служит хранителем исторических начал русской жизни и руководителем народа», а второе, мол, только и делало, что «бунтовало» против своих королей, «погубило свое отечество» и не желает служить русским царям. Поэтому они настаивали на запрете польским помещикам брать ссуды в банке [328]. Правительство в этот период разделяло мнение «Виленского вестника». В правилах Дворянского поземельного банка существовала оговорка, согласно которой ссуды могли в западных губерниях получить только те землевладельцы, которые имели право на приобретение земельной собственности в крае. Следовательно, помещики польского происхождения автоматически исключались из их числа.

Если в 70-е годы царизм смотрел сквозь пальцы на то, что министерство внутренних дел и министерство государственных имуществ, а также местная администрация то и дело нарушали закон от 10 декабря

1865 г. и выдавали польским помещикам разрешения на приобретение земельной собственности в крае, то теперь правительство вновь видело свою основную задачу в том, чтобы постепенно выжить польских землевладельцев из западных губерний и укрепить здесь русское землевладение, считая это первым условием русификации края. Однако к этому времени все свободные казенные земли раздали, а подлежавшие обязательной продаже имения польских помещиков, обвиненных в участии в восстании 1863 г., проданы. Причем проданы не только в руки владельцев православного и протестантского вероисповедания, как того требовал закон, но и по специальным разрешениям католикам.

Естественно, что при таких условиях рост русского землевладения замедлился и не было надежд, что в ближайшие годы правительство сможет достичь поставленной еще в 1870 г. задачи — добиться, чтобы в каждой губернии русским помещикам принадлежало 2/3 частновладельческих земель, а сами они составляли половину всех помещиков. По сведениям местных властей, к 1882 г. ни в одной из белорусских губерний русское поместное землевладение не получило указанного перевеса над польским [329].

Не имея возможности искусственно ускорить процесс перехода, по рекомендации местных властей правительство решило бороться с нарушением существовавших законов, направленных против польского и еврейского землевладения. В конце 1884 г. в Комитете министров рассматривались выработанные в министерстве внутренних дел правила относительно приобретения в собственность, залога и аренды имений в 9 западных губерниях [330]. Они были направлены на то, чтобы прекратить переход земли в руки поляков и евреев под видом аренды или залога, а также сдачи имений в управление. Если по законам 1865 г. ограничения в правах распоряжаться недвижимым имуществом касались только тех, кто купил его на льготных условиях у казны (по инструкции 23 июля 1865 г.) или у частных лиц с публичных торгов (по правилам 5 марта 1864 г.), то по правилам 27 декабря 1884 г. эти ограничения были распространены на всех, кто приобрел землю в западных губерниях по закону 10 декабря 1865 г. у польских владельцев [331]. Благодаря новому закону немало польских

дворян, живших тем, что арендовали земли или управляли имениями у русских помещиков, должны были пополнить ряды лиц, не имевших средств к существованию. Польское поместное дворянство лишилось возможности нарушать закон 10 декабря 1865 г. и под видом залога фактически продавать землю польским помещикам. Положением Комитета министров от 1 ноября 1886 г. все свидетельства, выданные на покупку имений в западных губерниях до 27 декабря 1884 г., объявлялись потерявшими силу. Новые свидетельства должны были выдавать губернаторы и генерал-губернаторы только лицам русского происхождения [332]. Тем самым правительство положило конец нарушению закона 10 декабря 1865 г., которое происходило с разрешения властей. Чтобы помешать полякам воспользоваться полученными в прежние годы разрешениями на покупку в крае земли, правительство предпочло аннулировать все выданные свидетельства независимо от национальности владельцев.

Через 10 лет после принятия законов 1884—1886 гг. по польскому землевладению виленский генерал-губернатор констатировал в 1895 г., что в подведомственных ему губерниях дело с усилением русского землевладения подвигалось по-прежнему не так успешно, как хотелось бы правительству. Как и прежде, господствующее положение в землевладении занимали польские помещики, а русские покупатели, разорив имения, в них не живут и стараются их сбыть в обход всех законов [333].

В результате всех мер, предпринятых правительством начиная с 1863 г. для укрепления здесь позиций русского землевладения, произошло значительное перераспределение частновладельческих земель между различными национальными группами, хотя и не в таких размерах, как того хотелось царизму. Часть земли, ранее находившейся в руках землевладельцев католического вероисповедания, причислявшихся к полякам, перешла к православным владельцам, как к помещикам, так и крестьянам. По сведениям на 1 января 1897 г. [334], в Минской, Гродненской, Витебской и Могилевской губерниях от 50 до 79% всех владельцев частной земли являлись православными, протестантами или старообрядцами, им принадлежало более 50% частновладельческой земли. Среди крупных землевладельцев этих губерний,

имевших в собственности 500 и более десятин земли, удельный вес помещиков указанного выше вероисповедания был несколько ниже, однако в их руках сосредоточивалось более 50% крупной земельной собственности. Лишь в Виленской губ. по-прежнему численно преобладали землевладельцы-католики.

Правительственная политика в дворянском вопросе складывалась с учетом того места, которое занимало дворянство в системе российского абсолютизма. Вынужденный силой социально-экономического развития и революционного натиска открыть двери капитализму, отменив крепостное право, царизм сделал это в форме, наименее болезненной для «первого сословия» России. Однако ни помещичье землевладение, ни другие пережитки крепостничества в экономике и в политическом строе не могли сохранить дворянского сословия в неизменном виде. Развитие капитализма привело к постепенному обуржуазиванию части дворянства при одновременном разорении тех, кто не сумел приспособиться к капиталистическому способу хозяйствования, и размыванию дворянства как сословия феодального общества. Вопреки объективному развитию, самодержавие, видевшее свою задачу в укреплении экономических и классовых позиций потомственного дворянства как своей основной социальной базы, пыталось путем искусственного поддержания вырождавшегося сословия не только остановить его разорение, но и восстановить его экономическую и политическую роль в стране.

Это общее направление пореформенной дворянской политики царизма получило в Белоруссии своеобразное преломление в связи с неоднородностью национального состава местного дворянства.

Русское дворянство края, как служилое, так и поместное, рассматривалось правительством как основная социальная база власти. Поэтому царизм стремился поддерживать русское дворянство, укреплять его позиции в крае и на него опираться в своей борьбе с освободительным движением. С этой целью правительство пыталось задержать его разложение и упадок путем экономической поддержки, ослабить последствия отмены

крепостного права и указов 1863 г., увеличить его долю в частном землевладении Белоруссии, защитить от конкуренции сильной в крае еврейской буржуазии и польских землевладельцев. В этой части правительственная политика в отношении русского дворянства северо-западных губерний и остальной части империи совпадала.

Несколько иначе складывались отношения царизма с польским (ополяченным) дворянством Белоруссии. Великодержавный шовинизм, пропитавший всю национальную политику русского самодержавия, не мог не отразиться на отношении правительства к местному польскому дворянству. Его политика во многом также зависела от размаха польского национально-освободительного движения и отношения к нему польских дворян Белоруссии, от остроты революционного движения в целом в стране. Определенный отпечаток на эту политику накладывал и такой субъективный фактор, как оценка политического положения в стране и настроения в связи с этим польского населения северо-западных губерний в придворных и правительственных кругах.

Сепаратизм польского дворянства края, нашедший свое проявление в адресах на имя Александра II местных дворянских собраний в годы первой революционной ситуации, широкое участие его представителей, особенно безземельной и малоземельной части дворянства, в событиях 1863 г. привели к тому, что в этот период царизм не доверял польским дворянам Белоруссии даже тем, кто был непричастен к восстанию. Жестоко расправляясь в эти годы со своими врагами независимо от их социальной и национальной принадлежности, правительство одновременно стремилось вытеснить польских дворян с господствующих позиций в экономической и политической жизни края.

Поворот в правительственной политике в отношении польского дворянства Белоруссии с конца 60-х годов был связан с новым оживлением демократического движения в стране, а затем и со второй революционной ситуацией конца 70-х — начала 80-х годов. Политическая обстановка в России вынудила правительство пересмотреть свое отношение к польскому дворянству северо-западных губерний, которое к этому времени окончательно отходит от демократического движения и в свою очередь ищет союза с царизмом. В борьбе с революцион-

ным, социальным движением в стране царизм нуждался не только в укреплении, но и в расширении социальной базы в крае за счет привлечения к себе тех слоев господствующего класса польской национальности, которые были заинтересованы в сильной власти, в сотрудничестве с царизмом.

Поэтому, не отказываясь от борьбы и уничтожения своих сознательных политических врагов независимо от их сословия и национальности, самодержавие в этот период переходит к экономической поддержке польского поместного дворянства, главным образом крупного, заинтересованного не менее правительства в подавлении революционного движения в стране.

В годы политической реакции 80-х — начала 90-х годов, когда в стране наблюдался спад революционного движения, а положение самодержавия несколько стабилизировалось, стало иным отношение правительства к польскому дворянству Белоруссии. Одержав временную победу над силами революции в стране, царизм уже не так остро ощущал необходимость в его поддержке. А ненависть ко всему нерусскому и неправославному способствовала возврату правительства к политике откровенной дискриминации в отношении польского дворянства, что отвечало интересам наиболее реакционной части русского дворянства.

Экономическая поддержка крупного поместного дворянства задерживала размывание помещичьих латифундий. Отстаивание интересов помещиков в крестьянском вопросе искусственно продлевало их существование. Однако эта поддержка могла замедлить, но не остановить разложения дворянства.

Искусственное насаждение русского землевладения и законы, направленные против польского и еврейского землевладения в Белоруссии, «вели к относительному понижению ценности земли, препятствовали ее свободной мобилизации и тем самым являлись серьезным тормозом в процессе формирования бессословной, буржуазной земельной собственности в Западном крае. Они были одной из основных причин относительной устойчивости дворянского землевладения этого региона, которая в свою очередь вызывала замедление темпов мобилизации земли... В итоге помещичье землевладение становилось еще более консервативным и, как и повсюду в

стране, являлось сильнейшим тормозом в развитии капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии»[335].

Заинтересованность самодержавия в укреплении и расширении своей социальной базы в крае за счет местных дворян-землевладельцев не побудила правительство пойти на политические уступки последним. Оно отвергало не только требование польских дворян в период первой революционной ситуации о присоединении северо-западных губерний к Царству Польскому, но не желало осуществлять здесь в полном объеме буржуазные реформы даже после их существенного ограничения в период политической реакции. Царизм, ссылаясь на прошлый сепаратизм местного польского дворянства, осуществил в Белоруссии фактически то, о чем он мечтал как принципиальный противник всяких представительных и бессословных начал, но на что не мог пойти в стране в целом. Он не ввел здесь земства, лишил выборности мировых судей, ввел новые судебные учреждения лишь после того, как свел до минимума независимость судей и гласность судопроизводства и, изъяв политические дела из суда присяжных, ограничил контингент учащихся средних и высших учебных заведений, свел на нет дворянское выборное сословное представительство, лишив местных помещиков возможности выступать с общими организованными требованиями перед правительством. Уступки политического характера были здесь минимальны и совершенно безвредны для абсолютизма.

Отсутствие земств, этих центров либерализма в России второй половины XIX в., закрытие дворянских сословных собраний, ставших к концу века в стране выразителями интересов консервативного дворянства, привели к тому, что в Белоруссии во второй половине XIX в. эти идейные течения, не имея своих центров, не могли проявить себя достаточно ярко в общественно-политической мысли и движении, а само дворянство северо-западных губерний в значительно большей степени, чем в великорусских губерниях, выступало в качестве разобщенной силы. Последнему обстоятельству в немалой степени способствовала и некоторая разница в правовом положении различных национальных групп дворянства Белоруссии, а также тактика подкупа, к которой охотно прибегал царизм в периоды кризисных ситуаций. Эти уступки экономического и политического ха-

рактера, не ограничивая самодержавия и всевластия местной администрации, в то же время подогревали в оппозиционных слоях местного дворянства веру в то, что правительство само со временем удовлетворит все их требования. Такое положение вполне устраивало самодержавие, которое не терпело «рядом с собой никакой организованной силы» и не допускало «в принципе никакой политической жизни» [336]. Наконец, ограничительные меры в области просвещения и высшего образования тормозили процесс формирования кадров белорусской интеллигенции.

В целом политика правительства в дворянском вопросе в пореформенное время вступала в непреодолимое противоречие со всем ходом социально-экономического и политического развития Белоруссии в условиях капитализма.

2 ГЛАВА

САМОДЕРЖАВИЕ И КРЕСТЬЯНСТВО

1. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Реформа 19 февраля 1861 г. не разрешила полностью крестьянского вопроса. Проведенная в интересах крепостников-помещиков, она оставляла в деревне многочисленные остатки крепостничества. Отрезки, сохранение временнообязанных отношений крестьян к помещикам, сервитуты *, огромные выкупные платежи, личная и сословная зависимость крестьян от государства — все это ложилось тяжелым бременем на плечи крестьян, сохраняло их экономическую зависимость от помещиков. Положения 19 февраля 1861 г. узаконивали обезземеливание крестьян, происшедшее еще накануне реформы. Как писал виленский генерал-губернатор Муравьев министру внутренних дел Валуеву, «многие помещики постепенно лишали крестьян лучших частей их угодий, которые вырезали под фольварки или назначались для отдачи в аренду». Чтобы удержать сельское население в полнейшей зависимости, они старались разбрасывать участки крестьян среди своих угодий, лишали их покосов [1]. Даже отмена крепостного права не освобождала крестьян от обязанности работать на своих владельцев в течение двух лет. Такие условия освобождения крестьян от крепостной зависимости не согласовывались в сознании крестьян с их понятием о «настоящей воле». Поэтому «крестьяне продолжают волноваться, продолжают искать полной, настоящей воли» [2]. На провозглашение манифеста белорусские крестьяне ответили массовы-

* Сервитуты — ограниченное право пользования чужой собственностью, а в условиях западных губерний право крестьян пользоваться некоторыми помещичьими угодьями (пасти скот, собирать хворост в помещичьих лесах и т. д.).

ми выступлениями[3]. Самое большое количество их приходится на весну 1861 г. В апреле, когда фактически началось ознакомление крестьян по деревням с условиями их освобождения, зарегистрировано около 119 выступлений, а в мае 86. Всего в 1861 г. в Белоруссии произошло 379 выступлений[4]. Борьба крестьян отличалась большим размахом, упорством. Известны случаи, когда одновременно на борьбу поднималось до 10 тыс. человек, охватывая несколько деревень. Некоторые волнения продолжались месяцами, как, например, было в Речицком уезде Минской губ.[5] На подавление многих волнений вызывались войска[6].

Крестьяне не верили в подлинность манифеста и считали, что «настоящую волю» от них скрывают помещики. В их сознании не укладывалась отмена крепостного права с сохранением повинностей в пользу помещиков. Поэтому они отказывались принимать такую волю, а упорно жившая в крестьянской массе вера в царя как своего защитника побуждала их посылать ходоков в Петербург и губернские города, охотно слушать тех, кто убеждал их в существовании другого, настоящего царского манифеста. В ожидании нового царского указа крестьяне упорно отказывались выходить на работы в имения, исполнять повинности по Положению 19 февраля 1861 г.

Новый подъем крестьянской борьбы в Белоруссии, как и по всей России, наблюдался в 1862 г. в связи с составлением уставных грамот, в которых определялись взаимоотношения крестьян и их бывших владельцев. Из 152 выступлений крестьян, которые произошли в 1862 г. в Белоруссии, 78 были вызваны попытками властей составить или ввести в действие уставные грамоты[7]. По свидетельству царских властей, крестьянское движение в Белоруссии против уставных грамот было одним из самых упорных в России[8]. Ожидая новый царский указ, крестьяне отказывались принимать уставные грамоты. Они протестовали против размеров повинностей в пользу помещиков, против попыток лишить их части наиболее плодородной земли. Властям не помогали ни уговоры, ни введение войск в деревни, ни массовая порка крестьян. Хотя по закону уставные грамоты необходимо было составить и ввести в действие к 19 февраля 1863 г., на 1 января 1863 г. в 5 северо-западных губерниях они

были введены лишь по отношению к 40,5% временнообязанных крестьян. Из них 78,6% грамот не было подписано крестьянами [9]. Их введение в Белоруссии затянулось до мая 1864 г.

Когда наступило 19 февраля 1863 г., вновь белорусские крестьяне поднялись на борьбу. С этим днем они связывали надежды на «настоящую волю», на прекращение всякой зависимости от помещиков. Во многих имениях крестьяне категорически отказывались выходить на работу к помещику, платить оброк, не желали признавать над собой власть бывшего владельца. Особым упорством и массовостью отличалась борьба крестьян Гродненской губ., которая граничила с Царством Польским и Литвой, где уже полыхало восстание и грозило перекинуться на Белоруссию.

По своему объективному содержанию крестьянская борьба после отмены крепостного права была направлена против остатков крепостничества, за американский путь развития капитализма.

Это совпадение по времени послереформенного подъема крестьянского движения в Белоруссии и оживления национально-освободительного движения на западных окраинах империи, перешедшего затем в восстание, поставило царизм в очень сложное положение.

Руководители всех течений национально-освободительного движения накануне восстания прекрасно понимали ту роль, которую сможет сыграть крестьянство в готовившемся восстании [10].

Страх перед аграрной революцией вынуждал «белых» вообще отказаться от идеи восстания. В то же время они пытались заигрывать с крестьянами, связать их видимостью общности интересов. Так, в польской листовке «Письмо крестьянина Длугошко к крестьянам в Царстве», распространявшейся и в западных губерниях, проводилась мысль, что если бы не помещики, то с крестьян «содрали бы кожу». Ксендзы призывали крестьян «держаться помещиков» потому, что они «братья ваши» [11]. Эта агитация не могла найти благоприятного отзвука в белорусских крестьянах.

Умеренные «красные» стремились привлечь белорусское крестьянство к вооруженной борьбе с царизмом. Будучи шляхетскими революционерами, они звали их к единению со всей польской нацией вплоть до помещиков

во имя национального возрождения Польши, обещая им за это передать обрабатываемые ими наделы в собственность [12].

Такая агитация не могла оказать положительного влияния на белорусских крестьян, что отмечали и царские власти [13].

Иными были призывы немногочисленных тогда революционных демократов. К. Калиновский, по словам знавшего его Е. Кучевского-Парая, имел «опыт общения с народом, искал в страданиях подневольного рабства ту силу, которая сможет поднять народ на восстание, сделав его рыцарем, сражающимся во имя попранных человеческих прав» [14]. Его газета для белорусских крестьян «Мужицкая правда» звала читателей к топору, к аграрной революции, которая сметет царизм, власть помещиков и принесет крестьянам землю и настоящую волю. Она учила крестьян солидарности, умению отличать своих друзей от врагов, указывала путь борьбы за настоящую, мужицкую волю. Много внимания уделялось в газете разоблачению грабительской сущности реформы 1861 г. и всей антинародной политики царизма, а также роли во всем этом самого царя. «Мужицкая правда» проповедовала единство трудящихся масс всех национальностей [15].

Идеи революционеров-демократов всецело отвечали интересам крестьянства, они выражали его чаяния и стремления. Не случайно движение крестьян в начале 1863 г. наибольшего размаха достигло именно в Гродненской губ., которая явилась главной ареной деятельности К. Калиновского и его друзей.

Царское правительство прекрасно сознавало всю таящуюся опасность для него в развернутой накануне восстания пропаганде революционеров среди белорусских крестьян. Еще в 1862 г. жандармские офицеры доносили о том, что «все агитаторы хорошо поняли, что без массы народа борьба их будет слишком ничтожна и опасна для собственных их голов; поэтому вся забота их направилась к привлечению на свою сторону простого народа, который... уже отчасти отшатнулся в привязанности к правительству, и если такой порядок дел про-

должится, то через короткое время все народонаселение... сделается явным врагом России» (царизма.— *С.С.*)[16].

Когда вспыхнуло восстание и были провозглашены аграрные декреты Центрального национального комитета, правительство почувствовало, что почва уходит из-под его ног. Руководители восстания в своих аграрных декретах учли многие требования крестьян этого периода. Декреты объявляли о ликвидации самых ненавистных для крестьян пережитков крепостничества — временнообязанных отношений, оброков и барщины, решали вопрос о безземельных крестьянах. Рушилась надежда царизма на то, что крестьяне не захотят поддержать национально-освободительное движение, среди участников которого было много выходцев из дворянства[17]. Положение самодержавия осложнялось тем, что опубликование аграрных декретов совпало по времени со вспышкой крестьянского движения в связи с истечением двухлетнего срока после опубликования царского манифеста. Кроме того, повстанцы появились именно в тех губерниях, где это движение приняло наиболее упорный характер — на западе Белоруссии. Ход событий вынудил правительство срочно внести определенные коррективы в свою крестьянскую политику в крае. Виленский генерал-губернатор Назимов, ознакомившись с манифестом Центрального национального комитета, писал шефу жандармов Долгорукову: «Разрушая все установления правительства, изданные по предмету освобождения крестьян, манифест этот, совпадая с ожиданиями и стремлениями всего сельского сословия, не преминет поставить местные власти почти в безвыходное положение...» Поэтому начальник края предлагал «решительно отказаться от дальнейшего ведения крестьянского вопроса сообразно с установленными правительством правилами»[18].

Приступая к разработке нового курса в крестьянской политике, самодержавие намеревалось использовать в своих интересах царистские иллюзии белорусских крестьян, а также вековую ненависть последних к помещикам, большинство из которых, как мы знаем, были поляками по языку и культуре, и крестьянское недоверие ко всем, кто носил «господское» платье и говорил по-польски.

Идея использовать в борьбе с польским националь-

но-освободительным движением антагонизм между белорусскими крестьянами и помещиками возникла в правительственных кругах накануне восстания, когда стала известна аграрная программа Центрального национального комитета и его стремление привлечь к вооруженной борьбе крестьян северо-западных губерний. Эту мысль первым высказал министр внутренних дел Валуев. Представляя Александру II в декабре 1862 г. свой «Очерк общего хода дел в Западном крае», он рекомендовал осторожно поддерживать «взаимное нерасположение крестьян к помещикам». Но, предлагая такую крайнюю меру, он в то же время видел всю ее опасность для самого царизма. «Конечно,— писал он в записке,— можно поднять крестьян против помещиков, которые обратят в бегство большинство дворян», но нет никаких гарантий, что это движение не приведет к ниспровержению «общих начал гражданского порядка не только во всем пространстве Западного края, но и в смежных с ним губерниях, а затем под влиянием заразительного примера и в других частях империи». Поэтому поддерживать такое «нерасположение» следовало осторожно, до определенного предела [19], т. е. не допуская открытого выступления крестьян против помещиков. Однако не все готовы были принять предложение Валуева. В то время как западная окраина империи была подобна пороховой бочке, некоторым членам правительства и местной администрации такая идея казалась еретической. Они считали самоубийством использовать ненависть крестьян против помещиков, даже если это поможет правительству справиться с национально-освободительным движением. Так, гродненский губернатор Галлер писал Валуеву, что «поселять раздвоение (т. е. возбуждать крестьян против поместного дворянства.— *С.С.*) ...в настоящее время... при всем желании едва ли возможно» [20]. Наиболее точно выразил недоумения и опасения реакции председатель Комитета министров князь Гагарин. Он категорически высказался против предложения Валуева: «...трудно полагать, чтобы правительство могло помыслить даже об усилении своей власти посредством поддержания раздора... Всякая подобная мера может произвести результат совершенно противоположный». Александр II не разделял опасений князя и в свою очередь разъяснил ему, что «дело не в раздоре, а в том, чтобы не допускать

польское влияние на крестьян в духе, враждебном правительству и православной церкви»[21]. Ради этого и решили использовать ненависть крестьян к помещикам, но не доводя ее проявление до размеров, угрожающих классу помещиков. Вся необычность этого предложения министра внутренних дел и горячая поддержка его со стороны царя характеризуют остроту политического положения, сложившегося в годы революционной ситуации как в стране в целом, так и на западной окраине ее, настроение придворных и правительственных кругов в связи с этим и их панический ужас перед неизбежной, как им казалось, катастрофой.

В развитие идеи, поддержанной царем, виленский генерал-губернатор Назимов, объезжая еще до восстания подведомственные ему губернии, не однажды повторял крестьянам, что свободу от крепостной зависимости они получили из рук царя, и намекал при этом, что освобождение произошло бы еще ранее, если бы не сопротивление их господ, которые и сейчас проявляют недовольство[22]. Восстание побудило правительство более смело натравливать крестьян на повстанцев, пользуясь тем, что среди последних было много дворян. Местные власти и православное духовенство начали извращать цели восстания, убеждая крестьян, что восстали их паны во имя возвращения крепостного права. Так, минский губернатор в специальном объявлении, а минское духовенство с амвонов обвинили польских помещиков в нежелании идти на облегчение положения крестьян, вопреки требованию царя[23].

Семена ненависти пали на благодатную почву, особенно на востоке Белоруссии[24]. Как писал в своих показаниях К. Калиновский, «крестьянин, видя необрезанные еще когти своих господ, не мог им довериться и стал смотреть на дело польское как на затею помещичью, органы же правительства понятие такое крестьянина старались поддерживать»[25]. В Могилевской и Витебской, а также в Минской губерниях известно немало случаев, когда крестьяне вместе с войсками нападали на повстанческие отряды, ловили и отдавали властям отставших и раненых повстанцев[26]. Так, отряд Л. Звеждовского вынужден был сложить оружие, встретив враждебное к себе отношение со стороны крестьян Могилевской губ. Такая реакция крестьян вполне устраивала власти. Од-

нако в Витебской и Могилевской губерниях этим дело не ограничилось. Здесь появление повстанческих отрядов послужило для крестьян сигналом громить помещичьи усадьбы. Под предлогом поисков повстанцев и оружия толпы крестьян врывались в поместья, устраивали обыски, при этом нередко сжигали усадьбы. За короткий срок было разгромлено около 30 имений. Их владельцев крестьяне связывали и доставляли местным властям [27]. Борьба крестьян с повстанческими отрядами помогала правительству бороться с восстанием и в то же время создавала видимость изолированности повстанцев от коренного населения. Но погромы помещичьих имений не входили в расчеты властей и потому вызвали среди местной администрации и правительства серьезные беспокойства. Те, кто испугался этого стихийного взрыва, понимали, что за борьбой с повстанцами на востоке Белоруссии скрывалась вековая ненависть крестьянских масс к помещикам, и не было гарантий, что крестьяне ограничатся только этим, а погромы усадеб не перекинутся на соседние великорусские губернии. Как писал председатель динабургской следственной комиссии С. Ф. Панютин, «урок, заданный крестьянами витебским возмутителям, был хорош», «если бы не крестьяне, то для правительства, не имевшего под рукою войск, хлопот было бы много», однако этот урок будет «опасен по своим последствиям» [28]. Посланный из Петербурга в Витебскую губ. для расследования дела о погроме помещичьих усадеб граф Шувалов видел в этих событиях начало крестьянской войны против помещиков. Эту точку зрения разделял и шеф жандармов Долгоруков [29]. Поэтому, использовав ненависть белорусских крестьян к помещикам в трудную для себя минуту, правительство затем постаралось подавить это движение, не прибегая к военной силе, но арестовав наиболее активных его участников.

Столь же временным, вызванным лишь чрезвычайными обстоятельствами было решение местных властей не посылать войска на подавление крестьянских волнений по требованию помещиков. Идя на такой необычный для самодержавия шаг, правительство намеревалось одним ударом убить сразу трех зайцев. Во-первых, были бы проучены помещики. Они в самой затруднительной для них ситуации оставались один на один со своими вы-

шедшими из повиновения бывшими крепостными, не имея за своей спиной спасительных солдатских штыков. Во-вторых, не вмешиваясь в междоусобицу помещиков и крестьян, правительство надеялось улучшить взаимоотношения с белорусскими крестьянами в самый для себя критический момент. Как писал виленский жандармский штаб-офицер Лосев, «простой народ не полюбит того, кто его будет бить» [30]. В третьих, перепуганный появившимися повстанческими отрядами виленский генерал-губернатор считал нужным не распылять военные силы по деревням, а употреблять их исключительно для борьбы с повстанцами. Воинским соединениям и солдатам было приказано генерал-губернатором «всеми средствами стараться приобрести полное расположение крестьянского сословия» [31], чтобы они увидели в войсках «своих прямых защитников, а отнюдь не притеснителей» [32].

С той же целью, используя ненависть крестьян к помещикам, правительство пыталось поставить под контроль крестьянских обществ ближайшие к ним помещичьи усадьбы и шляхетские околицы, вменив крестьянам в обязанность следить за тем, чтобы там не появлялись подозрительные люди, а сами владельцы не отлучались с мест своего жительства, не хранили оружия, не снабжали повстанцев продовольствием. За найденное в имении оружие крестьяне получали награду от 50 коп. до 3 руб. [33], за каждого задержанного повстанца 3—5 руб. [34] Специальным правительственным постановлением предписывалось создавать из крестьян сельские караулы для борьбы с повстанцами [35].

Те же политические цели преследовали и такие распоряжения виленского генерал-губернатора осенью 1863 г., как прекращение дел крестьян, находившихся под судом «за противодействие, оказанное ими отяготительным требованием помещиков, ослушание приказаниям бывших мировых посредников, беспорядки при введении в действие уставных грамот» [36], а также арестованных за участие в разгроме барских усадеб на востоке Белоруссии [37].

27 сентября 1863 г. Муравьев предписывает мировым посредникам не принимать от помещиков просьб о взыскании с крестьян прежних долгов по барщине, накопившихся со времени отмены крепостного права и по 1 мая

1863 г.[38] Администрация пошла на этот шаг главным образом потому, что не верила в возможность взыскать эти долги мирно, без применения военной силы. Крестьяне поднимали волнения еще до того, как отменили барщину по указу 1 марта 1863 г. Не соглашались они исполнять барщину и до 1 мая 1863 г., как это предусматривалось законом. Тем более они воспротивились бы взысканию старых долгов по уже отмененной барщине. А так как Муравьев еще не верил в свою победу над восстанием и ждал его возобновления с приходом весны, то он и не хотел взысканием старых долгов накалять и без того напряженную обстановку в деревне.

Принимая в 1863 г. все перечисленные выше необычные для царизма решения, правительство считало, что оно ничего не теряло и в то же время приобрело в борьбе с повстанцами союзников в лице крестьян. Эти же меры должны были укрепить веру белорусских крестьян в «справедливость» царя и его ставленников на месте, уменьшить накал аграрной борьбы в деревне и тем самым развязать самодержавию руки для борьбы с национально-освободительным движением на западных окраинах. Ради этого в условиях общероссийского революционного подъема правительство готово было и поддерживать «осторожной рукой» антагонизм крестьян и помещиков в крае и не столь энергично защищать интересы последних, но при этом бдительно охранять неприкосновенность поместного землевладения.

Отказы посылать войска на подавление крестьянских волнений, извращение истинных целей восстания являлись паллиативными и временными мерами. Правительство понимало, что его шаги в этом направлении — ничто по сравнению с аграрной программой повстанцев, которая должна была принести реальное облегчение крестьянам. Поэтому, если царизм желал нейтрализовать ее влияние на крестьян, он должен был бороться тем же оружием. Только встречные уступки в пользу сельского населения могли удержать крестьян от присоединения к восстанию. Еще в начале 1862 г. вопрос о необходимости пересмотреть некоторые положения реформы для северо-западных губерний поднял виленский

генерал-губернатор Назимов. Столкнувшись с упорной борьбой местных крестьян против временнообязанных отношений, совпавшей по времени с резким обострением национально-освободительного движения, он предлагал разрешить крестьянам Белоруссии и Литвы выкупать землю без согласия помещиков и тем самым ускорить ликвидацию особенно ненавистной им зависимости от бывших владельцев [39]. Однако правительство не прислушалось к совету местной администрации. Польское патриотическое движение в северо-западных губерниях в этот период еще не вышло из стадии религиозно-патриотических манифестаций, а аграрная программа «красных» была правительству неизвестна. Поэтому царизм не видел необходимости идти даже на такие незначительные уступки крестьянам.

Летом 1862 г. положение в крае обострилось. В деревне развернулась борьба против уставных грамот. Был создан центр по подготовке восстания в Литве и Белоруссии во главе с К. Калиновским. В органе Центрального национального комитета «Ruch» появилась программа «красных», а по деревням стали находить «Мужицкую правду» и всевозможные «гуторки», которые призывали белорусских крестьян поддержать поляков в их борьбе с самодержавием. Наблюдая ход составления и подписания уставных грамот, с одной стороны, и революционную агитацию среди крестьян — с другой, виленский жандармский штаб-офицер А. М. Лосев в письме к своему начальнику Долгорукову предлагал во имя «уничтожения всех польских интриг» пересмотреть местное положение для крестьян в том плане, «чтобы они в новом положении обязательно могли видеть свою пользу» [40]. Пока что Лосев никаких конкретных предложений не выдвигал. Но незадолго до восстания он составил записку о политическом положении Виленской губ. и о мерах борьбы с освободительным движением. Предчувствуя революционный взрыв в крае, он советовал вырвать инициативу из рук революционеров и среди прочих мер предлагал путем скорейшего выкупа крестьянского надела или «другой какой мерой» расширить «права гражданства» крестьян [41]. Эту идею виленского жандармского штаб-офицера поддержал начальник края Назимов. Начавшееся восстание и опубликование аграрных декретов 10(22) января 1863 г. положили

конец колебаниям и нерешительности правительства. В начале февраля 1863 г. на объединенном заседании Главного комитета об устройстве сельского состояния и Западного комитета состоялось обсуждение вопроса об обязательном выкупе в северо-западных губерниях. Из всей переписки между местной администрацией и министерством внутренних дел, а также из хода обсуждения поднятого вопроса на заседании ясно, что правительство с самого начала было намерено дать крестьянам только то, что в силу сложившихся обстоятельств не дать им уже было невозможно.

Так, министр внутренних дел Валуев говорил: «В настоящее время невозможно думать о полумерах, опасно, может быть гибельно колебаться, каждый день, можно сказать, каждый час дорог; то, что хорошо и своевременно сегодня, может быть поздно и неудобно завтра»[42]. А начальник Северо-Западного края писал в отношении шефу жандармов: «Пользуясь временем, пока еще социальные идеи не пустили глубоких корней в умах сельского населения и оно готово принять все условия для скорейшего приобретения поземельной собственности в вечное и потомственное владение, лишь бы они были для него доступны и выгодны, правительство поставляется в настоящее время в необходимость оказать ему в этом деле всевозможное содействие»[43]. Стремление крестьян освободиться от ненавистных им временнообязанных отношений и надежда получить освобождение из рук царя позволяли царизму дать крестьянам менее того, что могла получить деревня от повстанцев в случае их победы. Валуев заметил: «Ныне оно (крестьянство.— *С.С.)* еще поверит более скромным обещаниям законного и твердого правительства, чем шаткому и ненадежному соблазну революционной партии»[44].

Указом 1 марта 1863 г. вводился обязательный выкуп; обязательные отношения крестьян к помещикам прекращались с 1 мая 1863 г. Все крестьяне переводились на оброк, а оброк по сравнению с уставными грамотами понижался на 20%. Для поверки повинностей, которые определялись крестьянам по уставным грамотам, создавались поверочные комиссии. Они же должны были составлять выкупные акты[45].

Указ касался только тех районов, где к этому време-

ни существовала реальная угроза объединения национально-освободительного восстания с крестьянской борьбой за землю. Поэтому он распространялся только на Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии и на латгальские уезды Витебской губ. Именно здесь уже действовали повстанческие отряды. Еще накануне вооруженного выступления крестьянское движение на западе края отличалось наибольшим размахом и упорством. В этих районах часть крестьян исповедовала католическую религию, и поэтому правительство особенно опасалось влияния на них повстанцев через римско-католическое духовенство. В Виленской и Гродненской губерниях белорусские крестьяне приняли наиболее активное участие в восстании по сравнению с другими районами Белоруссии. Здесь среди повстанцев на долю крестьян приходилось более 25%, в то время как в целом по Белоруссии крестьяне составляли около 18% всех активных участников восстания [46]. Многие крестьяне помогали повстанцам продовольствием, служили у них проводниками, сообщали им о движении царских войск.

На Могилевскую губ. и белорусские уезды Витебской губ. обязательный выкуп не распространялся. Здесь повстанческие отряды еще к этому времени не появлялись, среди помещиков было много русских и прибалтийских немцев, среди крестьян преобладали православные. Кроме того, считалось даже опасным идти на уступки крестьянам в районах, соседствовавших с великороссийскими губерниями, чтобы не вызвать в них обострения крестьянской борьбы против помещиков. Министр внутренних дел сразу же после принятия указа 1 марта предписывал могилевскому губернатору следить за настроением могилевских крестьян с тем, чтобы в случае появления между ними «ложных надежд» на применение к ним нового закона принимались бы «самые энергичные меры к подавлению таких ложных ожиданий, дабы прекратить их в самом начале и этим устранить могущие возникнуть от этого беспорядки» [47].

Указ 1 марта не удовлетворял полностью крестьянских требований. Он упразднял временнообязанные отношения только с 1 мая, а до этого крестьяне в течение оставшихся двух месяцев должны были по-прежнему выполнять натуральные повинности. Поэтому местные власти доносили о недовольстве крестьян и их отказах

выходить на работу к помещикам после 1 марта. Так, в Вилейском уезде Виленской губ. крестьяне пяти волостей заявили, что они «решительно не в силах далее отбывать издельную повинность» и «работать своим панам более не будут» [48].

Весной 1863 г. встал вопрос о распространении указа от 1 марта на восточные губернии Белоруссии. Повстанческие отряды к этому времени появились не только на западе, но и на востоке Белоруссии. И здесь были отдельные случаи, когда провозглашение повстанцами аграрных декретов встречалось некоторыми крестьянами с восторгом. Например, когда крестьянам с. Лисичино Сенненского уезда Могилевской губ. был зачитан манифест и им объявили, «что отведенную землю они (повстанцы.— *С.С.*) им дарят вместе с полной свободой..., некоторые крестьяне благодарили мятежников и целовали им руки». В остальных местностях уезда, где прошли повстанцы, судя по рапорту мирового посредника, крестьяне «перестали исполнять возложенную на них за землю повинность» [49]. Эти факты о многом говорили. Разгром крестьянами помещичьих усадеб, незапланированный царизмом, но им справоцированный, показал, насколько опасно пользоваться этой ненавистью крестьян. Кроме того, первые известия о том, что в соседних губерниях отменили барщину, отозвались в Могилевской и Витебской губерниях. Здесь крестьяне стали требовать распространить указ и на них. Местные власти боялись применить военную силу против волновавшихся крестьян и посчитали за лучшее ликвидировать на востоке Белоруссии временнообязанные отношения [50].

Однако принятие закона о переводе крестьян восточных губерний края на выкуп затянулось на несколько месяцев. За это время изменилась обстановка не только в Витебской и Могилевской губерниях, но и в целом в Белоруссии и в стране. В конце лета 1863 г. повстанческие отряды действовали лишь в Гродненской губ. В Польше восстание шло на убыль. Крестьянское движение по всей стране значительно ослабло. В связи с некоторой стабилизацией внутреннего положения царизма в правительственных кругах ставилась под сомнение сама необходимость идти на какие-либо новые уступки крестьянам, да еще в губерниях, где среди помещиков

было много русских, а также прибалтийских немцев, а сама местность граничила с русскими губерниями. Ликвидировать временнообязанные отношения и понизить выкупные платежи вопреки желаниям помещиков значило усилить оппозицию верных царизму местных землевладельцев православного и протестантского вероисповедания, с одной стороны, а с другой — способствовать усилению аграрного движения в соседних с Белоруссией губерниях, где крестьяне потребовали бы для себя таких же уступок [51]. Такие соображения высказывались министром внутренних дел Валуевым. Лишь восстание вынудило его на короткий срок отступить от такой тактики и выступить с инициативой отмены временнообязанных отношений в Литве и трех губерниях Белоруссии. Но уже к началу осени 1863 г. он вернулся на свои прежние позиции и стал энергично отстаивать интересы поместного дворянства. Его точка зрения на курс правительственной политики в Белоруссии не сразу победила в правительственных и придворных кругах. Большинство Главного комитета об устройстве сельского состояния, где обсуждалось предложение Муравьева о распространении обязательного выкупа на восточные районы Белоруссии и о снижении выкупных платежей на 20%, согласилось с начальником края. Император на этот раз не сразу встал на сторону сторонников дальнейших уступок крестьянам, испытывая, очевидно, какие-то колебания, вызванные доводами министра внутренних дел. Заседание Главного комитета происходило 30 сентября 1863 г. После этого прошел месяц, в течение которого никто из правительства не знал, на чью сторону станет Александр II. Лишь 28 октября Валуев узнал, что победа оказалась на стороне Муравьева [52]. 2 ноября 1863 г. царь утвердил указ о прекращении с 1 января 1864 г. обязательных отношений в Могилевской губ. и белорусских уездах Витебской губ. с понижением выкупных платежей на 20% [53].

Таким образом, под влиянием крестьянской борьбы за землю и аграрных декретов повстанцев правительство было вынуждено пойти на первое изменение в условиях освобождения крестьян. Однако Муравьев был вынужден признать, что и в уменьшенном размере выкупные платежи «нисколько не соответствуют выгоде надела, которым крестьяне пользуются» [54].

При всей незначительности уступки крестьянам правительство получило ощутимые выгоды. Крестьяне охотнее поверили царизму, чем повстанцам, и согласились принять из рук царя значительно меньше того, что им было обещано аграрными декретами ЦНК. С опубликованием указов 1 марта и 2 ноября 1863 г. в среде крестьян окрепли царистские иллюзии. Вновь они ожидали от царя новых «благодеяний», вместо того, чтобы вместе с восставшими идти с оружием в руках добывать себе землю и волю.

В связи с восстанием большую озабоченность у правительства вызывали многочисленные безземельные крестьяне. Еще до реформы 19 февраля 1861 г. помещики Белоруссии в ожидании освобождения крестьян поспешили произвести значительное их обезземеливание, отрезая в свою пользу лучшие по качеству участки, переселяя крестьян на худшие земли. Согласно местным положениям 19 февраля 1861 г., крестьянам передавались только те земли, которыми они пользовались к моменту крестьянской реформы. Таким образом молчаливо санкционировалось обезземеливание крестьян. Безземельные крестьяне были самым «беспокойным» для правительства элементом и, как писал Муравьев, «легко совращались в мятеж». Правительство страшилось этих безземельных крестьян, способных всегда произвести «значительные в крае беспорядки»[55]. Безземельные крестьяне были особенно опасны во время восстания, когда повстанцы обещали им по 3 морга земли при условии обязательного вступления в повстанческий отряд. Летом 1863 г. в самый разгар восстания на западе Белоруссии гродненский губернатор Бобринский сообщал виленскому генерал-губернатору о том, что указ 1 марта 1863 г. не произвел на деревню благоприятного для правительства впечатления в силу того, что он не возвращал крестьянам земли, отобранные у них помещиками еще до реформы 1861 г.[56] Губернатор не ручался за спокойствие деревни и успех деятельности поверочных комиссий, если правительство не решит вопрос об отрезках и тем самым нейтрализует аграрные декреты восставших и в этой их части.

Вскоре предсказания Бобринского стали сбываться.

Стоило комиссиям приступить к поверке уставных грамот, как крестьяне отказывались подписывать эти документы в связи с тем, что им не возвращались отрезанные в своё время земли. Реализация всей крестьянской реформы в крае оказалась под угрозой срыва.

Виленский генерал-губернатор Муравьев вынужден был пойти на частичное возвращение крестьянам отнятой у них земли и тем самым прекратить крестьянский «ропот и неудовольствие», а также уменьшить число безземельных крестьян в крае [57]. Так появились два его циркуляра — от 17 августа и 18 октября 1863 г. Первый документ разрешал возвращать крестьянам, обезземеленным в период между составлением инвентарей (1846 г.) и введением в действие уставных грамот, не полный их прежний надел, а только 3 дес. на семью [58]. Циркуляр от 18 октября сделал дальнейшую уступку крестьянам: те, которые лишились земли в период после 20 ноября 1857 г. и до 19 февраля 1861 г., имели право вернуть свой участок в полном его размере при условии, если он не поступил в надел другим крестьянам. Всем лишенным земли до 1857 г. давалось на основании циркуляра от 17 августа лишь 3 дес. [59]

Таким образом, и в этом случае, как и при разработке указа от 1 марта 1863 г., виленский генерал-губернатор, отмеряя размер уступки крестьянам, делал ставку на их царистские иллюзии и крайнюю нужду. 3 дес. по циркуляру — это не 3 морга по декрету ЦНК. Но вера в «законное правительство» крестьян и их безземелье, их страстное желание получить свой клочок земли позволили Муравьеву надеяться, что крестьяне удовлетворятся 3 дес., полученными из рук царя, и не пойдут вместе с повстанцами бороться за 3 морга земли против самодержавия.

Свои решения о наделении безземельных крестьян Муравьев принимал не посоветовавшись со своим непосредственным начальником Валуевым, не поставив его в известность о готовившихся циркулярах. В Петербурге о них узнали после того, как они стали проводиться в жизнь. Против этого шага виленского генерал-губернатора единым фронтом выступили влиятельные магнаты края и защитник их интересов в правительстве министр внутренних дел. Генерал-адъютант князь Радзивилл, обер-гофмейстер граф Хрептович, бароны Ропп и Грот-

гус и другие подали записки Александру II, в которых подвергли критике все мероприятия виленского генерал-губернатора в крестьянском вопросе [60]. Особое негодование у них вызвало возвращение крестьянам части отобранной у них помещиками земли накануне реформы. Авторы дружно обвиняли виленского диктатора в нарушении прав собственности землевладельцев, в потрясении общественного порядка и подрыве личной безопасности помещиков и всего общественного строя. Однако при всем желании удовлетворить требования помещиков Александр II не мог решиться отменить циркуляры, которые уже начали проводиться в жизнь. Вновь отнять у крестьян возвращенную им землю в условиях продолжавшегося еще в Польше и Литве восстания было опасно для правительства. Поэтому муравьевские циркуляры после долгих проволочек и обсуждений Главный комитет об устройстве сельского состояния утвердил в мае 1864 г. [61]

Досрочная отмена в Литве и Белоруссии по сравнению с первоначальными условиями реформы 19 февраля 1861 г. временнообязанных отношений и перевод крестьян этих районов в разряд собственников вынудили правительство срочно решать такие вопросы, как снабжение крестьян топливом, разверстание помещичьих и крестьянских угодий, а также сервитутный вопрос.

По первоначальным условиям освобождения крестьян помещики были обязаны в течение 9 лет снабжать крестьян топливом за особую плату или повинности. Помещики имели право требовать обязательного независимо от желания крестьян разверстания угодий. Крестьянская реформа сохраняла сервитуты без изменений на неопределенное время и в неуточненных размерах. Когда после указов 1 марта и 2 ноября 1863 г. крестьяне северо-западных губерний становились собственниками своих наделов, помещики по букве закона уже не обязаны были снабжать крестьян топливом и не имели права требовать обязательного для крестьян разверстания угодий. И на деле многие помещики прекратили отпускать крестьянам дрова, доказывая, что с переводом крестьян в разряд собственников последние теряли право на сервитуты. В то же время землевладельцы не от-

казывались от прежнего права производить по своему усмотрению разверстание угодий и под этим предлогом лишали крестьян лучших земель. Эти действия помещиков края порождали многочисленные жалобы крестьян, вызывали постоянные столкновения сторон и накаляли политическую обстановку в белорусской деревне. В 1863 г. правительство, заинтересованное в спокойствии деревни, не могло пройти мимо этих вопросов. Принимаясь за их решение, царизм был вынужден считаться с политическим положением в крае и колоссальным значением сервитутов [62] и правом на топливо для хозяйства крестьян. Понимая, что белорусскому крестьянину не обойтись без сервитутов и дров из леса помещика, не только Муравьев, но и Валуев в 1863 г. не решились пойти навстречу желаниям помещиков. Поэтому циркуляр виленского генерал-губернатора от 24 ноября 1863 г. сохранял за крестьянами до 1870 г. право получать топливо от помещиков за установленную плату или повинности. Количество дров и плата за них определялись мировыми посредниками. Несмотря на неоднократные жалобы помещиков на это распоряжение Муравьева, которое шло вразрез с положением 19 февраля 1861 г., Западный и Главный комитеты не отменили его, так как оно должно было служить гарантией уменьшения конфликтов в белорусской деревне [63].

Те же причины вынудили правительство пойти на запрещение в Белоруссии и Литве обязательного разверстания по требованию одного лишь помещика и подтверждение за крестьянами права на сервитуты. По положению Главного комитета, утвержденного царем 1 мая 1863 г., разверстание чересполосных и совместных угодий в крае могло происходить только на основе полюбовного соглашения сторон по ст. 112 положения о выкупе. Теперь обмен угодий ставился в зависимость от желания не только помещика, но и согласия на него крестьян. Тем самым правительство надеялось избежать лишних столкновений с крестьянами, вызванных насильственным их переселением и обменом угодий. Однако, принимая положение 1 мая, правительство считало его вынужденной и временной мерой, от которой правительство вскоре сможет отказаться, как только изменится политическое положение в крае. Поэтому в законе оговаривалась возможность в будущем введения обяза-

тельного разверстания на основе тех правил, которые впоследствии будут выработаны [64].

То, что этот шаг был предпринят царизмом своевременно, показала практика великорусских и украинских губерний, где правило об обязательном разверстании по требованию помещиков осталось в силе. Здесь в связи с принудительным разверстанием происходили крестьянские волнения, которые вынудили министра внутренних дел издать 29 августа секретный циркуляр о необходимости ограничить разверстание угодий по требованию одного лишь помещика и склонять стороны к добровольным соглашениям. Тем самым под влиянием крестьянского движения правительство стало стремиться даже в великороссийских губерниях ввести полюбовный принцип разверстания [65]. Это тем более необходимо было сделать в северо-западных губерниях, где в это время вовсю пылало восстание.

По той же причине Муравьев циркуляром 24 июля 1863 г. предписывал поверочным комиссиям включать в выкупные акты право крестьян на различные сервитуты либо склонять помещиков к замене сервитутов на земли, годные для крестьянских сенокосов и пастбищ [66]. Однако помещики не желали признавать прав крестьян на сервитуты и требовали их безвозмездной ликвидации. Крестьяне в упорной борьбе отстаивали свои права. А правительство ждало благоприятного момента для удовлетворения требований помещиков.

Таким образом, в крестьянской политике правительства под влиянием восстания 1863 г. произошли изменения. В своей борьбе с повстанцами оно стремилось опереться на крестьян, используя их вековую ненависть к помещику и слепую веру в царя — «освободителя», или же удержать их от участия в восстании. С этой целью царизм внес изменения в первоначальные условия освобождения крестьян Белоруссии от крепостной зависимости. Направление и размер уступок крестьянскому населению были продиктованы, с одной стороны, аграрной программой повстанцев, а с другой — накалом и лозунгами аграрного движения в белорусской деревне. Под их влиянием царизм был вынужден ликвидировать вре-

меннообязанные отношения, снизить выкупные платежи, частично вернуть крестьянам «отрезки», временно оставить за ними права на сервитуты. Царизм ограничился минимальными уступками белорусским крестьянам, а их ненависть к панам использовал в борьбе с польским национально-освободительным движением. После внесения в 1863 г. изменений в положение 19 февраля 1861 г. крестьянам вернули не все земли, которые у них были отрезаны помещиками перед отменой крепостного права. Однако восстание 1863 г. помешало помещикам ограбить своих бывших крепостных в том размере, в каком они пытались это сделать при составлении уставных грамот [67]. Отмена временнообязанных отношений, понижение выкупных платежей, частичный возврат «отрезков» создавали более благоприятные условия для развития капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. В. И. Ленин, характеризуя реформу 19 февраля 1861 г., отмечал, что ее буржуазный характер проявлялся тем явственнее, «чем меньше урезывались крестьянские земли..., чем ниже был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»)...» [68] Те небольшие уступки белорусским крестьянам, к которым прибег царизм во время восстания 1863 г., являлись логическим продолжением его аграрной политики в годы первой революционной ситуации. Сама реформа 19 февраля 1861 г. была самой крупной уступкой крепостников и их государства, с помощью которой они надеялись отстоять и при капитализме в неприкосновенном виде помещичье землевладение и самодержавие. Указы 1863 г. были приняты с той же целью: уступить в мелочах и сохранить главное.

Что касается попыток правительства использования ненависти белорусских крестьян к помещикам для своей борьбы с повстанцами, то их надо расценивать главным образом как акт крайнего отчаяния, когда положение царизма расценивалось в правительственных кругах как катастрофическое.

2. СЕРЕДИНА 60-х — НАЧАЛО 90-х ГОДОВ XIX в.

После отмены крепостного права крестьянское хозяйство стало развиваться по капиталистическому пути, а само сословие крестьян под влиянием капитализма разлага-

лось на классы капиталистического общества. В 1902 г. В. И. Ленин указывал: «...Крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую)» [69]. К концу 90-х годов в белорусской деревне беднота составляла около 60%, среднее крестьянство — около 32 и кулаки — 8—10% [70].

Буржуазные отношения в деревне тесно переплетались с остатками крепостничества, которые тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве, делали разложение крестьянства более мучительным для них. Следствием сохранения помещичьего землевладения, его оборотной стороной было крестьянское малоземелье, причем с годами оно прогрессировало.

По мере развития капитализма и роста сельского населения происходило дробление земельных наделов, и потому обеспеченность крестьян землей постоянно уменьшалась. Если в 1877 г. в среднем в Белоруссии приходилось на двор 14,8 дес. надельной земли, то в 1905 г. — 10,8 [71]. С годами росло число крестьянских семей, которые не имели возможности прокормиться со своих наделов. Если в 1877 г. ощущали острое малоземелье 61,9% крестьянских семей [72], то в 1905 г. таких семей было уже 82,5% [73]. К 1893 г. в белорусской деревне насчитывалось безземельных дворов 8,8% от всего количества крестьянских дворов [74].

Помещичье многоземелье и обусловленное им крестьянское малоземелье способствовали сохранению в белорусской деревне остатков крепостничества (отработки, кабальная аренда, гнет помещиков, чересполосность крестьянских и помещичьих земель, сервитуты, крестьянская община, многочисленные подати и повинности, сословная неравноправность крестьян и т. д.). В. И. Ленин указал, что и после отмены крепостного права крестьяне России страдали «не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества» [75]. Наличие многочисленных остатков крепостничества являлось основным источником постоянной крестьянской борьбы за землю против помещиков. Поэтому во второй половине XIX в. в белорусской деревне преобладала первая социальная война — борьба крестьян за уничтожение помещичьего землевладения и всех остатков крепостничества. В этой

борьбе помещикам противостояло все крестьянство как класс феодального общества. В ней проявлялись противоречия между развивающимся капитализмом и феодальными формами земельной собственности. Эта борьба на протяжении пореформенных десятилетий не прекращалась, лишь иногда несколько затухая, то вновь обостряясь.

После зимы 1863 г. крестьянское движение не только в Белоруссии, но и по всей России резко пошло на спад [76]. В Белоруссии если в 1861 г. было зарегистрировано 379 волнений, а в 1862 г.— 152 волнения, то в последующие шесть лет (1864—1869 гг.) здесь зарегистрировано лишь 41 крестьянское волнение [77]. В эти годы крестьяне отказывались от уплаты выкупных платежей, сопротивлялись межевым работам, захватывали помещичью собственность [78].

Как писали помещики Минской губ., среди крестьян царила уверенность, «что у помещиков отберут земли и отдадут им» [79]. Поэтому они не соглашались на те выкупные платежи, которые назначались по выкупным актам, тем более что выкупные платежи превышали действительную стоимость отводимых наделов.

Лишенные пастбищ и леса, крестьяне и в эти годы продолжали рубить помещичьи леса, косить траву и пасти скот на владельческих землях. Один из местных помещиков жаловался в корреспонденции в «Могилевские губернские ведомости»: «Довольно странное понятие имеет наш крестьянин о чужой собственности, в особенности поземельной. Взять у своего собрата что-либо он считает грехом; но взять у человека, не принадлежащего к его касте, это пустяки, о которых и говорить нечего». Поэтому в деревне процветают порубки и потравы помещичьих лесов и лугов [80]. Это явление приняло настолько массовый характер, что губернаторы вынуждены были в своих отчетах отмечать «беспрестанные столкновения» крестьян с помещиками из-за лесов и пастбищ [81].

Однако ни по массовости, ни по активности, ни по интенсивности борьба крестьян в 1864—1869 гг. не шла ни в какое сравнение с предшествовавшими годами; превалировали пассивные формы борьбы, в первую очередь в виде потрав и порубок. Но даже эти формы крестьянского протеста не принимали такого размаха,

как в годы первой революционной ситуации, о чем утверждали в один голос все губернаторы [82]. Движение, за редким исключением, не охватывало одновременно больших районов, а затрагивало одну-две деревни. Большинство волнений оканчивалось без вызова военной силы.

В 1870—1875 гг., по подсчетам П. И. Чернушевича, в Белоруссии произошло 26 волнений крестьян [83]. Хотя в количественном отношении крестьянские выступления в 1870—1875 гг. уступали второй половине 60-х годов, однако по своему характеру они были более упорными. Так, если в 1864—1869 гг. лишь 26,8% крестьянских волнений было подавлено с помощью военной силы, то в следующее пятилетие такие выступления составляли уже 38,4%. Но в своей массе борьба крестьян в эти годы носила пассивный характер, была связана главным образом с межевыми работами и не принимала опасных для правительства форм. Лишь в первой половине 70-х гг. в ряде уездов (Дисненском, Брестском, Пинском и др.) наблюдались попытки крестьян захватить помещичью землю [84]. Крестьянская борьба в 1864—1875 гг. свидетельствовала о том, что изменения в крестьянской реформе, на которые пошло правительство в 1863 г. в Белоруссии, не сняли здесь с повестки дня аграрного вопроса, так как не уничтожили многих остатков крепостничества в деревне. Однако крестьянское движение само по себе не могло угрожать самодержавию, а революционное движение в стране по сравнению с годами первой революционной ситуации пошло на спад. Это тем более относилось к Белоруссии. Национально-освободительное восстание было потоплено в крови. Революционное подполье 60-х годов во главе с К. Калиновским разгромлено. Новое поколение революционных демократов в лице народников переживало в крае в первой половине 70-х годов период своего становления.

Изменения в политической обстановке как в стране в целом, так и в Белоруссии позволили царизму пересмотреть свой курс политики в отношении белорусских крестьян. Обнаружившееся в этот период стремление царизма заручиться поддержкой местных помещиков

также способствовало этому пересмотру в интересах поместного дворянства края.

Первые признаки смены правительственного курса в аграрной политике можно было уже заметить в начале 1864 г.

Поверочные комиссии, приступив к поверке уставных грамот, столкнулись с протестами крестьян против высоких оброков за отводимые им наделы. Ознакомившись с качеством этих наделов, комиссии были вынуждены признать, что их величина и качество не соответствуют огромным повинностям, а следовательно, и будущим выкупным платежам за них. Поэтому собранное в начале января 1864 г. Муравьевым совещание служащих в мировых учреждениях для обмена опытом работы[85] единодушно отмечало, что крестьяне будут не в состоянии в срок и без недоимок вносить в пользу помещиков причитающиеся с них до утверждения выкупных актов уменьшенные на 20% оброки[86]. Виленский генерал-губернатор в связи с этим просил Александра II обещать крестьянам северо-западных губерний, что после утверждения выкупных актов им будет сделан перерасчет их оброка, внесенного помещику с 1 мая 1863 г. Если окажется, что этот оброк превысит годовой взнос по выкупным платежам, то излишек зачтут в счет выкупной ссуды[87]. Министр финансов на эту меру согласился, так как казначейство ничего не теряло. Министр внутренних дел, исходя исключительно из будущих интересов местного поместного дворянства, пытался оговорить принятие предложения Муравьева некоторыми условиями, но вынужден был уступить, так как приближалась весна 1864 г. и местные власти западных губерний ожидали возобновления восстания[88]. Поэтому большинство членов Главного комитета и Александр II приняли предложение виленского генерал-губернатора. 26 марта 1864 г. право на зачисление излишка оброка в счет выкупной ссуды получили крестьяне Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской губерний[89]. 25 мая 1864 г. эта мера распространена и на Витебскую и Могилевскую губернии[90].

Этот закон не мог принести реального облегчения крестьянам, так как все долгие месяцы, а то и годы, которые должны были пройти до окончательного утверждения выкупных актов во всех инстанциях, крестьяне

были обязаны вносить прежние высокие оброки. Но виленский генерал-губернатор и правительство надеялись, что такая мера поможет успокоить деревню, подогрев в крестьянах их веру в царя, и создаст иллюзию постоянной заботы правительства о них.

Не мог принести реального облегчения белорусской деревне и муравьевский циркуляр от 11 марта 1865 г., который касался безземельных крестьян. Как уже отмечалось, многие безземельные крестьяне не подпадали под действие первых двух циркуляров Муравьева о частичном возвращении крестьянам отобранной у них помещиками земли. В результате в крае по-прежнему оставалось немало «горючего материала» для нового восстания в лице безземельных крестьян. Незадолго до своей отставки Муравьев попытался решить вопрос о их наделении и тем самым уменьшить остроту аграрной борьбы в деревне. Но сделать это он хотел за счет крестьян, имевших наделы. Шел 1865 г. и обстановка в крае прояснилась. Теперь, когда события 1863 г. становились историей, а крестьянское движение шло на убыль, начальник края уже не помышлял идти на наделение крестьян, ущемляя интересы землевладельцев. Циркуляр 11 марта 1865 г. предоставлял решение этого вопроса всецело на добрую волю сельских обществ, которые должны иметь «попечение о призрении сих людей предоставлением им хотя бы небольшого пространства земли на устройство усадьбы, в которой могло бы поселиться семейство батрака в то время, когда сам он работает для снискания им пропитания». Не имея права законодательным путем обязать крестьян отказаться от части своей земли в пользу батраков и не помышляя в новой обстановке возложить эту обязанность на помещиков, Муравьев лишь просил мировых посредников и поверочные комиссии «разъяснять крестьянам и склонять их к облегчению положения сих людей предоставлением им, на праве выкупа, земли для устройства усадьбы с огородом, отнюдь не допуская каких-либо понудительных к сему мер» [91].

Как показала жизнь, циркуляр 11 марта не имел никакого практического значения. Бедствовавшие от малоземелья крестьяне не имели возможности из своих нищенских наделов наделять многочисленных батраков и кутников [92].

После 1864 г. правительство не вносило изменений в реформу 19 февраля 1861 г. в интересах крестьян, что свидетельствовало о смене курса правительственной политики в аграрном вопросе. Время уступок белорусским крестьянам кончилось. Но помещикам Белоруссии этого было мало. Они стремились отнять у крестьян те уступки, которые были вырваны у правительства восстанием, и законсервировать остатки крепостничества в деревне. То же начинает обнаруживаться и в правительственных кругах. Первым попытался перейти в наступление министр внутренних дел Валуев. Решив «вознаградить» за счет крестьян русских помещиков Белоруссии и Украины за их «верность» престолу, он предложил в 1864 г. в юго-западных губерниях Украины, а также в Могилевской и Витебской губерниях отменить запрещение включать в выкупные акты условие исключительного права продажи вина за помещиками после выкупа [93]. Переход крестьян Белоруссии и Литвы на выкуп лишил местных помещиков немалых доходов от продажи вина на крестьянских землях. По утверждению помещиков Речицкого уезда Минской губ., с лишением их этого права доходы с арендных статей у них убавились на половину или треть [94]. Чтобы смягчить «для помещиков последствия обязательного выкупа» и дать им верный источник дополнительного дохода, Валуев предлагал оставить временно за помещиками этих местностей исключительное право продавать вино на своих землях и одновременно отнять у крестьян их право торговать вином на землях крестьянских обществ. Срок действий этих временных правил должен устанавливаться местными властями от 6 до 24 лет в зависимости от степени «убытков» каждого помещика и его благонадежности [95]. Получив монопольное право на винную торговлю в сельской местности, помещики имели бы возможность устанавливать произвольные цены на вино. Так Валуев надеялся помочь русскому и остзейскому поместному дворянству, не расходуя государственных средств, за счет крестьян. Правительству помешали принять это предложение Валуева главным образом финансовые соображения. Как указывал министр финансов Рейтерн, ограничение торгового предпринимательства крестьян нанесло бы «значительный ущерб казенным доходам». Разоряя деревню высокими ценами на водку, помещики

поставили бы под угрозу своевременное и безнедоимочное внесение выкупных платежей и крестьянских государственных повинностей [96]. Правительство учитывало и возможные политические последствия предложения министра внутренних дел. По мнению министра финансов Рейтерна, возвращение помещикам права продавать вино на своих землях может вызвать «неудовольствие и ропот» среди крестьян, а в 1864 г. «едва ли желательно ввиду настоящего положения Западного края поселять неудовольствие между крестьянами и бывшими их помещиками, при том русского происхождения», или верноподданными польскими землевладельцами [97]. Александр II и члены Главного комитета об устройстве сельского состояния, приняв во внимание доводы министра финансов, не санкционировали нового грабежа белорусских крестьян [98].

Однако это не остановило местные власти и правительство от поисков путей пересмотра условий освобождения крестьян в интересах помещиков. Так, могилевский губернатор Беклемишев в 1865 г., заручившись поддержкой министра внутренних дел и Александра II, своими действиями нарушил одно из основных положений указа 2 ноября 1863 г. о понижении выкупных платежей на 20%. Губернатор учел, что при установившихся низких ценах на землю и ее низкой урожайности помещики его губернии заинтересованы не в сохранении земли в своих руках, а в получении за нее более высоких выкупных платежей с крестьян. Поэтому вместо того, чтобы понижать крестьянские платежи по указу, он начал требовать от поверочных комиссий повышать душевые наделы крестьян. Разъясняя свое распоряжение министру внутренних дел, Беклемишев откровенно писал, что «для помещиков в настоящее время при упадке цен на землю уменьшение выкупных ссуд гораздо невыгоднее, чем прибавка полу- или целой десятины на душу. Я тем более считал нужным в этом случае по возможности ограждать интересы помещиков,— разъяснял далее губернатор,— что между ними в Могилевской губ. сравнительно с другими губерниями значительное число русских». За спокойствие крестьян он ручался: их наделы увеличивались и потому с формальной точки зрения у них не было причин протестовать. Мировые посредники, не согласные с политикой губернатора, были

удалены из губернии, дабы они не возбуждали крестьян «своей болтовней»[99].

Вступивший в 1865 г. в должность виленского генерал-губернатора фон Кауфман также не остался равнодушным к интересам помещиков. Получив много жалоб землевладельцев Минской губ. на действия поверочных комиссий, новый начальник края лично занялся проверкой уставных грамот и нашел, что они составлены «небрежно» и с нарушением интересов помещиков. Ревизия деятельности комиссий в губернии привела к смене их составов главным образом в Слуцком, Речицком и Мозырском уездах, где проживало наибольшее число русских помещиков. Новые поверочные комиссии просмотрели 260 уже составленных выкупных актов, увеличивая в них выкупные платежи или уменьшая крестьянские наделы в зависимости от того, что было более выгодно их владельцу. Такой пересмотр в пользу помещиков вызвал жалобы на действия поверочных комиссий со стороны крестьян. Но губернское по крестьянским делам присутствие жалобы игнорировало, утверждая исправленные выкупные акты[100].

Действия Беклемишева и фон Кауфмана вполне удовлетворяли местных русских помещиков и не вызывали возражений в правительственных кругах. Это были первые реальные шаги навстречу требованиям местного дворянства пересмотреть крестьянскую политику в крае, хотя и не получившие официальной санкции сверху.

Рескрипт Александра II на имя князя Гагарина 1866 г. вызвал новый прилив энергии у местной администрации. Сменивший Кауфмана Баранов, а затем и его преемник на посту начальника края Потапов поставили вопрос о необходимости пересмотреть политику правительства в отношении прав крестьян на сервитуты и разверстания угодий.

Стремясь представить все мероприятия правительства в крестьянском вопросе в связи с восстанием сплошной ошибкой, приведшей к «порче помещичьего хозяйства», к воспитанию крестьян «в духе неуважения к чужой собственности» и грозившей в будущем «серьезными государственными затруднениями»[101], Баранов (в 1867 г.) и Потапов (в 1868 г.) предлагали проект, ущемлявший интересы крестьян.

При отграничении крестьянских земель, согласно уже утвержденным актам, выяснилось, что в Виленской, Гродненской и Минской губерниях, где крестьянам по закону полагалось получить всю землю, находившуюся в их пользовании до реформы 1861 г., размеры наделов, указанных в выкупных актах и находившихся у них в действительности, очень часто не совпадали. Например, в Гродненской губ. из 1900 утвержденных выкупных актов власти смогли ввести в действие только 150, так как только в них размеры наделов в натуре и в актах совпали. В остальных 1750 имениях выкупные акты были составлены с нарушением закона. При этом властями было установлено, что в огромном большинстве выкупных актов размер крестьянского надела был занижен [102].

Это несоответствие происходило из-за злоупотребления помещиков и поверочных комиссий. Заинтересованные в сохранении в своих руках наибольших земельных площадей помещики, не сумев добиться безземельного освобождения крестьян от крепостной зависимости, старались в уставных грамотах, составляемых ими и мировыми посредниками накануне восстания, указывать в пользовании крестьян меньшее количество земли, чем это было в действительности. Поверочные комиссии, составляя после восстания выкупные акты, согласно закону, признавали за крестьянами право на всю находившуюся в их пользовании землю и назначали за нее определенные выкупные платежи. Однако в самом выкупном акте они записывали размеры крестьянских наделов не после их измерения в натуре, а по составленным самими помещиками уставным грамотам [103], где крестьянский надел был значительно уменьшен. Эти акты были утверждены всеми выкупными учреждениями. Пользуясь неграмотностью и бесправием крестьян, помещики, послушные им мировые посредники и поверочные комиссии стремились лишить бывших крепостных части земли.

Чтобы узаконить в западных губерниях Белоруссии послереформенные незаконные отрезки в пользу помещиков, Баранов и сменивший его Потапов внесли проект, который фактически лишал белорусских крестьян права на их дореформенный надел. Они предлагали в случае несовпадения размеров наделов в натуре и по выкупному акту брать за основу размер надела по вы-

купному акту, что грубо нарушало местное положение 19 февраля 1861 г. и указ 1 марта 1863 г. Крестьянам предлагалось входить в добровольные соглашения с помещиками о передаче им «излишек» против выкупного акта за дополнительные выкупные платежи. В случае заключения соглашения составлялся дополнительный акт. Если помещик на возвращение земли не соглашался, то ее отрезали в пользу землевладельца [104].

Совершенно очевидно, что те помещики, которые стремились лишить крестьян части их земель, не пошли бы на такие соглашения и обезземеливание крестьян этих губерний приняло бы массовые размеры. Те помещики, которые были заинтересованы в получении более высоких выкупных платежей (например, в Полесье), имели бы возможность, возвращая крестьянам им же принадлежавшие и уже фактически обложенные выкупными платежами земли, получить еще дополнительные выкупные платежи.

Таким образом, проект всецело учитывал интересы помещиков и вступал в противоречие с существовавшими царскими законами. Имевшаяся в проекте оговорка, что от крестьян нельзя будет отрезать землю в том случае, если это повлечет явное разорение хозяйства [105], не имела реального значения для крестьян. Решать вопрос о влиянии «отрезков» на экономический быт крестьян должны были те же местные власти, которые стояли на страже интересов помещиков.

Царизм не решился на осуществление проекта Баранова — Потапова главным образом по финансовым и политическим соображениям. Год от года росла недоимка крестьян белорусских губерний по выкупным платежам и государственным податям. По данным министерства финансов, к 1869 г. по 5 белорусским губерниям их накопилось: 2 269 376 руб. по податям и 4 914 421 руб. по выкупным платежам, а всего 7 183 797 руб. долга [156]. Чем выше были выкупные платежи в среднем по губернии, тем больше накопилось недоимки у крестьян. Так, по Могилевской губ. выкупной платеж на душу составлял 6 руб. и долг крестьян там равнялся 3 075 826 руб., в Витебской губ.— соответственно 5 руб. 70 коп. и 1 947 911 руб., в Минской губ. — 2 руб. 40 коп. и 320 636 руб. [107], т. е. задолженность была почти в 10 раз меньше, чем в Могилевской, и в 6 раз меньше, чем в Ви-

тебской губерниях. Несмотря на все усилия местных властей, эти недоимки не исчезали. Поэтому не приходилось сомневаться в том, что в случае дальнейшего уменьшения крестьянских наделов или увеличения выкупных платежей государство потеряет всякую надежду добиться погашения еще более возросшего долга [108], а продажей крестьянского имущества за долги окончательно разорит основного налогоплательщика.

Учитывало правительство и политические последствия такого шага, т. е. реакцию на него крестьян. Как отмечал при обсуждении проекта министр государственных имуществ Зеленой, «если согласиться на изменение всех выкупных актов, это значило бы поколебать в крестьянах... веру в правительство и в окончательность его решений по поземельному устройству и в будущем требовать пересмотр реформы» [109]. Все это привело бы к обострению политического положения в белорусской деревне, к массовым волнениям крестьян и поколебало бы веру крестьян в царя.

Поэтому царь 26 марта 1869 г. поддержал мнение Главного комитета об устройстве сельского состояния и подтвердил за крестьянами право на полный дореформенный надел. В решении комитета имелась оговорка, которая давала правительству и местным властям возможность пересматривать уже утвержденные выкупные акты в случае несовпадения размеров крестьянских наделов в натуре и в выкупном акте. Для этого необходимо было местной администрации признать, что в отношении помещика со стороны местного по крестьянским делам учреждения было допущена «явная и вопиющая несправедливость» [110]. Существование оговорки не могло превратить пересмотры уже утвержденных выкупных актов в правило, но открывало лазейку отдельным помещикам, в чьем сотрудничестве царизм был особенно заинтересован, обходить закон.

Отклонение проекта в Петербурге не остановило виленского генерал-губернатора Потапова в его попытках пересмотреть крестьянскую реформу. Информируя мировых посредников края через «Виленские губернские ведомости» о распоряжении Главного комитета об устройстве сельского состояния, начальник ловко «отредактировал» его. В изложении Потапова получалось, что мировые посредники при разнице в наделах по выкуп-

ным актам и в действительности в своих действиях должны руководствоваться выкупными актами[111], т. е. идти на изъятие у крестьян части земли. Лишь вмешательство Главного комитета, потребовавшего от Потапова выполнения его распоряжения, помешало последнему обложить часть белорусских крестьян дополнительными выкупными платежами или отрезать от них часть земли[112].

Таким образом, спад освободительного движения в стране в целом, ослабление крестьянской борьбы за землю в Белоруссии, разгром национально-освободительного восстания и революционного подполья в крае позволили правительству в середине 60-х годов отказаться от дальнейших уступок белорусским крестьянам. Полностью удовлетворить требования землевладельцев в изменении условий освобождения крестьян правительству помешали финансовые и политические соображения. Царизм опасался разорения своего основного налогоплательщика — крестьянина. Он вынужден был считаться и с возможностью нового взрыва аграрной борьбы в белорусской деревне.

Смена отношения самодержавия к крестьянам после подавления восстания привела и к усилению политического давления на крестьянство. Теперь местные власти не искали поддержки крестьян и не пытались представить последних опорой власти в крае. Например, виленский генерал-губернатор Потапов подозревал местных крестьян в «преступных замыслах» против помещиков и готовился заранее «уничтожать зло в самом его начале»[113]. Отныне деревню собирались держать в повиновении не путем незначительных экономических уступок, а с помощью репрессий, вплоть до применения оружия.

Частая посылка войск на подавление крестьянских волнений являлась следствием не только увеличившегося упорства крестьян в отстаивании своих интересов, но и вызывалась изменением крестьянской политики царизма. С окончательным поражением восстания власти не опасались посылать войска на борьбу с крестьянским движением. Они лишь высказывали опасения, что солдаты недостаточно жестоки при подавлении крестьянских волнений. Так, жандармский штаб-офицер Могилевской губ. доносил в 1865 г. своему шефу, что опасно долго

оставлять на постое в волновавшихся деревнях солдат. Они вместо того, чтобы энергично бороться с «бунтовщиками», начинают сближаться с крестьянами и им сочувствовать. Поэтому жандарм предлагал вместо солдат на аграрные беспорядки бросать казаков, которые не считаются кому-либо «родственниками» [114].

В Белоруссии для угнетения народных масс царизм использовал православную церковь и школу. Они были призваны воспитывать белорусских крестьян в духе покорности, пассивности, преданности монарху, в уважении к частной собственности, помогать в русификации. Религия «всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей» [115].

Хотя самодержавие провозглашало равенство всех вероисповеданий в России, однако на практике оно часто нарушало этот принцип и отрицало веротерпимость. Господствующее положение в Белоруссии занимала православная церковь. Именно ей отводилась главная роль в деле воспитания белорусского крестьянства в духе «православия, самодержавия и народности». Как писал могилевский губернатор Беклемишев в отчете за 1865 г., правительство освобождением крестьян и указами 1863 г. уже внесло свою лепту в борьбу за крестьянство, удержав их от вооруженного восстания, после этого настала очередь церкви [116]. Поручая православному духовенству воспитание белорусских крестьян «в правилах религии и законности», местные власти считали, что от деятельности и авторитета церкви будет зависеть, как писал тот же Беклемишев, «крепость государственная» [117].

На укрепление позиций православной церкви в крае правительство тратило огромные материальные средства, которые отпускались главным образом из собранных с польского дворянства контрибуционных сборов [118]. По всей Белоруссии срочно ремонтировались и строились православные церкви, из внутренних губерний переводились священники.

По неточным и тенденциозным данным «Атласа народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям» (Спб., 1864), из 2 790 080 белорусов, проживавших

в начале 60-х годов в 5 северо-западных губерниях, 444 155 исповедовали католичество. При этом большинство их проживало на западе Белоруссии. Здесь не только господствующие классы, но и часть крестьян исповедовали католическую религию.

В связи с событиями 1863 г., в которых оказалась замешанной и часть католического клира, царизм стремился уменьшить влияние римско-католической церкви в крае, закрывая костелы, католические монастыри, контролируя деятельность ксендзов и содержание религиозной литературы. Другой мерой, призванной подорвать позиции католической церкви в белорусской деревне, был насильственный перевод части крестьян из католичества в православие. Особенно в этом преуспело минское начальство. Здесь в 1864—1866 гг. было присоединено к православию более 20 тыс. человек, преимущественно крестьян [119]. В Гродненской губ. переменили религию к 1867 г. 11 136 человек [120]. А всего с 1863 по 1868 г. в Белоруссии и Литве принудительно было обращено в православие около 60 тыс. человек [121]. Многих крестьян вынудили переменить религию с помощью шантажа и обмана, что косвенно была вынуждена признать и местная администрация [122].

Крестьяне не хотели мириться с насилием в вопросах веры. Они подавали коллективные прошения, прося вернуть их в католичество, так как их записали в православие без их согласия. В некоторых местностях волнения были настолько упорны, что местные власти ввели войска, как это было, например, в м. Липске Новогрудского уезда [123]. Волнения побудили Александра II в 1867 г. при проезде через г. Вильно обратиться к обращенным в православие крестьянам со словами: «Очень рад вас видеть православными. Уверен, что вы перешли в древнюю веру края с убеждением и искренно; знайте, что раз принявшим православие я ни под каким видом не позволю и не допущу возвратиться в католичество. Слышите ли?» [124]

Царские чиновники пытались свалить вину за волнения крестьян и за их обратное движение в католичество на ксендзов и отдельных «подстрекателей» из крестьян [125]. Однако чиновники министерства внутренних дел, ревизовавшие северо-западные губернии в 1867 г., вынуждены были признать их следствием того, что «граж-

данская власть с помощью физической силы коснулась религиозной свободы совести», используя приемы средневековья [126].

На подрастающее поколение белорусской деревни церковь влияла главным образом через школу. О роли, которую местная администрация отводила школе, видно из отчета попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова, управлявшего всеми делами народного образования в северо-западных губерниях. В 1867 г. он писал в министерство народного просвещения: «Русское образование сильнее русского штыка» [127]. Военная сила может держать в повиновении, но она подавляет, а не воспитывает. Напротив, школа, при должной постановке в ней обучения и руководства, действует «постепенно и незаметно, без всякого насилия» [128]. Поэтому она в состоянии сделать «более для обрусения края и ослабления полонизма, чем войска в десятки лет» [129].

В соответствии с задачами, которые возлагались самодержавием на сельскую школу, строилась ее программа и подбирались учительские кадры.

Сельская школа сразу же после подавления восстания была поставлена под контроль православного духовенства. Виленский генерал-губернатор Муравьев вообще считал нужным передать все обучение в сельской местности в руки священников [130], допуская светских учителей в школы лишь в виде исключения, когда поблизости не было православного духовенства. В результате в 1867 г. в Минской губ. в сельских школах из 435 учителей 102 были священниками, дьяконами и дьячками, 65 семинаристами [131]. А всего в начальных школах 5 губерний преподавало 580 священников, 93 дьякона и причетника, 116 воспитанников духовных семинарий [132].

Преподавание в школах велось на русском языке. Как писал реакционный «Вестник юго-западной и западной России», «учить на белорусском жаргоне — нелепость» [133]. А попечитель Виленского учебного округа Корнилов, ссылаясь на «необработанность» и «бедность» языка белорусского народа, настаивал на полной бесполезности «печатания книг на белорусском наречии» и ошибочности мнения тех педагогов, которые «стоят за сохранение местных наречий в народных книгах» [134].

Выше уже отмечалось, что, запрещая издавать и про-

давать в Белоруссии польскую литературу, правительство, однако, не отрицало сам факт ее существования. Иначе обстояло дело с белорусской литературой. Не признавая белорусов за нацию, самодержавие отказывалось признать и существование белорусской литературы. Как писал служащий в министерстве народного просвещения П. К. Щебальский, «литературы белорусской нет и не было» и поэтому не надо «искусственным образом» ее поддерживать и развивать [135]. Во второй половине XIX в. не было издано ни одной книги на белорусском языке. Игнорирование царизмом белорусского языка и литературы привело к тому, что крестьяне были лишены возможности обучать своих детей и читать книги на родном языке.

Подъем российского освободительного движения 70-х годов, а затем и новая революционная ситуация, которая характеризовалась обострением крестьянской борьбы за землю, активизацией рабочего движения, революционными выступлениями народников, усилением студенческого движения и оживлением либеральной оппозиции, вынудили царизм вновь стать на путь реформ, в том числе и в крестьянском вопросе.

Революционная ситуация характеризовалась обострением, «выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» [136]. В эти годы в России особенно остро сказывались последствия грабительской крестьянской реформы. Высокие выкупные платежи, не обеспеченные качеством и величиной надела, недостаточность крестьянского надела вели к прогрессирующему разорению и закабалению основной массы российского крестьянства. Русско-турецкая война содействовала разорению деревни. Она была лишена наиболее работоспособной части мужского населения, призванного в армию. Была мобилизована часть крестьянских лошадей. Займы и дополнительный выпуск кредитных билетов, необходимых для покрытия военных расходов, расстроили денежное хозяйство страны, вызвали рост цен и обесценение денег. Все это сказалось прежде всего на народных массах. Росла нищета российской деревни, ее задолженность по всевозможным податям и сборам.

Ухудшение экономического положения крестьян при-

вело к обострению аграрной борьбы в деревне. Росло число крестьянских выступлений, все большее количество губерний охватывалось им. Так, если, по неполным данным, в 1876—1877 гг. в России волнениями было охвачено 23 губернии, то в последующие два года — 43 губернии, а число крестьянских выступлений выросло более чем в 2 раза. Одновременно наблюдалось обострение этой борьбы. Крестьяне все чаще переходили от пассивных форм борьбы к более активным — захвату помещичьей земли и урожая, оказанию сопротивления администрации, все большее число крестьянских волнений подавлялось с помощью военной силы [137].

Борьба белорусских крестьян за землю была составной частью общероссийского крестьянского движения и была вызвана теми же причинами и выливалась в основном в те же формы. В 1876—1880 гг. крестьянскими волнениями было охвачено 24 уезда во всех 5 белорусских губерниях, в которых произошло 65 выступлений, в то время как предшествовавшее пятилетие (1870—1875) таких выступлений было всего 26 в 15 уездах [138].

Все более распространенными формами крестьянской борьбы в Белоруссии во второй половине 70-х годов становились захваты помещичьей земли, поджоги помещичьих построек, порубки и потравы во владельческих лесах и полях. Наиболее частые поджоги наблюдались в Витебской, Виленской и Могилевской губерниях. За порубки во владельческих лесах в 1876 г. в Минской губ. было осуждено 2232 человека [139]. Все чаще крестьяне оказывали сопротивление чиновникам, полиции и воинским подразделениям [140]. Например, минский губернатор в 1881 г. доносил, что в последнее время в губернии стали замечаться «случаи сопротивления крестьян разным правительственным лицам при исполнении ими служебных обязанностей» [141]. О все учащающихся случаях «неповиновения властям» в конце 70-х — начале 80-х годов доносил также могилевский губернатор. Он с беспокойством сообщал, что среди крестьян крепнет «уверенность в несостоятельности закона и в бессилии власти», растет «вожделение к чужой собственности», и признавался, что приезд губернатора и военных команд в волнующиеся деревни не имел «прежнего значения», хотя при них крестьяне «воздерживаются от противозаконных деяний, но остаются в том же упорстве, не хо-

тят сознаться в своей вине и покориться», а после их отъезда волнения продолжаются с прежней силой, вовлекая в движение новые деревни [142].

Как и по всей России, в Белоруссии в конце 70-х годов стали распространяться слухи о «черном переделе», т. е. о перераспределении земли и о передаче помещичьей земли крестьянам. Так, гродненский губернатор доносил в 1879 г., что эти слухи охватили Гродненский, Волковысский, Пружанский, Брестский и Слонимский уезды губернии [143]. Распространителями подобных слухов были чаще всего нижние чины, возвращавшиеся с действительной военной службы домой [144].

В отличие от первой революционной ситуации, когда царизм боялся в западных губерниях слияния национально-освободительного и крестьянского движений, в годы второго революционного подъема правительство видело главную опасность в возможном влиянии народничества на крестьянское движение.

Создание народниками своих поселений в деревне в связи с переходом к оседлой и длительной пропаганде среди крестьян, их деятельность в рабочей среде и авторитет среди демократической интеллигенции, террор народовольцев вызывали в придворных и правительственных кругах серьезные опасения за политическое положение в стране, в частности в деревне. Поэтому местную администрацию особенно обеспокоили массовое разбрасывание прокламаций в Гродно и окрестностях — вокруг военных лагерей и на сельских дорогах — в ночь с 13 на 14 сентября 1881 г. [145], рассылка листовок по почте отдельным крестьянам в белорусские деревни, попытки пропагандистов вести нелегальную работу среди крестьян [146].

Местные власти тревожило возросшее упорство крестьян в отстаивании своих интересов, распространявшиеся среди них слухи о «черном переделе». Все это были новые черты в аграрной борьбе, с которыми властям еще не приходилось встречаться, и потому они готовы были усмотреть во всем этом результат влияния «злоумышленников», т. е. революционеров [147]. Однако расследования показали, что движение крестьян по-прежнему стихийно, что ни к распространению слухов о переделе, ни к крестьянским волнениям народники были непричастны. Так, гродненский губернатор доносил, что слухи о пере-

деле земли в губернии не имели «вовсе политического значения, проявляясь в виде отдельных случаев», и связаны со случайными обстоятельствами и людьми, к революционной партии не принадлежавшим; лишь в Слонимском уезде распространять подобные слухи пытались неизвестные, сходившие с поездов, «но слухам этим крестьяне верили мало» [148]. И хотя местные власти приходили к успокоительному для себя выводу, что крестьяне Белоруссии не затронуты народнической пропагандой[149], правительство волновала всевозраставшая нищета белорусской деревни и не затихавшая крестьянская борьба против помещиков.

В связи с экономическим и политическим положением в стране аграрный вопрос в этот период, как и в годы первой революционной ситуации, стал одним из центральных в правительственной политике.

В связи с обострением аграрной борьбы в Белоруссии, как и во всей России, был введен институт полицейских урядников (положение 9 июня 1878 г.). Полицейские урядники призваны были бороться с крестьянским движением [150]. Правительство возлагало на них большие надежды. О их деятельности регулярно помещались отчеты в губернских ведомостях. Однако эти отчеты свидетельствовали о том, что полицейские урядники вели борьбу с мелкими уголовными преступниками да с бродяжничеством.

Для успокоения деревни правительство в 1879 г. опубликовало «Объявление» для крестьян. Его публикация была вызвана слухами о «черном переделе». В нем говорилось, что «ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может», потому что такая нарезка являлась бы нарушением прав частной собственности [151]. «Объявление» зачитывалось только в тех деревнях, в которых слухи о переделе земли держались особенно упорно. Знакомить повсеместно крестьян с настоящим документом правительство боялось, опасаясь вызвать им новые волнения [152]. В Белоруссии «Объявление» по распоряжению виленского генерал-губернатора зачитывалось в Виленской и Гродненской губерниях [153]. По утверждению гродненского губернатора, оно произвело «самое успокоительное и благоприятное впечатление на все сословия», лишь в Брестском уезде было встречено «сдер-

жанно и с недоверием»[154]. В действительности же слухи о дополнительном наделении крестьян землей не прекратились.

Однако в годы революционного кризиса правительство уже не могло ориентироваться лишь на насилие. Оно пыталось проявить некоторую гибкость, не раздражать деревню без особой нужды репрессиями и учитывать некоторые безобидные для самодержавия и помещиков стремления крестьянской массы.

Так, в начале 70-х годов местная администрация отказалась от насильственного перевода крестьян-католиков в православие. Насилие над крестьянами в вопросах религии нанесло, как отмечал виленский генерал-губернатор Потапов, серьезный вред правительству. Крестьяне отказались посещать церкви, но и костелы были для них закрыты. В результате обращенные оказались «вне всякой религии». Последнее обстоятельство виленский генерал-губернатор Потапов считал самым опасным. «Такие явления, — писал он, — скорее всего могут служить в пользу вредной пропаганды римско-католического духовенства». По его словам, оставшись вне церкви и ее влияния, крестьяне перестали испытывать страх перед богом и в том же духе влияли на своих соседей[155]. Естественно, местная администрация опасалась, что ей одной без поддержки церкви будет не удержать крестьян в повиновении. Отказ правительства от насилия в вопросах веры свидетельствовал о том, что царизм решил использовать догматы католической религии для укрепления своих позиций среди белорусских крестьян. Потапов предписывал местным властям не вмешиваться более в дела перехода в православие, предоставив их заботам православного духовенства[156]. Царская администрация должна была только бдительно следить за тем, чтобы католическая церковь не становилась проводницей идей польского патриотического движения.

Демократический подъем 70-х годов, переросший на рубеже 70—80-х годов в революционную ситуацию, заставил правительство считаться с требованиями белорусских крестьян в отношении сельской школы. Крестьяне ждали от школы практических знаний. Хотя и в этот период религиозному воспитанию самодержавие придавало большое значение, удельный вес духовенства среди учителей снизился. Открывшиеся в 1872—1876 гг. в Бе-

лоруссии три учительские семинарии готовили квалифицированных педагогов для народных училищ. Так, в 80-х годах из всех учителей народных училищ Витебской губ. 50% окончили учительские семинарии, 6% — духовные семинарии, а остальные 44% имели звание домашних и начальных учителей [157]. Самодержавие также попыталось использовать появившуюся у крестьян тягу к знаниям, к книгам в своих интересах. Решено было издавать в северо-западных губерниях специальный журнал для крестьян [158]. В нем правительство видело «полезное подспорье» своим усилиям «к утверждению в сем крае русских начал гражданственности и общественного быта» [159]. В нем публиковались распоряжения правительства, статьи религиозного и нравственного содержания, рассказы по истории России, практические статьи по сельскому хозяйству и медицине. Для самодержавия весь смысл издания журнала заключался в прославлении на его страницах монарха и преданности ему народа, государственного устройства России и деятельности правительства. Много внимания уделялось объяснению религиозных обрядов и праздников.

Местная администрация запрещала мелким торговцам, торгующим товарами в разнос по деревням, продавать иную литературу, кроме православно-религиозной. С той же целью при церквах создавались для крестьян книжные склады с религиозно-нравственной литературой и предметами культа.

В годы революционного подъема в правительственных кругах и среди местной администрации крепло убеждение, что выход из кризиса надо искать в продолжении буржуазных преобразований в деревне, начатых отменой крепостного права, и попытаться с их помощью смягчить тяжелое экономическое, а тем самым и политическое положение в деревне.

От экономического состояния деревни зависело финансовое положение самодержавия, так как крестьянин являлся основным налогоплательщиком. Растущая нищета белорусской деревни оказывала влияние на размах крестьянской борьбы и могла содействовать успеху народнической пропаганды в массах. Поэтому правитель-

ство в годы революционной ситуации в первую очередь пыталось остановить процесс разорения деревни, но при этом не ущемлять интересов помещиков и не нарушать помещичьего землевладения. Переход правительства при Александре III к реакции не сразу привел к смене курса в аграрной политике. Самодержавие еще некоторое время продолжало преобразования, начатые в годы революционной ситуации. Они предусматривали изменение налоговой системы, установление обязательного выкупа для всех крестьян, смягчение земельного голода путем переселения крестьян на свободные земли и организацию кредита для покупки земли. Для Западного края сверх этих мер предусматривалось упразднение сервитутов и поземельное устройство тех разрядов сельского населения, судьба которых до сих пор не была решена.

К 80-м годам в Белоруссии особенно остро встал вопрос о малоземелье крестьян. По мере развития капитализма и с ростом крестьянского населения происходило дробление земельных наделов. В Минской, Гродненской и Виленской губерниях, где господствовало подворное землевладение, дробление происходило более быстрыми темпами. Малоземелье принимало большие размеры. Например, в 1877 г. подавляющее большинство всех крестьянских хозяйств (61,9%) имело до 15 дес. надельной земли на двор. Лишь 10,4% хозяйств Белоруссии имели более 20 дес. на двор и считались зажиточными крестьянами [160]. Поэтому правительство пыталось расширить крестьянский земельный фонд, но не в ущерб интересам помещиков. Одной из таких мер была организация переселенческого дела. Касаясь переселенческой политики и ее значения, В. И. Ленин подчеркивал, что «было бы верхом нелепости» посредством переселения рассчитывать решить земельный вопрос в Европейской России [161]. Он также указывал на значение переселений для разложения крестьянства. «...Развитие переселенческого движения, — писал Ленин, — дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства» [162].

Безземелье и малоземелье вынуждали крестьян сниматься с насиженных мест и переселяться на восток в поисках свободных земель. В пореформенные годы на долю белорусских крестьян приходилось 11% всех переселенцев России и 54% переселенцев из нечерноземной

полосы[163]. Особенно широкие размеры стихийное переселение крестьян приняло после русско-турецкой войны. Обеспокоенное этим стихийным движением министерство внутренних дел издало в 1879 г. секретный циркуляр губернаторам, в котором предписывалось не допускать самовольных переселений[164]. Однако стихийное движение крестьян в Сибирь продолжалось. Оно сопровождалось окончательным разорением большинства крестьян, распродавших свое имущество на старом месте и не нашедших своей «доли» на новых местах.

Переселение крестьян на новые земли не отвечало интересам помещиков, которые были заинтересованы в наличии избытка рабочих рук в деревне. Но в годы революционного кризиса правительство признало за лучшее использовать переселение для освобождения деревни от «излишних» безземельных крестьян, являвшихся к тому же самым беспокойным элементом, и надеялось с помощью переселений уменьшить земельный голод крестьян. Как писал министр финансов Бунге, «главное средство для улучшения положения сельского населения там, где это улучшение оказывается настоятельно необходимым, заключается в переселении излишнего, не могущего прокормиться населения»[165].

Летом 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселениях крестьян на свободные земли». Правила разрешали переселяться крестьянам всех категорий; устанавливали размер надела и плату за землю. Для содействия переселенцам в Сызрани открывалась переселенческая контора. Разрешение на переселение выдавал министр государственных имуществ. Опасаясь, что ознакомление крестьян с настоящими Правилами вызовет массовое переселение, правительство посчитало за лучшее не знакомить крестьян с ними и не публиковать[166].

Местная администрация Белоруссии, получив «Временные правила» и соответствующие разъяснения министра внутренних дел, предписала в свою очередь уездным исправникам и предводителям дворянства принять Правила к сведению и не разглашать их среди крестьян, «так как известие об этом,— писал, например, минский губернатор, — может повести лишь к разным нежелательным толкам и волнениям умов крестьян». Отражая интересы помещиков, заинтересованных в наличии дешевых рабочих рук, начальник губернии писал, вопреки со-

здавшемуся положению, что правила о переселениях не имели даже прямого касательства к Белоруссии, так как здесь сельское население якобы «вполне обеспечено своими земельными наделами по сравнению с крестьянами других губерний империи» [167].

Другой экономической мерой, призванной улучшить обеспеченность крестьян землей, был закон 22 мая 1881 г. «О предоставлении крестьянским обществам, в виде временной меры, некоторых льгот по аренде земель» [168]. Разрабатывался он еще в годы революционной ситуации, но утвержден с некоторыми исправлениями при Александре III. Закон разрешал крестьянам брать в аренду с торгов казенные земли независимо от их удаленности от места жительства. При аренде крестьяне имели право предоставлять вместо денежного залога мирские приговоры. Этот закон носил крайне ограниченный характер и потому не мог оказать серьезного влияния на увеличение крестьянского землепользования [169]. Для белорусских крестьян он имел еще меньшее значение, так как после 1863 г. правительство, стремясь привлечь в край политически благонадежных чиновников и землевладельцев, успело раздать и продать им почти все намеченные к продаже казенные земли.

Экономической мерой буржуазного характера была организация поземельного кредита для крестьян. С развитием капитализма в деревне возрастала роль купчей земли, которая концентрировалась главным образом в руках зажиточного крестьянства. С 1877 по 1905 г. площадь купчей земли в Белоруссии увеличилась в 7,7 раза, а ее доля по отношению к площади надельной земли поднялась с 3,8 до 26,3% [170]. Покупка земли на правах частной собственности являлась буржуазным явлением. Она резко увеличивала неравенство крестьян, способствовала образованию сельской буржуазии. В приобретении такой земли кулачеству помог в определенной степени Крестьянский поземельный банк, учрежденный в 1882 г., который был призван, по мысли законодателя, помочь малоземельным и безземельным крестьянам в приобретении земли. На него серьезные надежды возлагали и либеральные круги Белоруссии. Так, с открытием в 1886 г. в Минске отделения этого банка «Минский листок» высказывал уверенность, что банк разрешит все проблемы белорусской деревни. Но условия выдачи ссуд

и их возврат таковы, что пользоваться его услугами было невыгодно, тем более беднякам: слишком дорого обходилась земля по сравнению с ее рыночной стоимостью, велики были проценты за просрочку платежа и доплаты, которые крестьянин должен был вносить из своего кармана при покупке земли через банк. Часто купленную через банк землю продавали за долги. Как вынужден был признать монархический «Виленский вестник» после опубликования отчета банка в 1887 г., «количество этих продаж все возрастает, тогда как количество покупок уменьшается, и есть основания полагать, что лишь немногие клиенты банка удержат за собою окончательно земли, приобретенные за банковые ссуды, станут полными собственниками этих земель» [171]. Ему же вторил либеральный «Минский листок»: банк «создал массу собственников без собственности» [172], его услугами пользуется тот, кто менее всего страдает от недостатка земли, а для безземельных и малоземельных крестьян он недоступен [173]. В результате создание Крестьянского поземельного банка оказалось выгодно главным образом помещикам, которые получили возможность через него выгодно сбывать малоплодородные земли, и кулакам.

В конце 70-х — начале 80-х годов одним из центральных вопросов в правительственной политике был податной вопрос. В России и после отмены крепостного права крестьянские подати и повинности сохраняли на себе «громадные следы средневековья» [174] и являлись прямым пережитком крепостничества. Выкупные платежи — эта «дань крепостникам-помещикам» [175], мирские подати, натуральные повинности, а также общие земельные налоги нередко превышали доходность надельной земли. Они являлись тормозом в развитии производительных сил. Задолженность крестьян казне, которая росла с каждым годом, вынуждала правительство заняться изучением экономического положения деревни и вносить изменения в податную политику [176].

Обремененные непомерно большими податями и платежами, крестьяне были не в силах уплачивать их без недоимок и в срок. Частые неурожаи увеличивали задолженность крестьян. В первые годы после крестьянской реформы правительство пыталось бороться с недоимками путем принудительных мер, совершенствуя систему взыскания налогов. Одной из самых распространенных

мер по борьбе с недоимками была продажа имущества крестьян. Однако она вела к полному разорению крестьянина, в результате чего государство теряло налогоплательщика. Как писал в 1867 г. могилевский губернатор, правительство выбрало меры борьбы с недоимками «неосторожно»: «продажа имущества может нередко вести к разорению крестьянских обществ, обращая их в безнадежных плательщиков на будущее время» [177]. Поэтому царизм, не соглашаясь на уменьшение налогового бремени, вынужден был наряду с мерами принуждения предоставить некоторые льготы недоимщикам [178]. Льготы заключались главным образом в отсрочке взимания податей или рассрочке их. Лишь в виде исключения министерство финансов соглашалось на сложение части недоимок.

В Белоруссии самые большие недоимки по выкупным платежам и податям постоянно накапливались на крестьянах Могилевской губ. К 1872 г. здесь на крестьянах числилась недоимка в 4 125 960 руб. [179]

Губернатор ходатайствовал о рассрочке недоимки на 15 лет [180]. Министр финансов, понимая, что крестьяне не в состоянии сразу уплатить несколько годовых окладов, вынужден был согласиться на отсрочку, но потребовал чтобы на 15 лет отсрочка была дана только тем сельским обществам, на которых накопилась недоимка в сумме, превышавшей пять годовых окладов. Остальным обществам было предложено в зависимости от задолженности погасить недоимку в течение 2—12 лет [181]. На уменьшение выкупных платежей и списание части недоимки министерство финансов шло крайне неохотно [182].

Попытки выколотить недоимки любым путем приносили свои горькие плоды: сумма недоимок могла на какое-то время несколько уменьшиться, но экономическое положение крестьян подрывалось и правительство в конце концов оказывалось перед угрозой потери налогоплательщиков. Например, в Могилевской губ. недоимки к 1879 г. уменьшились благодаря энергичной деятельности администрации (1 368 475 руб. вместо 4 125 960 руб. в 1872 г.) [183]. Но это было достигнуто за счет разорения крестьян. В 1880 г. местная администрация с тревогой писала, что невозможно рассчитывать на поступление недоимок в 327 селах с 19 662 душами, на которых накопилось долга только по выкупным платежам 310 275 руб.

(при годовом окладе 112 381 руб.) и по податям 86 098 руб. Не помогли и рассрочки от 4 до 15 лет, которые им были предоставлены в 1874 г. [184] Министерство финансов на этот раз вынуждено было пойти на полное или частичное списание недоимок с крестьян этих сел [185].

В целом по России, столкнувшись с безуспешностью взимания недоимок даже с помощью рассрочек и отсрочек и с прогрессирующим разорением крестьянства, правительство в годы второй революционной ситуации вынуждено было все чаще списывать недоимки. К этому его принуждали и финансовые интересы и политические соображения, вызванные подъемом освободительного движения в стране [186].

Наконец царизм пришел к выводу о необходимости перейти от частичного списания недоимок к пересмотру всей податной системы: отказался от архаичной подушной подати и пересмотрел суммы взимания выкупных платежей [187]. В 1881 г. специальная комиссия рассмотрела и определила местности, в которых, с ее точки зрения, следовало уменьшить выкупные платежи. Это были 13 нечерноземных губерний, и среди них указывалась из Северо-Западного края Могилевская губ., так как именно этой губернией и ее недоимками министерству финансов приходилось постоянно заниматься на протяжении более 10 лет. Однако Александр III предложил вновь обсудить вопрос о местностях, в которых следовало провести понижение выкупных платежей.

Участники нового обсуждения пришли к выводу о необходимости понизить выкупные платежи во всех губерниях, за исключением западных губерний, по тем соображениям, что здесь крестьяне были переведены на обязательный выкуп после 1863 г. с понижением выкупных платежей. В законе от 28 декабря 1881 г. оговорка делалась лишь для тех крестьян Могилевской и белорусских уездов Витебской губ., кто был переведен на выкуп еще до указа 2 ноября 1863 г., так как на них не распространилось понижение выкупных платежей на 20% [188]. И перевод крестьян на обязательный выкуп и понижение выкупных платежей имели буржуазный характер: они были направлены на уменьшение количества феодально-крепостнических пережитков в деревне [189].

Администрация Могилевской и Витебской губерний боялась, что такое выборочное понижение выкупных

платежей только для части крестьян неминуемо вызовет волнения в деревнях. Как писало могилевское по крестьянским делам присутствие, крестьяне «будут находиться в недоумении о причинах нераспространения и на них» указа и начнут высказывать «справедливое неудовольствие», как это уже было в 1863 г., когда правительство думало не распространять на восток Белоруссии обязательный выкуп и не понижать выкупных платежей [190]. Опасаясь повторения волнений, администрация Витебской и Могилевской губерний просила ввести указ 28 декабря 1881 г. для всех бывших помещичьих крестьян их губерний [191], тем более что выкупные платежи в этих местностях значительно выше, чем в соседних, в том числе и белорусских губерниях [192]. После рассмотрения этого вопроса в департаменте экономии Государственного совета 21 февраля 1884 г. был принят закон, по которому понижались выкупные платежи с крестьян всей Могилевской и белорусских уездов Витебской губ. Одновременно выкупные платежи с них уравнивались с теми крестьянами данных местностей, на которых уже был распространен указ 1881 г. [193]

Таким образом, в понижении выкупных платежей в двух губерниях Белоруссии решающую роль сыграл страх правительства перед волнениями крестьян в годы второй революционной ситуации, а также необходимость хоть сколько-нибудь улучшить экономическое положение деревни. Начав обсуждение вопроса в период обострения аграрной борьбы в деревне, самодержавие не решилось после окончания революционной ситуации отказать в понижении выкупных платежей в этих губерниях. Если правительство не пошло на этот шаг, оно скоро вновь столкнулось бы с накоплением недоимок, взыскать которые было бы столь же трудно, как и в предшествующие годы. На остальные северо-западные губернии закон о снижении выкупных платежей не распространялся. Недоимки здесь были меньше, чем на востоке Белоруссии, обеспеченность землей выше, а выкупные платежи меньше, и царизм не видел нужды уменьшить их; с его точки зрения, достаточно было того, что недоимки по ним были списаны в день коронации Александра III. Правительство оценило политическую обстановку правильно: понижение выкупных платежей в восточных губерниях не вызвало волнений в западных районах края.

По закону 18 мая 1882 г. в России постепенно отменялась подушная подать [194], носившая феодальный характер.

Таковы были основные мероприятия правительства в крестьянском вопросе, вызванные к жизни второй революционной ситуацией. Они были направлены на некоторое смягчение пережитков крепостничества в деревне и вызваны как борьбой крестьянских масс и террором народовольцев, так и экономическими причинами. Надеясь посредством реформ улучшить экономическое положение деревни, царизм тем самым хотел укрепить экономическое положение основного налогоплательщика — крестьянина, снизить политическое напряжение в деревне, избежать слияния крестьянского и народнического движений, а также укрепить позиции самодержавия в деревне. Все эти меры носили паллиативный характер, не затрагивали помещичьего землевладения. Но они были как бы логическим продолжением буржуазных преобразований в деревне, начатых реформой 1861 г. Как Положение 19 февраля 1861 г. было непосредственно связано с первой революционной ситуацией, так и реформы начала 80-х годов являлись во многом следствием нового революционного кризиса.

Все это были общероссийские мероприятия, которые, как мы видели, за редким исключением (указ 28 декабря 1881 г.), распространялись и на крестьян Белоруссии. Но принятые в начале 80-х годов законы не смогли заметно улучшить экономическое положение деревни. Сохранявшиеся остатки крепостничества по-прежнему мешали ее развитию, тормозили ее эволюцию по капиталистическому пути.

Белоруссия в 80-х — начале 90-х годов была одним из тех районов, где крестьянская борьба за землю приобрела наибольший размах. Волнениями было охвачено 29 уездов. В 1885—1889 гг., по неполным данным, зарегистрировано около 76 крестьянских выступлений, а в 1890—1900 гг.— 88 [195].

По-прежнему в России шла борьба всего крестьянства против помещиков, но в последние два десятилетия XIX в. все явственнее стала проявляться и борьба крестьян против кулачества.

Крестьяне боролись за возврат отрезанной у них земли, за сервитуты. Наиболее массовым в этот период стало самовольное переселение крестьян на свободные земли. Особенно широкий размах оно приняло в Белоруссии, где крестьяне, с точки зрения правительства, были обеспечены землей в достаточном количестве и потому не имели нужды в переселениях. Всего с 1885 по 1900 г. из 5 северо-западных губерний выехало за Урал 104 414 человек, в том числе из Витебской и Могилевской губерний по 32 тыс. [196] В крестьянском движении заметную роль вожаков наряду с отставными солдатами стали играть рабочие, высланные на родину за участие в стачках и нелегальных кружках. Но крестьянское движение и в эти годы оставалось локальным и стихийным, в нем преобладали пассивные формы борьбы.

Организации революционных народников после убийства Александра II были разгромлены. Само народничество как идейное течение переживало кризис. Социально-экономическое развитие России по пути капитализма обнаружило несостоятельность народнической доктрины. С расколом деревни на два враждебных класса раскололся «и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм» [197]. Перешедшее на позиции реформизма большинство народников отныне не угрожало самодержавию, так как ориентировалось не на революции, а на реформы и мирный прогресс. Новое поколение революционеров — социал-демократы, выражавшие интересы пролетариата, еще переживали период своего становления и не вели систематической работы в массах, делая в 80-х — начале 90-х годов лишь первые шаги навстречу рабочему движению. Поэтому социализм и рабочее движение еще не слились воедино, а само движение пролетариата, хотя и развивалось на протяжении 80-х — начала 90-х годов по восходящей линии, не было освещено политическим сознанием.

Самодержавие использовало сложившуюся в этот период обстановку в освободительном движении в стране в своих и помещичьих интересах. Если в период революционного подъема правительство пыталось в какой-то мере, хотя и безуспешно, улучшить экономическое положение крестьян путем ликвидации или смягчения

некоторых крепостнических пережитков в деревне, считаясь тем самым с интересами социально-экономического развития, то в годы реакции наблюдалось обратное движение: правительственное законодательство было направлено на консервацию феодально-крепостнических пережитков. «Помещичья монархия Александра III,— писал В. И. Ленин,— пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни» [198].

В атмосфере все растущего произвола и реакции местная администрация стала тосковать о временах, когда самым действенным оружием в борьбе с крестьянским движением считалась массовая порка. Мировой посредник Г. А. Д. писал в статье, помещенной в «Виленском вестнике», что существовавшие меры наказания недействительны «для неразвитой, грубой и к тому же испорченной крестьянской массы» и «при грубости нравов и физической загрубелости крестьянской натуры» нужны более сильные меры воздействия, чем те, которые находятся в распоряжении властей. Автор договорился до утверждения, что и сами-то крестьяне, мол, предпочитают телесное наказание, считая его «наиболее действенным, наиболее импонирующим», на котором, по его словам, во все века «воспитывалось человечество». С помощью порки он надеялся «укрощать грубые инстинкты и порывы крестьянской массы, идущей к своему упадку, обуздывать распущенную деревенскую молодежь, изъятую от всякого воспитания и наказания». Автор призывал «дать большее право гражданства телесному наказанию», предоставив право пороть крестьян не только волостному суду, но и административной власти, увеличив максимальное количество ударов с 20 до 100 [199].

В начале 1883 г. могилевский губернатор, с тревогой отмечавший все учащавшиеся случаи захвата помещичьей земли крестьянами целых деревень и сетовавший на свою полную беспомощность в борьбе с ними, высказывал мнение, что «с отменой телесного наказания» даже постой солдат в волновавшихся деревнях не оказывал успокоительного действия [200]. Опрошенные по этому поводу начальники других губерний, как западных, так и великорусских, пришли почти к единодушному мнению, что им без телесных наказаний даже при помощи войск не совладать с крестьянами. Так, орловский губернатор

ответил, что если бы крестьяне знали, что их за неповиновение высекут, они бы «перестали волноваться», иным путем усмирить крестьян «трудно и почти невозможно»[201].

Идя навстречу пожеланиям губернаторов, министр внутренних дел Толстой в начале 1885 г. внес в Комитет министров ходатайство о предоставлении местной администрации права прибегать к телесным наказаниям крестьян[202], что и было разрешено. Хотя в циркуляре министра внутренних дел по этому вопросу от 31 мая 1885 г. говорилось, чтобы губернаторы прибегали к порке только после того, как будут исчерпаны все другие способы воздействия, возвращение к телесным наказаниям было нарушением закона правительства 1863 г.

Губернаторы восприняли этот циркуляр с удовлетворением. Тот же могилевский губернатор отмечал в 1887 г., что только благодаря телесным наказаниям он стал более успешно бороться с крестьянским движением и факты захвата помещичьей земли наблюдаются в губернии значительно реже[203].

Как уже отмечалось, в Белоруссии институт земских начальников ввели лишь в XX в., но разговоры о необходимости его создания, о передаче поместному дворянству и администрации контроля над крестьянским самоуправлением велись здесь уже в конце 80-х — начале 90-х годов. Крепостники требовали ликвидировать выборность крестьянских органов самоуправления и предоставить право земским начальникам, а до их введения мировым посредникам назначать по своему усмотрению угодных правительству и помещикам лиц на все должности старост, старшин, волостных судей, которые по закону должны выбираться крестьянами. Например, мировые посредники Гродненской губ. в 1895 г. на своих съездах предлагали, чтобы крестьяне избирали только кандидатов на сельские должности (по 3—5 кандидатов на одно место), а мировой посредник выбирал из них одного «достойного». В случае, если он не обнаружит среди кандидатов ни одного «достойного», выборы должны были повториться[204]. А мировые посредники Кобринского уезда считали, что не стоит соблюдать даже видимость демократии и достаточно того, что сама администрация будет своей властью назначать крестьян на все сельские должности[205]. На съездах мировых по-

средников раздавались голоса в пользу сокращения количественного состава волостных сельских сходов, так как за многолюдными собраниями трудно следить, на них трудно влиять, и предлагали поручить мировым посредникам утверждать выбранных в члены волостных сходов [206]. Эти предложения сводились к тому, чтобы лишить крестьянское самоуправление даже видимости самостоятельности, допускать к руководству им только угодных правительству и помещикам лиц и устранить от участия в нем тех, кто пытался защищать интересы крестьян (на языке мировых посредников это значило удалять «вредные и незрелые элементы» [207]), и отражали попытки консервативного дворянства вернуться к правовым нормам времен крепостничества.

В годы политической реакции, с обострением великодержавного шовинизма и религиозной нетерпимости в правительственных и придворных кругах вновь возрастает роль и значение православной церкви в той идеологической борьбе, которую вел царизм в белорусской деревне. Реакцию беспокоили слухи о «черном переделе», которые упорно держались среди крестьян, их возросшее неуважение к помещичьей собственности. Все эти явления консерваторами ставились в прямую связь от падения религиозности и авторитета церкви в крестьянских массах Белоруссии. Многие корреспонденты местных газет с тревогой отмечали растущее равнодушие крестьян к вопросам религии. По их словам, масса коснеет «в невежестве», остается «при одной внешней религиозной обрядности» и охвачена «материалистическим вихрем времени» [208]. Поэтому в этот период правительство стремилось максимально увеличить влияние православной церкви в белорусской деревне, всецело отдав начальную сельскую школу на откуп православному духовенству. Синод во главе с К. П. Победоносцевым важную роль в русификации белорусских крестьян отводил церковноприходской школе. В ней власти видели, говоря языком «Виленского вестника», преобладание «духа церковности и ознакомления учащихся с источниками учения веры и нравственности христианской». А депутаты съезда духовенства минской епархии в 1883 г. в своем акте записали, что «только через религиозно-нравственное образование возможно достигнуть правильного отношения общества христиан к богу... и ко власти, как

от бога установленному учреждению»[209]. Особое место в церковноприходских школах отводилось церковнославянскому чтению, церковному пению, а основной предмет преподавания в них был закон божий. «Все остальные предметы обучения в церковно-приходской школе,— вещал «Виленский вестник» (1884, 1 мая),— должны иметь лишь второстепенное вспомогательное значение». Поэтому не удивительно, что при такой постановке преподавания правительство видело в этих школах «плотину» против проникновения в крестьянские массы антиправительственных учений и «самую благодетельную и рациональную меру» в деле воспитания белорусского народа в духе «православия, самодержавия и народности»[210]. Естественно, что учителями в этих школах могло быть исключительно православное духовенство. Единственным критерием пригодности «учителя» в церковноприходскую школу являлось «знание молитв и основных догматов веры», «умелость читать, писать»[211].

Как свидетельствовал попечитель Виленского учебного округа в 1889 г., местная администрация и православное духовенство запрещали крестьянам отдавать своих детей в народные училища в тех приходах, где имелись или собирались открыться церковно-приходские школы[212]. Но и в народных училищах в эти годы возрастала роль духовенства и религиозного воспитания. По словам попечителя Виленского учебного округа Сергиевского, в них «часослов и псалтырь стали... употребляться наряду с другими книгами», а сами училища по своему характеру приблизились к церковноприходским школам[213]. После того как «несколько поколений местного юношества пройдет через истинно русскую школу с религиозно-нравственным направлением»[214], писал виленский губернатор А. М. Жемчужников, правительство решит поставленную еще Муравьевым задачу: в среде местного крестьянства окрепнут царистские иллюзии, страх перед богом и начальством, а сами крестьяне окажутся неспособными на протест против угнетения и забудут, что они белорусы. С той же целью в годы реакции местное духовенство широко использовало организуемые для крестьян воскресные чтения. Крестьяне охотно посещали их, так как ждали от этих чтений практической для себя пользы — необходимых в хозяйстве знаний, расширения своего кругозора. Церковь восполь-

зовалась этой тягой к знаниям крестьянства. На каждом воскресном чтении, согласно разработанной властями программе [215], необходимо было читать Евангелие с разъяснениями и беседой на тему прочитанного. Затем должен был следовать рассказ из священной истории. Из гражданской истории выбирались лишь те события, которые можно использовать для прославления монарха, православной церкви и их «единения» с народом, а также для русификации белорусских крестьян. Лишь после этих бесед можно было давать слушателям краткие сведения из естествознания и сельского хозяйства.

В аграрной политике годы реакции были отмечены попытками законсервировать крепостнические пережитки, а также поставить преграду на пути капиталистической эволюции деревни. Усилия правительства направлялись главным образом на то, чтобы задержать разложение крестьянской общины, распад патриархальной крестьянской семьи, потерю крестьянами надельной земли. Во всем этом в первую очередь была заинтересована самая реакционная часть поместного дворянства, которая вела хозяйство с помощью отработок. Но с разложением крестьян, сопровождавшимся разорением основной массы середняков, на которых главным образом и держалась отработочная система, помещики теряли эту рабочую силу [216]. Прогрессирующее малоземелье, потеря надельной земли бедняками, аграрное перенаселение имели своим следствием и уход части крестьян на заработки в город. Это также сужало для помещиков рынок дешевой рабочей силы.

Правительство в свою очередь также было заинтересовано в консервации патриархальных отношений, надеясь тем самым не допустить образования армии безземельных крестьян в стране и обезопасить себя от обострения революционной борьбы.

Закон 18 марта 1886 г. должен был помешать семейным разделам и поставить младших членов крестьянской семьи в зависимость от хозяина двора, вследствие чего усиливались пережитки лично зависимых отношений в быту крестьян [217]. В глазах реакции большая крестьянская семья с неограниченной властью ее главы являлась консервативным началом в деревне. По утвержденному закону разрешение на раздел мог давать только глава семьи, после чего вопрос о разделе поступал на решение

сельского схода. Для утверждения решения требовалось согласие 2/3 схода [218].

Вопрос об общине стоял в центре внимания правительства в течение всего послереформенного периода [219].

В Белоруссии община сохранялась лишь на востоке — в Могилевской губ. и в белорусских уездах Витебской губ., где помещичьи крестьяне после отмены крепостного права получили землю на основании общинного землепользования. Община давно изжила себя. Периодические переделы земли, которые должны были происходить в общинах и в чем был главный принцип общинного землевладения, фактически почти не проводились. Однако для крестьян сохранялись юридические ограничения в распоряжении своей землей. Община привязывала крестьянина к деревне, что было выгодно помещикам, ведших свое хозяйство при помощи отработок. Существовавшая в ней круговая порука, уплата податей и платежей помогали властям в их взыскании. Крестьянская община являлась типичным остатком крепостничества в пореформенной деревне, который тормозил развитие капитализма.

В годы реакции при стремлении правительства опираться в своей политике в деревне на все «патриархальное» в ней должен был стать вопрос о судьбе разлагающейся под влиянием капитализма общины. Те помещики, которые вели хозяйство с помощью вольного труда, были заинтересованы в ликвидации общины, в освобождении крестьян от земли с тем, чтобы получить в избытке дешевые рабочие руки. Землевладельцы, прибегавшие при ведении хозяйства к использованию отработок, стремились прикрепить крестьян к наделу и ограничить свободу их передвижения. Поэтому они выступали за сохранение общины. В кругах бюрократии не могли прийти к единодушному мнению и решить, что важнее для самодержавия: искусственно сохранять общину и тем самым попытаться с ее помощью задержать пролетаризацию деревни, сохранив в деревне патриархальные порядки, или же опереться в своей политике на кулачество и для того ликвидировать общину [220]. Правительство решило пойти по пути полумер. Закон 8 июня 1893 г. сохранял общину — этот пережиток феодализма, но ограничивал переделы земли с тем, чтобы крестьянин был заинтересован в усовершенствовании обработки земли. Внутри общины

переделы могли происходить не чаще, чем через 12 лет, и по решению 2/3 схода. Решение должно быть утверждено земским начальником и уездным съездом. Кроме того, у крестьянина не могли отобрать его надел, если он вносил в него удобрение[221].

Самый реакционный аграрный закон в период реакции был принят 14 декабря 1893 г. Стремясь предупредить обезземеливание крестьян, обеспечить помещиков дешевой рабочей силой и защитить интересы казны, правительство идет на нарушение реформы 19 февраля 1861 г.[222] Положение 19 февраля 1861 г. предоставляло крестьянину право распоряжаться надельными землями после их выкупа. Закон 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских надельных земель лишал их этого права. Залог крестьянского надела запрещался, а продажа разрешалась лишь односельчанам; досрочный выкуп надела был возможен только с разрешения 2/3 схода[223]. Всякое ограничение в распоряжении надельной землей В. И. Ленин называл средневековым стеснением «обращения надельной земли»[224]. Этот закон реставрировал правовые нормы феодализма. Отвечая интересам самой консервативной части поместного дворянства, ведущей свое хозяйство путем отработок, он препятствовал капиталистической мобилизации надельной земли[225] и ухудшал положение бедноты.

В. И. Ленин писал по поводу «насквозь крепостнически-дворянской» аграрной политики царизма этого периода: «Самодержавие всецело полагалось тогда на полную отсталость, темному и бессознательность крестьянской массы. Выставляя себя защитником «неотчуждаемости» наделов, сторонником «общины», самодержавие в дореволюционную эпоху пыталось опереться на экономическую неподвижность России, на глубокий политический сон масс крестьянского населения»[226].

Интересам класса помещиков служили и законы о сельскохозяйственных рабочих и о переселениях. Закон о сельскохозяйственных рабочих 12 июня 1886 г.[227] отчасти воскрешал внеэкономическую зависимость крестьянина от помещиков. Землевладелец мог вернуть ушедшего от него рабочего, производить своей властью, не обращаясь в суд, вычеты из зарплаты рабочего не только за принесенный владельцу ущерб, но и за высказанное ему неуважение, грубость, неповиновение.

Закон 13 июля 1889 г.[228] о переселениях отразил стремление поместного дворянства ограничить отлив сельского населения на свободные земли с тем, чтобы не произошло резкого сокращения количества рабочих рук и повышения в связи с этим заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Его цель — поставить переселения крестьян под контроль администрации, предоставив последней решать вопрос не только о праве на переселение в каждом конкретном случае, но и об условиях этого переселения. После принятия этого закона переселения были затруднены, а сами переселенцы поставлены в тяжелые условия[229]. И в дальнейшем, даже когда царизм в связи со строительством Сибирской железной дороги пошел на некоторое смягчение своей переселенческой политики и циркуляром 2 июля 1894 г. восстанавливал выдачу разрешений на переселения, власти прилагали все усилия, чтобы ограничить поток переселенцев и тем самым удержать рабочую силу для помещиков на прежних местах жительства[230]. На переселенческую политику правительства в Белоруссии в годы политической реакции оказывало влияние не только стремление оградить интересы поместного дворянства. Сказывались на ней и изменения в национальной политике самодержавия. Откровенный великодержавный шовинизм и возродившееся в связи с ним недоверие к польскому дворянству Белоруссии привели к тому, что часть местной администрации и правительственных кругов считала вредным для обрусения края и укрепления здесь позиций самодержавия отъезд с западных окраин империи белорусских крестьян, которых они упорно называли русскими[231]. Поэтому в первые годы реакции, в период разработки закона о переселениях, большинство губернаторов Северо-Западного края выступили против переселения крестьян из их губерний, считая это вредным в политическом отношении. Той же точки зрения придерживался министр внутренних дел Толстой, который писал: «Выселение из них части крестьян не должно быть допущено по политическим соображениям, чтобы не ослабить в них русского элемента»[232]. Поэтому, не отменяя для северо-западных губерний закона о переселениях 1889 г. и циркуляра 1894 г., правительство сделало все возможное для того, чтобы ограничить переселения из этой местности. Ставя всевозможные препоны

переселению крестьян, царизм тем самым содействовал аграрному перенаселению в белорусской деревне, обострял социальные противоречия в ней. Эта политика также противоречила интересам развивавшегося капитализма [233].

Аграрная политика периода реакции выражала стремление помещиков и самодержавного государства законсервировать тот сравнительно низкий уровень капиталистического развития крестьянского хозяйства, который был достигнут после отмены крепостного права, попытаться остановить пауперизацию деревни и сохранить там необходимую для помещичьего хозяйства бедняцко-середняцкую прослойку [234]. Эти законы тормозили развитие капитализма в деревне и делали это развитие более мучительным для крестьянства. Но они не могли остановить ход социально-экономического процесса. «Пытаться остановить всемирный капитализм законами и правилами, ограничивающими свободу мобилизации земли,— указывал В. И. Ленин,— такая же тупоумная вещь, как попытаться остановить поезд прутиками из плетня» [235].

С 1861 г. и до середины 90-х годов правительство постоянно возвращалось к сервитутному вопросу и вопросу ликвидации чересполосицы. Борьба вокруг сервитутов и отношение к ним правительства подробно освещается в ряде статей А. В. Полонского [236] и В. И. Денисюк [237]. Мы же остановимся на влиянии политической обстановки в стране (и в Белоруссии) на политику царизма в области сервитутных отношений.

Оставшиеся в наследство от феодализма сервитуты и чересполосица тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве. Их сохранение ставило крестьян в зависимость от помещиков, мешало землевладельцам вести предпринимательское хозяйство, являлось источником постоянных конфликтов в деревне.

Самым существенным сервитутом в Белоруссии было право крестьян использовать для выпаса скота некоторые помещичьи угодья и сенокосы. Крестьяне ими пользовались главным образом в Виленской, Гродненской и Минской губерниях. По данным Д. Рихтера, к началу XX в. сервитутами в Белоруссии пользовалось 56% кре-

стьянских дворов[238]. Чересполосица — неразмежеванность крестьянских и помещичьих земель — в Белоруссии наблюдалась повсеместно. При отмене крепостного права вопрос о сервитутах обошли, и все сервитутные земли остались у помещиков, что вызвало недовольство крестьян. Лишение крестьян пастбищных и сенокосных сервитутов поставило их хозяйство в крайне тяжелое положение и вынуждало идти в кабалу к помещику. По условиям освобождения крестьян разверстание помещичьих и крестьянских угодий ставилось в зависимость от желания помещиков. Последние пользовались чересполосностью для закабаления крестьян, а при разверстании стремились «округлять» свои имения за счет крестьянских наделов. Такие действия землевладельцев вызывали протест со стороны крестьян.

Крестьянская борьба и восстание 1863 г. вынудили правительство, как уже отмечалось, пересмотреть вопрос о сервитутах и разверстании угодий. По циркуляру 24 июля 1863 г. за крестьянами закреплялось право на сервитуты, что и фиксировалось в выкупных актах, а по положению Главного комитета об устройстве сельского состояния 1 мая 1863 г. разверстание крестьянских и помещичьих угодий ставилось в зависимость не только от помещика, но и крестьян. Такое решение вопроса не могло устроить ни крестьян, ни помещиков.

Чересполосность и сервитуты мешали землевладельцам в ведении предпринимательского хозяйства. Помещики хотели избавиться от сервитутов, общих с крестьянами пастбищ и земельных угодий, но за счет крестьян. В предоставлении крестьянам по циркулярам Муравьева 1863 г. формально равных с помещиками прав требовать разверстания или замены сервитутов землевладельцы Западного края увидели «не только несправедливость и опасность для спокойствия края, но и посягательство на право собственности»[239]. А неизвестный землевладелец северо-западных губерний объявил такой принцип «полным торжеством коммунизма»[240]. Поэтому, не возражая против разверстания, помещики требовали предоставить только им право решать вопрос о необходимости обязательного обмена угодий и о целесообразности и условиях замены сервитутов. После 1866 г. помещики подняли вопрос об отмене указанных выше муравьевских циркуляров. Через своих представителей, приглашенных в апре-

ле 1867 г. в Вильно на совещание к виленскому генерал-губернатору, они высказались за обязательное разверстание общих для крестьян и помещиков выгонов и пастбищ, крестьянских земель, расположенных среди владельческих лесов, и наделов, полученных безземельными крестьянами [241]. При разделе общих выгонов помещики не хотели принимать во внимание обеспеченность крестьян пастбищами. Этих требований помещики упорно держались на всем протяжении второй половины XIX в. Столь же единодушны они были в стремлении ликвидировать сервитуты без всякого учета интересов крестьян. Они не признавали право крестьян на компенсацию [242], а если и признавали, то без учета действительной нужды крестьян в пастбищах [243]. Помещики в своих ходатайствах призывали правительство не «обращать внимания» на недовольство крестьян будущей отменой сервитутов [244] и «немедленно предупреждать и устранять» все последствия этого недовольства [245], т. е. подавлять волнения силой. Характеризуя один из таких помещичьих проектов (Минского общества сельских хозяев), либеральный «Минский листок» писал о нем как о крайне несправедливом в отношении крестьян [246].

Крестьяне не менее помещиков были заинтересованы в разверстании угодий и упразднении сервитутов. Пользуясь ими еще при крепостном праве, они считали эти земли своей собственностью [247]. Поэтому крестьяне выступали за безвозмездную передачу им пастбищ и выгонов, которыми они пользовались на правах сервитута. Проект помещиков о переселении безземельных крестьян, получивших после 1863 г. наделы, на новые земли в случае его принятия правительством имел бы для крестьян тяжелые последствия. Только что отстроившись и расчистив почву под пашню, они вынуждены были бы переселяться по требованию помещиков на пустующие и заросшие кустарником земли и, по существу, все начинать сначала. Такой принцип разверстания не мог быть принят крестьянами.

Правительство и местная администрация в Белоруссии были всецело на стороне помещиков. В своих докладах на имя царя местные власти постоянно подчеркивали неудобство для землевладельцев сохранять совместные пастбища и сервитуты, которые тормозили развитие помещичьего хозяйства [248], считали, подобно виленско-

му генерал-губернатору Потапову, «что чем дольше крестьяне будут воспитываться в духе неуважения к чужой собственности, тем труднее будет отучить их от этого» [249]. Однако самодержавие вынуждено было считаться с политическим положением в стране в целом и с размахом крестьянской борьбы в Белоруссии. Если мощная волна крестьянского движения в Белоруссии в годы первой общероссийской революционной ситуации и восстание 1863 г. вынудили его отступить в вопросах о сервитутах и разверстании и в какой-то мере учесть интересы крестьян, подтвердив их право на сервитуты, то спад освободительного движения и переход к реакции в середине 60-х годов привели к попыткам пересмотра правила разверстания угодий и ликвидации пастбищных сервитутов в северо-западных губерниях в интересах помещиков.

Местные власти Белоруссии решали эти вопросы с учетом политического положения главным образом подведомственного им края. Высшая бюрократия была вынуждена учитывать гораздо более широкий комплекс проблем. Она должна была считаться с остротой общественно-политической борьбы вообще и крестьянства в частности не только в Белоруссии, но и в России в целом. Нельзя было не учитывать возможных последствий ликвидации сервитутов и разверстания угодий для государственных финансов. Все это вынуждало правительство действовать более осмотрительно, чем рекомендовали местные власти Белоруссии.

Виленские генерал-губернаторы Баранов (в 1867 г.) и Потапов (в 1868 г.), настаивая на необходимости срочного разверстания угодий и упразднения сервитутов в северо-западных губерниях, пытались, как они сами признавались, компенсировать тем самым местным помещикам досрочную ликвидацию временнообязанных отношений и частичный возврат обезземеленным крестьянам их наделов [250]. Виленские генерал-губернаторы в своих проектах предлагали проводить ликвидацию сервитутов и разверстание земельных угодий независимо от согласия крестьян по требованию одного помещика [251] и на условиях, наиболее выгодных для последнего. По проекту Баранова — Потапова крестьяне независимо от наличного у них скота могли получить не более 1/3 пастбища, находившегося в общем их пользовании с помещиком.

Не менее 2/3 пастбища отдавалось землевладельцу [252].

Проект предусматривал безвозмездное упразднение права крестьян пасти скот по незасеянным полям и скошенным лугам помещика. Лишь за ликвидацию права пасти скот в лесах помещика крестьяне имели возможность получить определенный участок из угодий владельца. Правила определения его размера и качества открывали помещикам широкие возможности для ущемления крестьянских интересов [253].

Таким образом, уже в 1867 г. местные власти шли на максимальное удовлетворение требований помещиков и полное игнорирование интересов крестьян. Они понимали, что деревня ответит на такое решение вопроса волнениями. Размах крестьянской борьбы конца 60-х годов в Белоруссии внушал администрации уверенность в том, что она сможет справиться с новыми выступлениями, тем более что и без ликвидации сервитутов происходили постоянные столкновения из-за пастбищ, чересполосицы. Местные власти разделяли мнение помещиков края и считали, что лучше однажды жестоко подавить выступление крестьян при ликвидации сервитутов и общих пастбищ, чем при их сохранении вести за них бессрочную ежедневную борьбу с крестьянами.

Однако в Петербурге побоялись принять предлагаемый местной администрацией проект, так как понимали, что его осуществление разорит белорусских крестьян и тем самым подорвет государственные финансы. Это вынудило правительство отказаться от мысли упразднить пастбищные сервитуты и общие выгоны без всякой компенсации крестьян. Кроме того, в Главном комитете об устройстве сельского состояния не разделяли оптимистического взгляда местных властей Белоруссии на политическое положение в стране вообще и в деревне в частности [254]. Поэтому комитет решил оставить все без изменения [255].

Между тем борьба крестьян с помещиками за пастбища продолжалась. Добровольные сделки между крестьянами и помещиками по прежнему почти не заключались в Белоруссии, так как помещики не соглашались на полную компенсацию крестьян за потерю ими права пользоваться общими выгонами и пастбищными сервитутами.

В годы второй революционной ситуации, когда аграр-

ная борьба в Белоруссии, как и по всей стране, усилилась и сервитуты, как отмечали местные власти, только обостряли ее[256], правительство было вынуждено вернуться к этой проблеме. И вновь оно столкнулось с невозможностью примирить свое желание удовлетворить все назаконные претензии помещиков с интересами казны, потому что, как признавал Главный комитет, «вся совокупность земель и угодий, коими крестьяне пользуются, служит залогом исправного погашения выкупной ссуды»[257]. Между тем представленные из Белоруссии проекты отрицали право крестьян на все сервитутные земли и предлагали лишь частичную земельную компенсацию, при которой принимались в расчет не нужды крестьян, а интересы их бывших владельцев[258]. В условиях второй революционной ситуации, когда царизм больше всего опасался слияния крестьянского и народнического движений и обострения финансового кризиса, правительство не могло пойти навстречу домогательствам помещиков и поддерживавшей их местной администрации.

И позднее, когда революционная ситуация миновала и царизм был готов помочь помещикам Белоруссии даже ценой разорения деревни, правительство боялось своими уступками землевладельцам обострить аграрную борьбу в крае. Как писали царские чиновники, упразднение сервитутов будет расценено крестьянами как мера, «допущенная в угоду помещикам»[259] и направленная «исключительно против них»[260]. Все это должно было неминуемо обострить «и без того натянутые отношения... сторон»[261], вызвать «нежелательные толки свойства политического и даже брожение, всегда опасное, когда оно происходит на аграрной почве»[262].

Таким образом, в годы реакции правительство руководствовалось не столько экономическими, сколько политическими соображениями. Поэтому на протяжении второй половины 80-х — первой половины 90-х годов царская бюрократия сосредоточила основное внимание на вопросе о том, как ей справиться с волной крестьянского возмущения, которая неминуемо поднимется при отмене сервитутов.

Вопрос о сервитутах постоянно обсуждался на всех уровнях. В начале 90-х годов при министерстве внутренних дел было создано Особое совещание о мерах к устройству сервитутов. Однако и оно не смогло решить

сервитутного вопроса [263]. По-прежнему ликвидация сервитутов могла происходить только на основе добровольных соглашений. Но последнее происходило крайне редко. По данным министерства внутренних дел, на 1885 г. на территории современной Белоруссии насчитывалось 1792 имения, в которых крестьяне пользовались правом сервитута, и только в 114 из них (6,3%) они были упразднены на основе добровольного соглашения [264].

Чтобы ускорить добровольные соглашения, правительство в 1892 г. изменило условия, при которых эти сделки совершались. Ранее для заключения сделки на ликвидацию сервитутов требовалось единогласное решение сельского схода. По положению 30 марта 1892 г. для этого стало достаточно согласия 2/3 домохозяев, имевших право голоса на сходе [265]. Но и эта мера не привела к добровольным соглашениям крестьян с помещиками. Вопрос о ликвидации сервитутов правительство не смогло решить вплоть до свержения самодержавия.

Следовательно, и в вопросе о сервитутах стремление помещиков ликвидировать их в своих интересах и желание правительства удовлетворить эти стремления натолкнулись на сопротивление крестьян. Оно показало, что не только в годы революционных ситуаций, но даже в период реакции, сопровождавшейся всемерной поддержкой и поощрением поместного дворянства, правительство не могло полностью удовлетворять его требования и вынуждено было считаться с борьбой крестьянских масс.

Чем выше был накал аграрной борьбы в белорусской деревне и подъем освободительного движения в России, в том числе и в Белоруссии, тем больше правительство при решении аграрных вопросов вынуждено было принимать во внимание требования крестьян и считаться с социально-экономическим развитием деревни. Так, первая революционная ситуация привела к отмене крепостного права, во время восстания 1863 г. царизм пошел в Белоруссии на изменения первоначальных условий освобождения крестьян. В годы второй революционной ситуации, когда крестьянский вопрос вновь стал первоочередным, правительство было вынуждено продолжать буржуазные аграрные преобразования и принимать ряд мер,

которые помогли бы ему смягчить последствия грабительского освобождения крестьян. В этот период правительство безуспешно пыталось улучшить экономическое положение крестьян путем ликвидации или смягчения некоторых пережитков феодализма в деревне. Уступая в мелочах, оно тем самым надеялось сохранить неограниченную монархию и помещичье землевладение. В периоды ослабления освободительного движения и некоторой стабилизации положения самодержавия правительство пыталось отнять у белорусских крестьян те уступки, на которые его вынудила революционная ситуация, и законсервировать остатки крепостничества в деревне. Не решаясь открыто отменять действовавшие законы, местная администрация пыталась в конце 60-х годов их нарушать в интересах помещиков, увеличивая выкупные платежи или уменьшая крестьянские наделы. В 80-е годы царизм тщетно стремился законсервировать крепостнические пережитки в деревне, остановить капиталистическую эволюцию деревни. И лишь страх перед крестьянским восстанием до опасения окончательно разорить своего основного налогоплательщика не позволяли правительству даже в годы политической реакции полностью удовлетворить требования поместного дворянства.

Царизм был не в силах остановить стихийную аграрную борьбу в белорусской деревне, объективно направленную против всех пережитков крепостничества в экономике и политическом строе России. Как указывал В. И. Ленин, «на смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянству вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы». Рабочий класс, ведя борьбу с капиталистами и с правительством, «помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов» [266].

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ, ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ, ОДНОДВОРЦЫ, ЧИНШЕВИКИ И СТАРООБРЯДЦЫ

После отмены крепостного права крестьянство по-прежнему разделялось на ряд категорий, сохранившихся от феодальной эпохи. Реформа 1861 г. не коснулась госу-

дарственных крестьян, чиншевиков и других приравненных к крестьянам групп сельского населения. В. И. Ленин в связи с наличием в России различных по характеру надельного землевладения, условиям выкупа и размерам платежей категорий крестьян писал: «Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами» [267]. С развитием капитализма все заметнее становилась социальная дифференциация внутри каждой из этих групп населения. Но долгое искусственное сохранение царизмом этих перегородок тормозило закономерный процесс их разрушения.

Освобождение частновладельческих крестьян от крепостной зависимости и перевод временнообязанных крестьян Белоруссии и Литвы в разряд собственников поставили на очередь дня вопрос о поземельном устройстве остальных групп сельского населения, живших в северо-западных губерниях. События 1863 г. показали правительству, что его политика дальнейших затяжек и проволочек в решении этого вопроса чревата серьезными последствиями. Аграрной программе повстанцев царизм противопоставил свои контрреформы и тем намного облегчил свое положение в крае. Но всех остальных групп сельского населения аграрные преобразования не затронули, в результате чего правительство в 1863 г. и в дальнейшем пожинало плоды своей недальновидной политики. Одни из тех, о ком «забыли» законодатели, пошли в повстанческие отряды, другие напомнили о себе массовыми волнениями на аграрной почве уже после подавления восстания: «падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу» [268]. Поэтому, принимаясь за разработку проектов поземельного устройства различных категорий сельского населения северо-западных губерний, правительство принимало во внимание не только политическую обстановку в стране и крае, но также и позицию, какую они занимали по отношению к восстанию. Обращалось внимание и на накал их борьбы за землю уже после подавления восстания.

Второе место по численности после помещичьих крестьян в крае занимали государственные крестьяне. В 5 северо-западных губерниях их проживало 390 795 ревизских душ [269]. В отличие от помещичьих государственные

крестьяне отбывали повинности в пользу казны или арендатора имения. Хотя их положение до крестьянской реформы и указов 1863 г. было лучшим в сравнении с частновладельческими крестьянами и потому правительство не торопилось с изданием законов о них, однако у государственных крестьян северо-западных губерний имелось достаточно причин быть недовольными политикой правительства. В конце 50-х годов правительство решило увеличить свои доходы с казенных имений. С этой целью министерство государственных имуществ начало люстрацию казенных земель с тем, чтобы образовать на них как можно больше ферм и сдать их в долгосрочную аренду лицам не из крестьян. Для создания этих ферм пошли не только свободные земли, но и часть крестьянских земель. К 1863 г. в аренду было сдано 324 557 дес. земли. В недалеком будущем правительство думало еще отнять у государственных крестьян западных губерний дополнительно 146 тыс. дес. угодий для этой же цели. Хотя количество земли в результате поверочной люстрации у казенных крестьян уменьшилось, оброки за нее были повышены на 64%. Так, если в 1858 г. крестьяне 9 западных губерний вносили в казну 1 866 469 руб., то теперь с них должны были взимать 3 055 785 руб. Правда, такое колоссальное увеличение оброка смутило даже царских чиновников. Опасаясь массовых волнений в государственной деревне, правительство решило в 1860—1861 г. увеличить их пока что на 22% [270]. Подводя итоги поверочной люстрации 1858—1863 гг., министр государственных имуществ вынужден был признать в 1866 г., что она привела хозяйство крестьян «в заметное расстройство» [271]. Поэтому неудивительно, что восстание и его программа нашли отклик у части государственных крестьян [272]. После указов 1863 г., ликвидировавших временнообязанные отношения для частновладельческих крестьян, преимущества в положении государственных крестьян по сравнению с бывшими помещичьими сошло на нет. Правительство опасалось после подавления восстания волнений в государственных деревнях. Поэтому оно поторопилось с уравнением положения государственных и частновладельческих крестьян и слиянием их в одно целое.

Не дожидаясь окончания разработки реформы для государственных крестьян всей России, министерство

государственных имуществ назначило новую поверочную люстрацию, первоначально лишь в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях, а с 1866 г. и в Минской губ. Комиссии должны были не только привести в известность крестьянские наделы, но и увеличить их в тех случаях, где это будет признано необходимым, а также определить за них оброки. При определении величины наделов и оброков комиссии должны были иметь в виду наделы и выкупные платежи бывших частновладельческих крестьян близлежащих имений с тем, чтобы при переводе государственных крестьян на выкуп положение и тех и других было одинаковым. Закон 24 ноября 1866 г.[273] для государственных крестьян, по которому за ними закреплялись существующие наделы, но не в собственность, а лишь в пользование за оброчную подать, правительство не решилось распространить на западные губернии по политическим мотивам: опасно было здесь и в дальнейшем сохранять феодальную зависимость казенных крестьян от государства в то время, когда частновладельческие крестьяне стали собственниками своих наделов. Для 9 западных губерний министерство государственных имуществ разработало закон, который был утвержден 16 мая 1867 г.[274] Крестьяне этих губерний переводились в разряд собственников, оброчная подать, которую они платили в казну, увеличенная на 10%, превращалась в выкупные платежи. Для окончания люстрационных работ и утверждения люстрационных актов каждой губернии устанавливался определенный срок от 3 лет на западе до 6 лет на востоке Белоруссии[275].

В результате реформы общая площадь надельной земли государственных крестьян в 5 северо-западных губерниях увеличилась на 613 656 дес.[276] Они превышали наделы и помещичьих крестьян Белоруссии: на 18,7—53% на ревизскую душу или на 17—37% на двор в зависимости от губернии[277].

Так восстание 1863 г. сорвало планы правительства, направленные на уменьшение крестьянских наделов с одновременным увеличением оброков за них, а участие этой группы крестьян в восстании побудило царизм издать закон, ликвидировавший их феодальную зависимость от государства, что не было сделано для всех остальных районов России. Уравнивая правовое положе-

ние частновладельческих и государственных крестьян, правительство надеялось уменьшить недовольство последних и ликвидировать их обособленность.

После 1861 г. обострились отношения между помещиками и арендаторами их земли — старообрядцами, чиншевиками, однодворцами и др. Напуганные освобождением крестьян, землевладельцы опасались, что вслед за крестьянами землю за выкуп получат и эти категории сельского населения. Поэтому многие из них старались не возобновлять договора, под разными предлогами выселяли арендаторов с их участков или поднимали арендные цены. Все это вызывало столкновения и недовольство арендаторов.

Первым импульсом, вынудившим правительство заняться решением судьбы однодворцев в западных губерниях, явилось их активное участие в событиях 1863 г. Однодворцы в западных губерниях являлись бывшей шляхтой, не утвержденной в дворянских правах и переведенной по указу 19 октября 1831 г. в податные сословия. Они несли натуральные и денежные повинности, как и прочие сельские жители, в зависимости от того, на чьей земле проживали. Подлежали они и особому подушному окладу. Местная администрация рассматривала их как «самый вредный, недовольный элемент в крае, который всегда был и теперь остается готовым материалом для всякого революционного движения и из которого по преимуществу пополнялись... мятежнические шайки»[278].

Хотя в северо-западных губерниях, по данным министерства внутренних дел, однодворцев проживало на владельческих землях всего 10 517 душ мужского пола, в целом по 9 западным губерниям их насчитывалось 108 711 душ, арендовавших землю у помещиков, и 29 625 душ, проживавших на казенных землях. Кроме того, 11 439 душ мужского пола жило на собственных землях[279].

Рассматривая однодворцев как сословие, враждебное правительству и чуждое краю в силу своего происхождения, царизм стремился ликвидировать их обособленность от других сельских сословий и по возможности выжить из западных районов страны. Решить вопрос об однодворцах, живущих на своей земли или занимающихся ремеслом и торговлей в городах, было относительно легко административным путем. Для этого достаточ-

но было приписать их в зависимости от занятий к крестьянам, мещанам или купцам. В отношении однодворцев-арендаторов этих мер было недостаточно. Положение арендаторов помещичьей земли ставило их в прямую зависимость от владельца, чем и воспользовалось польское дворянство, посылая своих арендаторов в повстанческие отряды, даже если их не привлекали лозунги возрождения Речи Посполитой. Чтобы разрушить зависимость однодворцев-арендаторов от землевладельцев, виленский и киевский генерал-губернаторы предлагали после восстания перевести их на выкуп арендуемой у помещиков земли и приписать к крестьянам. Перевод однодворцев в крестьянское сословие мог обернуться для правительства, как отмечал министр финансов, ощутимой материальной выгодой [280].

Однако к тому времени (1868 г.), когда вопрос об однодворцах стал обсуждаться в Главном комитете об устройстве сельского состояния, восстание было подавлено, произошла смена курса правительственной политики в северо-западных губерниях в отношении поместного дворянства. В этих условиях царизм не желал ссориться с польскими помещиками из-за однодворцев, передавая последним помещичью землю за выкуп. Члены Главного комитета согласились с мнением министра внутренних дел, что «едва ли будет справедливо изменять установившиеся между ними (помещиками и однодворцами.— *С. С.*) свободные отношения» [281].

19 февраля 1868 г. был принят закон, согласно которому однодворцам предлагалось приписаться в любые другие податные сословия в зависимости от рода занятий [282]. Спад общественного движения в стране и отсутствие аграрных волнений среди однодворцев решили судьбу последних. Правительство ликвидировало сословие однодворцев, но сохранило их экономическую зависимость от помещиков.

Вопрос о поземельном устройстве арендаторов из старообрядцев был поднят сразу же после подавления восстания 1863 г. Старообрядцы появились в Белоруссии в XVII—XVIII вв. Преследуемые за свою веру, они бежали из России, арендовали землю у феодалов за оброк. По сведениям губернаторов, в Виленской, Минской, Мо-

гилевской и Витебской губерниях к 1863 г. на помещичьих землях насчитывалось 9059 душ старообрядцев[283].

Старообрядцы были наиболее консервативным элементом среди сельского населения края. Жили они замкнуто, упорно сохраняли свою веру, русский язык, обычаи и не поддавались полонизации. По отношению к восстанию они заняли открыто враждебную позицию. Стремление помещиков Белоруссии освободить свои имения от арендаторов или изменить в своих интересах условия самой аренды, столь отчетливо проявившееся после отмены крепостного права и усилившееся после подавления восстания в связи с намерениями правительства решить вопрос о поземельном устройстве различных разрядов сельского населения края, коснулось и старообрядцев. Сразу же после подавления восстания местная администрация рассчитывала и в дальнейшем использовать старообрядцев в интересах самодержавия как «прочный элемент, способствующий обрусению края»[284]. Поэтому Муравьев и его преемник фон Кауфман настаивали на принятии закона, запрещавшего лишать старообрядцев земли. В ожидании этого закона Муравьев 17 июня 1863 г. издал временный циркуляр, по которому польские помещики временно не имели права сгонять старообрядцев с земли и поднимать арендную плату выше определенной суммы[285].

Вопрос о старообрядцах обсуждался в Петербурге в 1867 г., а его решение затянулось до 1876 г. За эти годы менялось отношение правительства к старообрядцам. В правительственных кругах побеждала точка зрения ковенского губернатора, который считал, что, хотя старообрядцы и выступили против повстанцев, к царизму они испытывали враждебные чувства[286]. Как арендаторы помещичьей земли старообрядцы должны были ненавидеть и помещиков. Поэтому правительство не могло рассматривать эту группу сельского населения как своего союзника в борьбе с освободительным движением в крае.

На протяжении многих лет среди старообрядцев не было серьезных аграрных волнений. Именно последнее обстоятельство, как признавались власти, и повлияло на решение вопроса о поземельном устройстве старообрядцев в 70-х годах.

Виленский генерал-губернатор Потапов с ведома ми-

нистерства внутренних дел отменил с 23 апреля 1871 г. муравьевский циркуляр 1863 г., запрещавший сгонять старообрядцев с земли и повышать арендную плату [287]. Старообрядцы должны были сами договариваться об аренде и ее условиях.

Не связанные никакими ограничениями, помещики вновь диктовали свои условия арендаторам. Этим поспешило воспользоваться поместное дворянство. Оно стало освобождать свои земли от старообрядцев или повышать арендную плату, не дожидаясь указанного в циркуляре Потапова срока. Местные власти стояли на страже интересов землевладельцев и по их требованию выселяли старообрядцев с помощью полиции. Например, в одной лишь Минской губ. в конце 60-х годов 20% арендаторов из старообрядцев было удалено из имений полицией [288].

Арендаторов выселяли не только польские, но и русские помещики, хотя правительство пыталось представить это выселение местью поляков старообрядцам за враждебное отношение к восстанию 1863 г. Например, купивший имение Вышки в Витебской губ. помещик Вексель, считавшийся землевладельцем русского происхождения, выселил из имения 40 семей старообрядцев [289].

Массовое выселение старообрядцев могло привести к волнениям, что было нежелательно для царизма. Поэтому царская бюрократия в 1870 г. вспомнила о проекте Муравьева, предлагавшего в свое время правительству помочь старообрядцам выкупить у помещиков арендуемую землю, предоставив им для этого ссуды [290]. Проект обсуждался во всех инстанциях с 1871 по 1875 г. За это время не произошло ни одного массового выступления старообрядцев. Отсутствие серьезного аграрного движения среди арендаторов-старообрядцев позволило Государственному совету отвергнуть саму идею обязательного выкупа, как нарушавшую права собственности помещиков [291].

По закону 22 мая 1876 г. вместо выкупа земли для части старообрядцев предусматривалась бессрочная аренда на постоянных условиях. Выкуп земель мог происходить только по требованию помещика или по взаимному соглашению сторон. В этом случае правительство выдавало старообрядцу ссуду для выкупа земли. Если старообрядец не соглашался на выкуп по требованию помещика, то он был обязан в годичный срок покинуть

имение. Реформа распространялась не на всех старообрядцев, а лишь на меньшую часть их [292].

Следовательно, законодатели оставляли в неприкосновенности помещичью землю и не передавали наделы в собственность арендаторам. Переход на выкуп они ставили в зависимость от желания помещика. Реформа также открывала неограниченные возможности для выселения из имений даже тех старообрядцев, на кого распространялась бессрочная аренда; для этого достаточно было вынудить арендатора отказаться от условий обязательного для него выкупа. Наконец, даже такая ограниченная реформа распространялась не на всех арендаторов-старообрядцев: более 9 тыс. арендаторов всех 9 западных губерний, т. е. около 60% всех старообрядцев этой территории, оказались полностью предоставленными произволу помещиков.

Таким образом, по мере того как события 1863 г. становились для самодержавия историей, правительство все меньше думало о защите интересов старообрядцев, оказавших ему неоценимую услугу в борьбе с повстанцами, и все больше было озабочено защитой земельной собственности помещиков. Отсутствие среди старообрядцев-арендаторов в этот период серьезных аграрных выступлений позволило правительству ограничить свое вмешательство во взаимоотношения помещиков с арендаторами минимальными размерами.

После утверждения закона претворение его в жизнь затянулось на долгие годы. Министр юстиции и министр внутренних дел, которым было поручено разработать правила порядка составления актов бессрочной аренды, составляли и согласовывали проект около 10 лет и, наконец, решили вообще отложить его обсуждение на неопределенное время [293].

В Гродненской, Минской, Виленской и Витебской губерниях к 1860 г. проживало на помещичьих землях, по сведениям министерства внутренних дел, 5525 душ мужского пола вольных людей. Кроме того, в этих же губерниях на казенных землях их жило 4460 душ и лишь 642— на собственных землях [294]. Но в действительности их было значительно больше. Вольные люди были лично свободными и в большинстве своем не имели недвижимой

собственности, живя на помещичьей земле и внося владельцу денежную плату.

Еще задолго до первых известий о готовившейся крестьянской реформе помещики Белоруссии и Литвы стремились записать арендующих у них землю вольных людей в крепостные, что им нередко и удавалось. Но как только выяснилось, что правительство намерено освободить крепостных крестьян с земельным наделом, помещики стали всеми правдами и неправдами выживать из своих имений вольных людей, отказывая им в аренде, а также переводить часть своих крестьян без их ведома в разряд вольных людей. Такие действия были вызваны стремлением помещиков удержать в своих руках как можно больше земли и ограничить число тех, кто мог рассчитывать в будущем получить эту землю в надел за выкуп. На принудительное выселение вольные люди ответили в 1863—1864 гг. волнениями. Они отказывались покидать имения, писали жалобы и требовали распространить на них положение 19 февраля 1861 г. и указы 1863 г. В некоторые имения были введены войска.

Аграрное движение, столь упорное, когда в нем одновременно участвовали сотни семейств, серьезно обеспокоило правительство. Массовое выселение вольных людей грозило царизму, во-первых, образованием дополнительного контингента безземельных крестьян в крае, во-вторых, действия помещиков и направленных им в помощь войск вызывали, как свидетельствовала местная администрация, «ропот вольных людей на правительство» и создавали «из них сильный класс недовольных» [295].

Виленский и киевский генерал-губернаторы настаивали на скорейшем решении вопроса о вольных людях, так как игнорирование их интересов «легко может вызвать важные беспорядки» [296]. Это понимали и в Петербурге. Однако идти на уступки всем вольным людям правительство не желало. Решено было успокоить в первую очередь только тех, чьи волнения были особенно упорны. По закону 25 июля 1864 г. право выкупа земли получали вольные люди, переведенные в этот разряд помещиками из крепостных крестьян после 1857 г. с тем, чтобы не наделять их землей при отмене крепостного права. Как бывшим крепостным им предоставлялось право выкупать землю на тех же условиях, что и помещичьим крестьянам. Что касается вольных людей, запи-

санных в крепостные до 1857 г., то их временно оставляли на помещичьих землях, обязав стороны заключить договоры на дальнейшую аренду сроком на 12 лет на прежних условиях, но с понижением арендной платы на 10%. После 12 лет помещик мог либо предоставить вольному человеку его участок за выкуп, либо заключить с ним новый договор на любых условиях, либо выселить его из имения [297].

С окончанием срока действия обязательной 12-летней аренды обострились взаимоотношения помещиков и их арендаторов. Помещики, стремясь поскорее избавиться от вольных людей, начали массовое изгнание их с арендуемых земель. Как писал виленский генерал-губернатор Альбединский, это выселение сопровождалось массовым сопротивлением арендаторов, которых выселяли из имений с помощью военной силы [298]. Другие помещики, воспользовавшись безнадежным положением своих арендаторов, потребовали заключения новых контрактов, повысив по своему усмотрению арендную плату. В ответ вольные люди отказались принять такие условия и не согласились выехать из имений. Именно так развивались события в имении Святой Двор Игуменского уезда князя Витгенштейна [299]. В таких случаях местная администрация прибегала к помощи военной силы. Новые волнения вольных людей совпали по времени с массовым подъемом освободительного движения и началом второй революционной ситуации. В этих условиях министр внутренних дел Игнатьев считал для правительства небезопасным «принимать строгие экзекуционные меры» [300]. Поэтому правительство было вынуждено вновь вернуться к вопросу о поземельном устройстве вольных людей. Но согласование вопроса и разработка проектов затянулись. Когда пришло время сводить ряд предложений в единый проект, обстановка в стране вновь изменилась, на этот раз в пользу царизма. Революционный кризис миновал, и сразу местная администрация и высшая бюрократия отвергли идею распространения на всех вольных людей права выкупать землю на тех же основаниях, что и для крепостных крестьян. Вновь в правительственных кругах заговорили о том, что всякая уступка со стороны правительства будет воспринята как «вынужденная ослушанием и упорством вольных людей», что борьба вольных людей послужит для остального сельского на-

селения края примером того, как надо силой добиваться земли и льгот [301]. В 1882 г. царизм был уверен, что если он строго будет придерживаться своих законов, то вольные люди будут вынуждены согласиться на условия, предлагаемые помещиком.

Вызванные в министерство внутренних дел для переговоров представители поместного дворянства северо-западных губерний согласились пойти на выкуп вольными людьми их участков или на заключение новых арендных договоров сроком на 6 лет по выбору арендатора, но потребовали за это намного повысить арендную плату и выкупные платежи. Часть выкупной суммы должно выдать вольным людям правительство, а часть вольные люди должны выложить из своего кармана. Землевладельцы требовали также предоставить им право по своему усмотрению заменять вольным людям их участки не только в пределах имения, но и вне его. Предоставлять землю на выкуп они соглашались только тем арендаторам, которых не успели выселить из имений или вынудить заключить новый договор на аренду. Все, кто по прошествии 12-летней льготной аренды подчинился закону и покинул имение или заключил новый договор на продиктованных помещиком условиях, терял право на выкуп земли [302].

Таким образом, условия выкупа, предлагаемые помещиками, были более грабительскими, чем при освобождении крестьян. Но даже такого права на выкуп лишалась большая часть вольных людей, так как по закону 1864 г. многие были уже выселены из имений и тем самым теряли право на выкуп земли.

Однако такое насилие над вольными людьми не смущало правительство. Тех, кто не подчинится новому закону и условиям выкупа, оно надеялось принудить силой либо подписать условия, либо покинуть имение: в 1882 г. экзекуционные меры в таких случаях, по мнению министра внутренних дел, должны были «оказать содействие к склонению вольных людей на сделки с землевладельцами» [303].

По закону 3 июня 1882 г. выкупить землю могли только те вольные люди, которые пользовались арендой по закону 1864 г. и не заключали нового договора по истечении указанного этим законом 12-летнего срока. Правительство при выкупе выдавало ссуду в размере 85%

продажной цены, а остальные 15% вносил вольный человек [304].

Положение вольных людей значительно ухудшалось. Например, по данным ковенского губернского по крестьянским делам присутствия, вольные люди до реформы 1882 г. платили за участок в 20 дес. аренды от 39 руб. 90 коп. до 58 руб. 15 коп., а по положению 1882 г. должны были вносить выкуп из расчета 51 руб. 15 коп. — 81 руб. 75 коп. за тот же участок, т. е. на 30—40% больше прежней цены. Платежи вольных людей были значительно выше выкупных платежей помещичьих и государственных крестьян. В той же губернии они превышали выкупные платежи крестьян в 2,5 раза [305]. Такое же положение наблюдалось и в Белоруссии. Возглавлявшие выкупные учреждения уездные предводители дворянства делали все, чтобы помешать переходу вольных людей на выкуп, помогали помещикам уклоняться от наделения их землей [306].

Таким образом, только через 20 лет после крестьянской реформы был решен вопрос о поземельном устройстве вольных людей. Но их судьба решалась в то время, когда вторая революционная ситуация исчерпала себя и царизм, убедившись, что на этот раз непосредственная угроза для него миновала, переходил к открытой реакции. В таких условиях правительство откровенно защищало интересы местных помещиков и удовлетворяло все их требования.

Чиншевое право досталось в наследство от Польши. В российском законодательстве нет права, аналогичного чиншевому. Чиншевики владели землей на праве потомственного, бессрочного пользования и распоряжения за отбывание определенных денежных и натуральных повинностей (чинш), размер которых не подлежал изменению по произволу помещика. Точных данных у правительства и местных властей о численности чиншевиков в западных губерниях не было. Основная масса их проживала на Украине (по приблизительным данным юго-западного генерал-губернатора, их там было 46 498 дворов, около 150 тыс. душ). В белорусских губерниях их было значительно меньше. В Виленской губ., по приблизительным расчетам местной администрации, чиншеви-

ки, занимавшиеся сельским хозяйством, имели 6313 дес. (5995 участков), в Гродненской — 5687 дес. (7249 участков) [307], в Минской губ. — 23 048 душ (4564 двора) [308]. В Могилевской губ., по словам администрации, их не было, хотя в действительности они там жили. Что касается Витебской губ., то в конце 70-х годов местная администрация ответила, что у нее сельских чиншевиков вообще нет, а есть только в городах и местечках, но они не занимались сельским хозяйством. Однако через несколько лет из губернии сообщили, что и здесь есть сельские чиншевики, хотя не указали их числа [309]. Во время проведения реформы вскрылась неточность этих данных. Они были взяты, очевидно, со слов помещиков. Но последние старались всячески скрыть действительное количество находившихся в их имениях чиншевиков.

Правительство во время освобождения крестьян не думало о судьбе чиншевиков. Потом царизм вынужден был решить вопрос о забытых группах сельского населения. Но чиншевики по-прежнему не привлекали к себе внимания законодателей.

До реформы помещикам было выгодно иметь чиншевиков, так как они обеспечивали их рабочей силой и денежным доходом. Когда после 1861 г. стоимость земли и арендные цены на нее стали повышаться, помещики, особенно украинских губерний, начали избавляться от чиншевиков либо повышать чинш, особенно после 1868 г., когда правительство решало вопрос об арендаторах-старообрядцах [310]. Помещики увидели в этом шаге правительства непосредственную для себя угрозу: они боялись, что может быть решен вопрос и о чиншевиках. Между тем чиншевики считали эти участки своими и не соглашались ни на повышение чинша, ни на выселение, так как это противоречило чиншевому праву, а также не желали заключать с помещиками обычные арендные договоры [311]. Тогда землевладельцы стали обращаться в суд и требовать принудительного выселения чиншевиков.

Помещики выбрали удобное время для подачи жалоб. В конце 60-х и в 70-х годах правительство стремилось заручиться их поддержкой. Поэтому в старых судах иски помещиков встретили полную поддержку. Воспользовавшись тем, что российские законы не знали чиншевых отношений, суды отказывали чиншевикам признать их право на дальнейшее пользование землей [312]. Началось

выселение чиншевиков целыми поселениями. Чиншевики оказывали сопротивление, отказываясь покидать свои дома. Тогда местные власти обратились к помощи войск. Подчиняясь вооруженной силе, арендаторы уходили с тем, чтобы после вернуться, сорвать печати и замки со своих домов и жить в них вопреки решениям судов [313]. Так развивались события на Украине, и именно они вынудили правительство заняться разработкой законов о чиншевиках.

В Белоруссии, где чиншевиков было значительно меньше, столкновения их с помещиками не приняли такого размаха. Когда управление имениями Радзивилла в Минской губ. добилось судебного постановления о выселении всех чиншевиков, последние отказались подчиниться этому решению. Они послали несколько телеграмм минскому губернатору с просьбой восстановить их законные права на землю. Не найдя защиты в суде и у местной администрации, чиншевики стали посылать ходоков в Петербург, где тщетно надеялись добиться своих прав [314].

Между тем на Украине, главным образом в Волынской губ., сопротивление чиншевиков выселению приняло к 1876 г. такие размеры, что местный губернатор поднял перед министерством внутренних дел вопрос о необходимости приостановить выселение чиншевиков и срочно решить в законодательном порядке вопрос о их поземельном устройстве. Он писал, что выселенные разорены и разбрелись по краю озлобленные, превратившись из зажиточных и благонадежных в «безусловно вредный пролетариат». Решения судов и вмешательство войск поселило в них «сильнейшее раздражение и озлобление, подрывает уважение к суду, приучает к неповиновению властям», а их разорение, предупреждал далее начальник губернии, грозит краю еще «более сильными волнениями и беспорядками, а может быть, когда-нибудь и общим единодушным взрывом» [315].

Таким образом, губернатор учитывал все возраставшее сопротивление чиншевиков и предвидел их дальнейшую судьбу, когда терять им будет больше нечего. Несомненно, учитывал он и народническое движение, которое приняло на Украине широкий размах, вылившись именно в этот период в форму «хождения в народ». Волынский губернатор Грессор опасался, что призывы

народников к бунту найдут отклик среди озлобленных на местную администрацию чиншевиков. Недаром позднее он напомнил министру так называемое «чигиринское дело» (1878 г.) и попытки народников использовать волнения и недовольство казенных крестьян для вооруженной борьбы [316].

Но в Петербурге не сразу оценили по достоинству прозорливость волынского губернатора [317]. Потребовалось новое обострение борьбы чиншевиков с помещиками в 1878 г. [318], совпавшее по времени с назреванием в стране революционной ситуации и переходом народников к террору, чтобы в правительственных кругах осознали необходимость заняться вопросом о чиншевиках [319].

Помещики потребовали признать за ними право на землю чиншевиков и соглашались уступить последним за выкуп только те наделы, которыми чиншевики владели до 1840 г. [320] Ссылаясь на формальную отмену в 1840 г. в Западном крае законов Речи Посполитой и переход на законы Российской империи, помещики пытались обезземелить чиншевиков. Принять требование помещиков значило бы лишить земли, по предварительным данным, около одной трети или половины чиншевиков [321]. Например, по Минской губ. около половины всех чиншевиков поселилось уже после 1840 г. (из 4564 дворов лишь 2604 двора сидели на земле до 1840 г.) [322]. Теперь помещики требовали не признавать заключенных с ними договоров и выселить их из имений, лишив не только земли, но и усадеб.

Но именно многочисленность чиншевиков, поселившихся на помещичьих землях уже после 1840 г., вынуждала правительство сразу же после убийства царя некоторое время сопротивляться домогательствам землевладельцев. Как говорил министр внутренних дел Толстой, сам ярый реакционер, у правительства хватит сил подавить волнения чиншевиков, «но прибегать к целому ряду военных экзекуций» он признавал «нежелательным». Кроме того, министру не хотелось, чтобы чиншевики считали, что «законы Речи Посполитой более обеспечивали их права, чем русские» [323].

В 1883—1884 гг. реакция победила во всех областях правительственной политики. И сразу же кончились разногласия между правительством и помещиками по чиншевому вопросу. Местная администрация западных гу-

берний, министры, Государственный совет и Александр III высказались в пользу предложений поместного дворянства, забыв об интересах чиншевиков и их волнениях [324].

По закону 9 июня 1886 г.[325] право на выкуп получали только те чиншевики, кто мог подтвердить документами или свидетельскими показаниями, что он сидел на земле до 1840 г. (в западных губерниях Белоруссии) или до 1831 г. (в трех восточных ее губерниях). Поселившиеся после этих сроков, но не позднее как за 10 лет до издания настоящего положения, могли воспользоваться выкупом только при наличии письменных документов о чиншевых отношениях. Лица, которые стали пользоваться землей ранее, чем за 10 лет до 1886 г., теряли право на землю. Государственный совет согласился с требованием помещиков не возвращать в имения и не признавать права на землю тех, кто был до принятия закона выселен из имения по решению суда, хотя, как уже отмечалось, суды не признавали прав чиншевиков на землю и выносили решения о их выселении независимо от наличия документов. В законе также оговаривалось, что право на землю теряли и те чиншевики, которые были выселены из имений без суда, но не опротестовали этого выселения через суд. А это означало узаконение самоуправства помещиков и нарушение ими договоров в тех случаях, когда чиншевики подчинились безропотно воле помещика и либо выехали из имений, либо заключили с ними новые контракты, но уже только на аренду земли. Таких случаев было немало. Таким образом, Государственный совет пошел почти на полное удовлетворение пожеланий помещиков, лишив большую часть чиншевиков права на выкуп земли. Чиншевые комиссии стояли на страже интересов землевладельцев. К 1898 г. по 5 северо-западным губерниям в уездные чиншевые комиссии 23 343 чиншевика подали заявления о признании права на землю. Из них помещики признали чиншевиками 5617 человек. Комиссии успели рассмотреть 21 238 заявлений, признав право на землю только в 3 479 случаях, а 17 752 человекам было отказано. Следовательно, комиссии признавали чиншевиками значительно меньше людей, чем сами помещики. В праве на землю отказали 76% чиншевиков, подавших заявления в комиссии [326]. Среди чиншевиков немало было и таких, которые не по-

давали заявлений, так как не имели необходимых документов, подтверждавших их право на землю. Таким образом, в результате реформы 1886 г. подавляющая часть сельских чиншевиков потеряла свою землю и пополнила ряды безземельного крестьянства.

В истории разработки и принятия реформы о поземельном устройстве чиншевиков отразилась вся история правительственной политики в крестьянском вопросе на западных окраинах России на протяжении почти двух десятилетий. Напуганные массовой борьбой чиншевиков и революционным движением в стране, правительство первоначально готово было идти на частичное удовлетворение справедливых требований чиншевиков. Но как только правительство почувствовало себя в силах справиться с любым их протестом, оно полностью забыло и о своих страхах и о «справедливости», встав на защиту интересов землевладельцев.

Таким образом, в правительственной политике в отношении всех разрядов сельского населения Белоруссии на протяжении пореформенного периода наблюдалась одна общая закономерность. Существовала прямая зависимость этой политики от общей политической обстановки в стране и от размаха аграрного движения отдельных категорий сельского населения. Чем сильнее был накал освободительного движения в России и упорнее борьба той или иной категории сельского населения за землю, тем на большие уступки шло правительство. Первая революционная ситуация, восстание 1863 г., участие в нем государственных крестьян и одновременное обострение борьбы помещичьих крестьян за землю привели к тому, что самодержавие пошло на отмену крепостного права и внесло изменения в общие для всей страны законы для этих разрядов населения Белоруссии. Массовое движение вольных людей из крепостных крестьян за передачу им их наделов за выкуп, совпавшее по времени с восстанием, принудило правительство пойти на частичное удовлетворение их требований.

Новый подъем крестьянского движения, волнения чиншевиков и остальных вольных людей, не подпавших под действие закона 1864 г., в годы второй революцион-

ной ситуации в сочетании с борьбой народников за крестьянские массы и их террором побудили правительство продолжить буржуазное реформирование для частновладельческих крестьян и начать разработку реформ для остальных категорий сельского населения, чьи поземельные отношения с помещиками складывались еще при феодализме.

Но, затянув на годы решение вопроса о чиншевиках, однодворцах и части вольных людей и благополучно переждав время наиболее острой борьбы народных масс, самодержавие в годы реакции отказалось от своих первоначальных проектов в отношении этих разрядов крестьян. В этот период правительство в своей крестьянской политике в угоду самой консервативной части поместного дворянства стремилось законсервировать в деревне остатки крепостничества, содействовало помещикам Белоруссии в экономическом закабалении крестьян и сидевших на помещичьих землях на протяжении веков чиншевиков, однодворцев, вольных людей. Только опасения совершенно разорить сельские народные массы и тем самым лишить государственную казну ее основных доходов да страх перед столкновением с массовым крестьянским движением вынуждали царизм ограничивать ограбление помещиками зависимого от них сельского населения Белоруссии.

Идя на отдельные уступки крестьянам, даже проводя буржуазного характера преобразования в белорусской деревне, правительство фактически стояло на страже интересов помещичьего класса. Как писал В. И. Ленин, правительство в крестьянской политике «пеклось исключительно о крепостниках-помещиках и о сохранении своего абсолютизма» [327]. Буржуазные преобразования для царизма были всего лишь предохранительными клапанами, с помощью которых он пытался избежать революционного взрыва в деревне. Как реформа 19 февраля 1861 г. обманывала крестьян «призраком обеспечения и свободы», а на деле разоряла и выдавала «с головой помещикам» [328], так и дальнейшая правительственная политика была рассчитана на дальнейший обман крестьянских масс и на защиту интересов господствующих классов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«В действиях правительства, — писал В. И. Ленин в 1907 г., — есть смысл, система, логика. Это — логика классовых интересов помещиков» [1]. Однако, отмечая защиту царизмом интересов поместного дворянства, В. И. Ленин указывал и на другую сторону в деятельности его — необходимость считаться с буржуазным развитием страны [2]. Эту ленинскую характеристику правительственной деятельности можно с полным основанием отнести и ко второй половине XIX в. Именно эти две стороны в послереформенной политике самодержавия мы и наблюдали в Белоруссии, когда рассматривали его отношение к двум антагонистическим классам-сословиям — дворянству и крестьянству. Центральным пунктом противоречий между ними являлся аграрный вопрос. По определению В. И. Ленина, его сущность «составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее» [3]. Напротив, консервативное дворянство отстаивало выгодный ему путь постепенной перестройки помещичьего хозяйства на капиталистический лад с сохранением помещичьего землевладения и консервацией других остатков крепостничества в экономике и политическом строе страны.

В борьбе между помещиками и крестьянами за прусский и американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве царизм стоял на стороне потомственного дворянства.

Уже сами условия отмены крепостного права способствовали развитию капитализма по прусскому пути с медленным перерождением феодального поместья в юнкерское и постепенным превращением закабаленного мелкого крестьянина в закабаленного батрака. На протяжении четырех пореформенных десятилетий царизм

оберегал выгодные консервативному дворянству остатки крепостничества в аграрном строе России. Это нашло отражение в защите им помещичьего землевладения как основы экономического и политического могущества потомственного дворянства. Мы видели на примере Белоруссии, как при решении вопроса о поземельном устройстве вольных людей, однодворцев, чиншевиков, старообрядцев правительство стремилось максимально сохранить дворянское землевладение. Вынужденное вносить изменения в первоначальные условия освобождения крестьян, оно, когда изменилась политическая ситуация, пыталось обходить собственные законы, дабы вернуть помещикам часть перешедшей к крестьянам земли или повысить выкупные платежи. Стремление во что бы то ни стало отстоять целостность помещичьего землевладения привело к тому, что царизм так и не сумел решить сервитутный вопрос в Белоруссии. Обеспокоенное растущим малоземельем крестьян и пытаясь как-то расширить крестьянский земельный фонд, самодержавие при этом не затрагивало помещичьего землевладения. Рассматривая поместное, в первую очередь русское, дворянство в качестве своей социальной базы, правительство не только стремилось остановить сокращение его земельного фонда и тем самым задержать его разорение, но и отпускало немалые финансовые средства и земельные фонды на расширение русского помещичьего землевладения в крае.

Другим крупным пережитком феодализма в аграрном строе Белоруссии являлись отработки, кабала крестьян. В их сохранении были заинтересованы помещики, но остатки крепостничества тяжело отражались на положении крестьян, тормозили развитие капитализма. Вопреки интересам крестьян и социально-экономическому развитию страны, царизм стремился законодательным путем закрепить существование отработок. Законы о переделах общинных земель и семейных разделах, ограничения купли-продажи и запрещение залога крестьянских наделов имели своей целью прикрепить крестьян к наделу и тем самым обеспечить помещичьи имения трудом полукабальных крестьян. Той же заботой о поместном дворянстве были продиктованы и препятствия, которые чинили крестьянам власти в переселениях на свободные земли.

В. И. Ленин, указывая на искусственное, насильственное удержание в России «крепостнических отношений, которые давно пережили себя», писал, что они *«не могли бы* продержаться ни одного дня без экзекуций, расстрелов, карательных экспедиций и т. п.»[4]. В Белоруссии царизм подавлял всякую попытку крестьян к сопротивлению, не останавливаясь перед посылкой солдат и военными экзекуциями, а в период политической реакции прибегал к телесным наказаниям. Жестоко расправлялся он и с теми, кто сознательно защищал интересы крестьянских масс, выступая за ликвидацию крепостнических пережитков путем аграрного переворота. Правительству в его борьбе с крестьянским движением помогала церковь.

Но в эпоху капитализма самодержавие не могло не считаться с буржуазным развитием страны, или, по выражению В. И. Ленина, «оберегать как-никак буржуазное развитие России»[5], даже если это шло вразрез с требованиями помещиков. В области аграрных отношений эта сторона политики царизма наиболее ярко проявилась в крестьянской реформе 1861 г. В дальнейшем она выразилась в ликвидации в 1863 г. такого пережитка крепостничества, как временнообязанные отношения, в частичном возвращении крестьянам «отрезков», в понижении выкупных платежей для крестьян Белоруссии, а в начале 80-х годов — для крестьян Могилевской губ. и белорусских уездов Витебской губ. — в частичной отмене подушной подати и в организации поземельного кредита для крестьян. Образование ипотечного сельскохозяйственного кредита и открытие обществ сельских хозяев должны были способствовать развитию помещичьего хозяйства по капиталистическому пути.

При этом крепостнические и буржуазные тенденции в политике царизма в области аграрных отношений тесно переплетались. В периоды спада революционного движения в аграрной политике правительства преобладали крепостнические черты, направленные на консервацию пережитков феодализма. В годы демократических подъемов и революционных ситуаций, пытаясь уменьшить накал аграрной борьбы в деревне, правительство отдавало предпочтение политике, которая смягчила бы для крестьян последствия сохранения пережитков крепостничества. И потому оно продолжало реформирова-

ние, начатое в 1861 г. освобождением крестьян, но при этом не затрагивало самого крупного пережитка крепостничества — помещичьего землевладения, ради сохранения которого самодержавие и шло на уступки «духу времени». Следовательно, и буржуазные преобразования, на которые самодержавие решалось лишь под напором революционной борьбы, были призваны укрепить позиции поместного дворянства, а с ним вместе и абсолютизма.

В результате царизм за 40 послереформенных лет не смог ликвидировать ни одного из противоречий в аграрных отношениях. Как указывал В. И. Ленин, «отработки и кабала слишком долго «зажились», а «процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся» [6]. Все пережитки крепостничества в аграрном строе могли быть ликвидированы лишь путем аграрного переворота, который был «завещан XIX веком XX» [7]. «1861 год породил 1905» [8], — писал В. И. Ленин.

Это переплетение консервативных и буржуазных тенденций было свойственно для царизма и тогда, когда он брался за решение политических вопросов, затрагивавших интересы дворянства. В целом для этой политики было характерно стремление укрепить политические позиции поместного, главным образом латифундиального, дворянства как основной социальной базы власти.

Однако самодержавие не собиралось делить власть с выборными дворянскими сословными представителями. Поэтому участие поместного дворянства в управлении государством могло выражаться лишь в их влиянии на правительство через свои сословные учреждения и выборных сословных представителей, входивших в местные административные органы, через чиновников — выходцев из того же дворянства; это участие в управлении государством выражалось и в обсуждении дворянскими собраниями или их представителями готовившихся проектов законов [9].

Как и при решении вопросов, связанных с аграрными отношениями, царизм в политических вопросах не мог полностью игнорировать нужд буржуазного развития страны. Отсюда проводимые им буржуазные реформы 60—70-х годов. И в политических уступках самодержавия наблюдалась та же закономерность, что и в его аграрной политике. Все они были вырваны революционной

борьбой масс. В периоды затишья освободительного движения и некоторой стабилизации положения российского абсолютизма правительство отдавало предпочтение политике, направленной на консервацию остатков крепостничества в политическом строе страны.

Особенности политики царизма в Белоруссии были связаны с национальной и социальной неоднородностью местного господствующего класса. Недоверие к польскому дворянству и желание оградить интересы русских помещиков имели своим следствием стремление царизма уменьшить роль и влияние польского дворянства на политическую жизнь края. Это направление в политике царизма особенно откровенно проявлялось в период восстания 1863 г., а также отчасти и в годы политической реакции при Александре III.

С окончательным отходом шляхты от освободительного движения и под влиянием революционно-демократического движения в стране, в том числе и в Белоруссии, когда царизм стремился в борьбе с последним объединить все охранительные силы в государстве, самодержавие пошло на союз с польским поместным, главным образом крупным, дворянством. Следствием его был ряд уступок польским помещикам, в первую очередь экономического характера.

Неоднородность национального состава местного дворянства и прошлая причастность польской части его к национально-освободительному движению использовались царизмом для того, чтобы не вводить или существенно ограничить не только бессословные, буржуазные, но и чисто сословные, дворянские учреждения, которые во внутренних губерниях России своими действиями или решениями вызывали недовольство правительства, пытаясь ограничить самодержавие и местную бюрократию представительными учреждениями. В результате на протяжении второй половины XIX в. в Белоруссии не были открыты земские учреждения, а судебные уставы 1864 г. были введены лишь после их существенных ограничений. Даже дворянские сословные представители были лишены выборности, а сами дворянские собрания закрыты. В связи с этим уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что самодержавие готово было идти на прогресс технический, в весьма незначительных случаях — на прогресс общественный и «в совершенно исключитель-

ных случаях и в совершенно миниатюрных размерах» при царизме возможен «прогресс политический» [10]. И на примере социальной политики царизма в Белоруссии мы наблюдали, насколько противился он всяким политическим уступкам даже в пользу своего «первого сословия», хотя и готов был поддержать местных помещиков экономически.

Однако некоторые отступления царизма в аграрной политике от требований дворянства, ограничения его сословного представительства, эпизодическое использование им в борьбе с повстанцами 1863 г. ненависти белорусских крестьян к помещикам не меняли классовой сущности самодержавия и его политики, стоявшей и в Белоруссии на страже интересов в первую очередь поместного дворянства. Ф. Энгельс в свое время писал: «В виде исключения встречаются... периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними» [11]. Именно в такие моменты наивысшего подъема аграрной борьбы в деревне и революционного движения самодержавие ради удержания власти и сохранения своей социальной базы — дворянства отступало от требований последнего и делало уступки крестьянам и буржуазному развитию страны.

Отстаивая интересы консервативного поместного дворянства, правительство было вынуждено иногда в определенных вопросах и поступаться интересами отдельных групп господствующих классов ради сохранения самодержавия. Подчеркивая связь самодержавия с господствующими классами, В. И. Ленин в то же время возражал против безоговорочного утверждения о том, что «самодержавие представляет интересы исключительно господствующих классов». Он указывал, что оно «удовлетворяет *известные* интересы господствующих классов» и в то же время представляет собой, «до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу» [12]. Именно такой «до известной степени» самостоятельной силой выступал царизм, когда в борьбе с повстанческим движением использовал белорусских крестьян и в тот же период отказался от применения военной силы в борьбе с аграрным движением в белорусской деревне.

Максимально удовлетворяя в годы реакции требования поместного дворянства в крестьянском вопросе, самодержавие ради собственного благополучия заботилось и об экономическом положении крестьянства Белоруссии, от которого зависело финансовое положение царизма. Это вынуждало правительство иногда отступать от требований своего «первого сословия». И здесь власть выступала «до известной степени» в качестве самостоятельной силы.

Такой же силой она выступала и отстаивая неограниченность самодержавия, когда отклоняла ходатайство дворян Белоруссии о введении земств, новых судебных учреждений, восстановления выборности дворянских сословных представителей.

Но в конечном счете и в подавлении восстания, и в ослаблении аграрной борьбы в белорусской деревне, и в укреплении финансового положения царизма, и в незыблемости самодержавия было в не меньшей степени, чем царизм, заинтересовано все поместное дворянство Белоруссии независимо от его национальной принадлежности. Поэтому даже в тех случаях, когда действия царизма вызывали недовольство той или иной группы поместного дворянства, он действовал в конечном итоге в интересах господствующего класса. Поэтому-то «самостоятельность» царизма относительна, а его феодальная природа неизменна. Она ярко проявлялась в отстаивании им экономических и политических привилегий дворянства, в защите полукрепостнических форм эксплуатации белорусских крестьян и их национального угнетения.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

1 История СССР, 1968, № 2, 4, 5; 1969, № 1, 3; 1970, № 1, 4; 1971, № 1, 2, 3, 4; 1972, № 4; 1977, № 2; Вопросы истории, 1968, № 5; 1971, № 7; 1976, № 5; Советское государство и право, 1970, № 6; 1973, № 1.
2 История СССР, 1969, № 3, с. 3—4.
3 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.
4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.
5 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 202—203.
6 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.
7 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 61.
8 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 278.
9 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 121, 165—166.
10 Там же, с. 165, 174.
11 Там же, с. 401.
12 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 215.
13 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 231.
14 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 118.
15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 179.
16 Там же, с. 173.
17 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 333—334.
18 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.
19 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 420—421.
20 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.
21 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.
22 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 209.
23 Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае.— Спб., 1908 и др.
24 Миловидов А. И. Деятельность гр. М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае.— Журнал министерства народного просвещения, 1905, № 7 и др.
25 Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. Историческая справка.— М., 1898; Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет, т. 1—4.— Спб., 1909—1911; Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление.— Спб., 1903; Филиппов М. А. Судебная реформа в России, т. I—II.— Спб., 1871—1875; Гессен И. В. Судебная реформа.— Спб., 1905 и др.
26 Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.— М., 1958; Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России.— Л., 1972; Брусникин Е. М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в.— Вопросы истории, 1965, № 1; он же. Подготовка закона 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости крестьянских земель.— Уче-

ные записки Горьковского государственного университета. Сер. ист.-филолог., 1964, вып. 72, т. 1; Симонова М. С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в.— История СССР, 1963, № 1 и др.

[27] Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в.— Л., 1973; Корелин А. П. Институт предводителей дворянства. О социальном и политическом положении дворян.— История СССР., 1978, № 3; он же. Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.).— Исторические записки, т. 87, 1971; он же. Российское дворянство и его сословная организация (1861—1904 гг.).— История СССР, 1971, № 5.

[28] Виленский Б. В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России.— Саратов, 1963; Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г.— М., 1957; Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г.— М., 1968; Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х гг. XIX в. Лекции по спецкурсу.— Горький, 1974; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов.— М., 1964; он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия.— М., 1970; Валк С. Н. Внутренняя политика конца 70—90-х годов XIX в.— В кн.: История СССР. С древнейших времен до наших дней, т. V.— М., 1968; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.— Л., 1978.

[29] Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии.— Мн., 1958; Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии.— М., 1965.

[30] Фридман М. Б. Реализация реформы 1861 г. в Минской губ.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г.— Мн., 1964; она же. Изменение площади крестьянского надельного землевладения в белорусских имениях кн. Витгенштейна при реализации реформы 1861 г.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г.— Вильнюс, 1965; Шпаков М. Ф. Реализация реформы в Могилевской губ.— Там же.

[31] Полонский А. В. Отношение царского правительства к вопросу о пастбищных сервитутах в Белоруссии.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961.— Рига, 1963, и др.

[32] Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.).— Мн., 1971; Панютич В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии 1861—1914. Мн., 1969; он же. Помещичье землевладение в Белоруссии во второй половине XIX в.— В кн.: Проблемы аграрной истории (XIX — 30-е годы XX в), ч. II.— Мн., 1978.

[33] Из истории крестьянства Белоруссии.— Мн., 1978.

[34] Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.).— Мн., 1978.

[35] Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии.— М., 1963.

[36] Белевич Ф. Р. Ограничение принципов судебной реформы 1864 г. и введение земских начальников в Белоруссии; он же. Судебная реформа 1864 г. и политика русского самодержавия по отношению к лицам польского происхождения.— В кн.: Мате-

риалы к IX конференции молодых ученых. Общественные науки.— Мн., 1964.

[37] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 11, л. 18—18об. Западными губерниями (Западным краем) в правительственных документах назывались Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская, Киевская, Волынская и Подольская. Северо-западными губерниями (Северо-Западным краем) назывались Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская, Виленская и Ковенская. В современную Белоруссию вошли бывшие Минская, Могилевская губернии, Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский уезды Виленской губ., Гродненский, Брестский, Волковысский, Кобринский, Пружанский, Слонимский уезды Гродненской губ., Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Полоцкий уезды Витебской губ.

[38] Центральный государственный исторический архив Литовской ССР (ЦГИА ЛитССР), ф. 378. Виленское генерал-губернаторство состояло из Ковенской, Виленской и Гродненской губерний. В связи с восстанием 1863 г. к нему временно присоединили Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии. Виленскими генерал-губернаторами были: В. И. Назимов (1855—1863), М. Н. Муравьев (1863—1865), К. П. фон Кауфман (1865—1866), Э. Т. Баранов (1866—1868), А. Л. Потапов (1868—1874), П. П. Альбединский (1874—1880), Э. И. Тотлебен (1880—1884), И. С. Каханов (1884—1892), П. В. Оржевский (1893—1897).

[39] Центральный государственный исторический архив БССР в Минске (ЦГИА БССР, Минск), ф. 295, ф. 1430; Центральный государственный исторический архив БССР в Гродно (ЦГИА БССР, Гродно), ф. 1.

[40] Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР), ф. 109.

Глава 1

[1] Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, с. 92.

[2] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 349, л. 2об.

[3] Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа).— М., 1973, с. 103.

[4] Там же, с. 104.

[5] Тальвирская З. Я. К вопросу о социальном облике мелкого дворянства в 1860-х годах.— В кн.: Историко-социологические исследования.— М., 1970; с. 200.

[6] Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, с. 33.

[7] Там же, с. 34.

[8] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 365, л. 96—97.

[9] Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии, с. 67—100.

[10] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 161, л. 1—7.

[11] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1863 г., д. 178, л. 22—25.

[12] Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края, ч. I.— Вильна, 1913, с. 328—329, 423.

[13] ЦГАОР СССР, ф. 109, I эксп., оп. 7, 1861 г., д. 433, л. 41—42.
[14] ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 3; Революционный подъем в Литве и Белоруссии. 1861—1862.— М., 1964, с. 532—534.
[15] ЦГИА ЛитССР, ф. 439, оп. 20, д. 1320—1322, т. 1, л. 292; Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 559.
[16] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 204.
[17] Фалькович С. М. Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX в.— М., 1966, с. 12—13.
[18] Среди лиц, участвовавших в восстании в Белоруссии, помещики составляли 16,5%. Из них только 16,1% состояли в отрядах и революционных организациях. 16,1% арестованных оказались непричастны к восстанию и были освобождены. Остальные арестованные помещики либо содействовали восстанию либо ему сочувствовали (Байкова С. М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии.— В кн.: Историко-социологические исследования.— М., 1970, с. 230, 240).
[19] Восстание в Литве и Белоруссии. 1863—1864 гг.— М., 1965, с. 17—18, 43.
[20] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 207, л. 103.
[21] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 351, л. 20, 32; Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 602—604; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1859 г., д. 38, л. 42.
[22] ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 2, д. 576, л. 10об.
[23] Бобровский П. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губ., ч. I.— Спб., 1861, с. 731.
[24] Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, с. 92.
[25] ПСЗ, 2 собр., т. VI, № 4689.
[26] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 349, л. 12об.
[27] Тальвирская З. Я. К вопросу о социальном облике мелкого дворянства в 1860-х годах, с. 200.
[28] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 349, л. 7.
[29] Байкова С. М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии, с. 230, 240.
[30] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 140—144.
[31] ЦГИА ЛитССР, ф. 439, оп. 18, д. 121, л. 18—21.
[32] ЦГИА ЛитССР, ф. 1248, оп. 1, д. 285, л. 11об.
[33] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 147.
[34] Восстание в Литве и Белоруссии, с. 18.
[35] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 147.
[36] Там же, с. 147—148.
[37] Восстание в Литве и Белоруссии, с. 8.
[38] Там же.
[39] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 318; ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 2, д. 576, л. 10об.
[40] ЦГАОР СССР, ф. 109, I эксп., оп. 7, 1862 г., д. 407, л. 3.
[41] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 318; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 909, л. 5об.
[42] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 484.
[43] Там же, с. 78.
[44] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 41—42об.
[45] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVII, № 38563; т. XXXVI, № 37328; т. XXXVIII, № 39169.

[46] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVI, № 37327, 37370; т. XXXVIII, № 39154.
[47] Восстание в Литве и Белоруссии, с. 95—98.
[48] Там же.
[49] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, отд. 1, № 39540.
[50] Секвестр накладывался на сосланных административным путем. Имение переходило в управление министерства государственных имуществ, доход с них поступал в государственное казначейство. В случае возвращения владельца имение ему возвращалось.— Там же, № 39377.
[51] Архивные материалы Муравьевского музея..., ч. I, с. 296—297.
[52] Там же, с. 299—300.
[53] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, № 39354, 40427.
[54] Там же, № 40366, 40427; т. XXXIX, № 41066.
[55] Там же, т. XXXVIII, № 39935.
[56] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 307, 308, 316—317; Восстание в Литве и Белоруссии, с. 5—8.
[57] ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 2, д. 576, л. 10 об.; Архивные материалы Муравьевского музея..., ч. I, с. 299—300.
[58] Четыре политические записки гр. М. Н. Муравьева-Виленского.— Русский архив, 1885, № 6, с. 186.
[59] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел, т. I.— М., 1961, с. 239.
[60] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 207, л. 3.
[61] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 46, л. 52—52об.
[62] Там же, л. 15 об.
[63] ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 32541, л. 2 об-3.
[64] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 912, л. 29; д. 550, л. 11.
[65] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 46, л. 15 об.
[66] ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 2, д. 576, л. 5об.
[67] Голос минувшего, 1913, № 9, с. 259.
[68] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 113—113об.
[69] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 907, л. 53об.
[70] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1867 г., д. 147, л. 23.
[71] Там же, л. 27.
[72] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 328, л. 11—13об.
[73] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 120об.
[74] Голос минувшего, 1913, № 10, с. 203—204.
[75] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 28, л. 41—43, 48—54.
[76] Там же, л. 41—45.
[77] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 157, л. 4—7об.
[78] ПСЗ, 2 собр., т. XL, II отд., № 42759.
[79] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 125, л. 9—10; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 592, л. 1.
[80] Сборник узаконений и распоряжений по землевладению в западных губерниях.— К., 1895, с. 118.
[81] Там же.
[82] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, № 39463.
[83] Миловидов А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений.— Вильна, 1904, с. 13.
[84] ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. т. VI, 1865 г., д. 385, л. 3об; ПСЗ, 2 собр., т. XL, № 42589.
[85] ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. т. VI, 1865 г., д. 385, л. 26об.
[86] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1864 г., д. 1652, л. 22—25.

[87] Там же, л. 199—200; ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. т. VII, 1868 г., д. 373, л. 2—5; ПСЗ, 2 собр., т. XL, № 42200.
[88] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 62об.
[89] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1864 г., д. 1652, л. 201—202.
[90] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 346, л. 17об.
[91] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 27, л. 107.
[92] ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. т. VII, 1868 г., д. 373, л. 2—2об.
[93] ПСЗ , 2 собр., т. XXXIX, № 41299.
[94] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1968, л. 4—87.
[95] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 910, л. 24—24об.
[96] Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае.— Вильна, 1870, с. 16—17, 42.
[97] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 328, л. 11—13.
[98] ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 1, д. 1834, л. 8об., 12, 10об.
[99] Там же, л. 11об.
[100] Четыре политические записки гр. М. Н. Муравьева-Виленского, с. 198.
[101] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2, д. 10, л. 408об.
[102] Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям.— Спб., 1864.
[103] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 241, 1868 г., д. 61, л. 76.
[104] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2, д. 8, л. 363.
[105] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1731, л. 52—53.
[106] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 11, 1871 г., д. 108, л. 33.
[107] Архивные материалы Муравьевского музея..., ч. I, с. 299—300.
[108] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 26, л. 217—221об.
[109] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1865 г., д. 3142, л. 276—278.
[110] Голос минувшего, 1913, № 10, с. 200—201.
[111] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 133, л. 242—242об.
[112] Там же, л. 247—260.
[113] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1864 г., д. 116, л. 2об—3.
[114] Панютич В. П. К вопросу о поземельной политике царизма в Белоруссии во второй половине XIX в., с. 44—59.
[115] Голос минувшего, 1913, № 10, с. 203—204.
[116] ПСЗ, 2 собр., т. XL, II отд., № 42759.
[117] Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае, с. 19—22.
[118] Там же, с. 42.
[119] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 1, л. 1.
[120] Там же, л. 2.
[121] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 912, л. 7об.
[122] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел, т. II.— М., 1961, с. 412—413.
[123] ПСЗ, 2 собр., т. XLII, дополнение, № 42328а, 44388а.
[124] Там же, № 42328а; т. XXXIX, № 40656а.
[125] Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае, с. 16, 19.
[126] Панютич В. П. К вопросу о поземельной политике царизма в Белоруссии во второй половине XIX в., с. 53.
[127] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 384, л. 28об.—29. По другим данным, с 1865 по 1870 г. в Минской, Гродненской, Витебской и Виленской губерниях численность русских помещиков увеличилась с 1458 до 2433 человек, а площадь их владений выросла

с 1 843 484 до 3 669 341 дес. (Военно-статистический сборник, вып. IV. Россия.— Спб., 1871, с. 193).

[128] В 5 белорусских губерниях этот процент был несколько выше, так как из 13 601 помещика-поляка 5849 человек проживало в Ковенской губ. (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 384, л. 29).

[129] По утверждению министра государственных имуществ, ради упрочения «русского начала» в западных губерниях правительство продало там около 500 тыс. дес. земли, стоивших 20 млн. руб., лишь за 7 млн. руб. (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 594, л. 1).

[130] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях. 1863—1864. Сост. Н. Цылов.— Вильна, 1866, с. 73—74.

[131] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 4—4об.

[132] ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, № 40582, 40775а, 40806, 41035, 41236, 40655.

[133] Там же, т. XLII, дополнение, № 42328а.

[134] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 1, л. 2.

[135] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1867 г., д. 3267, л. 147об—148.

[136] ПСЗ, 2 собр., т. XLII, дополнение, № 42328а.

[137] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1864, л. 83об.—84, 166.

[138] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, 1 д-во, 1904 г., д. 41, л. 81.

[139] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 120—120об.

[140] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1864, л. 144—163.

[141] Миловидов А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений, с. 24—25.

[142] Там же, с. 13.

[143] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 62об.

[144] Миловидов А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений, с. 27—28.

[145] ЦГИА БССР (Минск), ф. 458, оп. 1, д. 16, л. 15; ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. т. VII, 1868 г., д. 373, л. 6—6об.; ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. т. VI, 1865 г., д. 385, л. 2.

[146] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 279, л. 173об., 178 и др.

[147] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 84—84об.

[148] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1868 г., д. 354, л. 1—28об.; ЦГИА СССР, ф. 1151, оп. т. X, 1884 г., д. 55, л. 4—106.

[149] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 84об.—85.

[150] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1884 г., д. 4398, л. 82.

[151] Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии (70-е—начало 80-х годов XIX в.).— Мн., 1972, с. 87.

[152] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 91.

[153] Дневник П. А. Валуева, т. II, с. 78.

[154] ПСЗ, 2 собр., т. XLI, отд. I, № 43298.

[155] Там же.

[156] ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 32740, л. 1—2.

[157] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 395, л. 31об.—32.

[158] Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг.— Мн., 1962, с. 38—49.

[159] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 152.

[160] Гісторыя Беларускай ССР, т. 2.— Мн., 1972, с. 74.

161 Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 32.
162 Панютич В. П. Помещичье землевладение в Белоруссии во второй половине XIX в.— В кн.: Проблемы аграрной истории (XIX — 30-е годы XX в.), ч. II.— Мн., 1978, с. 74.
163 Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, с. 79—81.
164 Панютич В. П. Помещичье землевладение в Белоруссии во второй половине XIX в., с. 73; Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 28.
165 Панютич В. П. Помещичье землевладение в Белоруссии во второй половине XIX в., с. 69.
166 Экономика Белоруссии в эпоху империализма.— Мн., 1963, с. 14.
167 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 328.
168 Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии, с. 86.
169 ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 2, д. 713, л. 53.
170 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 915, л. 50.
171 Там же, д. 1224, л. 104.
172 Имеется в виду частичный возврат «отрезков» обезземеленным крестьянам, сохранение сервитутов, пересмотр уставных грамот, запрещение сгонять с помещичьих земель арендаторов-старообрядцев и др.
173 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 1955, л. 3.
174 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1863 г., д. 178, л. 35об., 37, 37об.
175 ЦГАОР СССР, ф. 109, 4 эксп., 1864 г., д. 185, л. 6об.
176 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 905, л. 47об.—48.
177 Там же, д. 907, л. 62об.—63.
178 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 1955, л. 2—2об.
179 ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 33375, л. 24об.—25; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 7, 1867 г., д. 5, ч. 4, л. 18—23об.; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 1955, л. 42об., 39об.
180 ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 33375, л. 24об.
181 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 1955, л. 7об.
182 Там же, л. 38, 40об.
183 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 2551, л. 111—111об., 114.
184 ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 33375, л. 85об.
185 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 1955, л. 111—111об.; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 909, л. 4.
186 ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 33375, л. 26об.
187 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 1955, л. 7—7об., 36.
188 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 111об.—112.
189 ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 2, д. 713, л. 1—53.
190 ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2, д. 21, л. 70об.—75; ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. арх., оп. 2, д. 713, л. 1—53; оп. 3, д. 2171, л. 1—3; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 106.
191 ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1871 г., д. 99, л. 1об.
192 ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1871 г., д. 99, л. 1об.; 1 эксп., оп. 7, 1867 г., д. 5, ч. 4, л. 7—7об.; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 375, л. 21об.; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 907, л. 57; ПО, 1866 г., д. 259, л. 21; 1867 г., д. 147, л. 20об.; ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 32775, л. 1.
193 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 46, л. 52—52об.

[194] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 111.
[195] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 43об.
[196] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 113—114.
[197] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 43об.
[198] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 114.
[199] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 391, л. 172.
[200] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 375, л. 32—33, 48, 61—62 и др.
[201] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, л. 395, л. 31об.—32. О том, что «смуты молодого поколения» не находят в среде дворян северо-западных губерний «ни малейшего отголоска», доносил виленский генерал-губернатор (ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 171—172об.).
[202] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 177об.
[203] Троицкий Н. А. Процесс «193-х».— В кн.: Общественное движение в пореформенной России.— М., 1965, с. 316—317.
[204] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 175об.—176.
[205] ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1877 г., д. 75, л. 5.
[206] Там же, л. 7.
[207] Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 70—80-х годов, с. 220.
[208] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 367, л. 113—114об.
[209] Там же.
[210] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 391, л. 72—87.
[211] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1884 г., д. 4398, л. 84.
[212] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 378, л. 13—16об.; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 107—109; д. 625, л. 55.
[213] ПСЗ, 2 собр., т. XLIV, № 46807; т. XLV, № 49091; ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1828, л. 48об.; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 173, л.93.
[214] ПСЗ, 3 собр., т. XVII, № 13899.
[215] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1673, л. 63об.—64, 78.
[216] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 476, л. 8.
[217] Там же, л. 9—9об.
[218] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 107—109.
[219] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 391, л. 245—253.
[220] Там же, д. 403, л. 191об.
[221] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1884 г., д. 4398, л. 86.
[222] Там же, л. 83.
[223] Там же, л. 83об.
[224] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 76—77.
[225] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 594, л. 3—3об.
[226] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 39, 1893 г., д. 77, л. 3об.
[227] Корелин А. П. Институт предводителей дворянства. О социальном и политическом положении дворян, с. 48.
[228] Корелин А. П. Российское дворянство и его сословная организация, с. 57, 74—76.
[229] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 26.
[230] Корелин А. П. Российское дворянство и его сословная организация, с. 75—76.
[231] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 35.
[232] Там же, с. 64.
[233] Там же.
[234] Там же.
[235] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. VIII, 1874 г., д. 46, л. 191, 253об.

[236] ПСЗ, 2 собр., т. XLV, II отд., № 49091.
[237] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 354, л. 2—4.
[238] Там же, л. 4.
[239] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 5.
[240] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 354, л. 2.
[241] ПСЗ, 2 собр., т. XLI, № 43532; т. XLIII, № 45736, 46263, 46336, 46415, 46416; т. XLVI, № 49441.
[242] ПСЗ, 2 собр., т. XLIV, № 47251, 47608; т. XLV, № 49062.
[243] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 356, л. 6об.—24.
[244] ПСЗ, 2 собр., т. XLII, № 44601.
[245] Там же, № 44923.
[246] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 267, л. 214об.; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, л. 625, л. 9—9об.
[247] ПСЗ, 2 собр., т. XLVIII, № 52255.
[248] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 356, л. 36об.—38; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 15.
[249] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 15.
[250] Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 183—184; ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 59025; т. LIV, № 59476.
[251] Корелин А. П. Институт предводителей дворянства. О социальном и политическом положении дворян, с. 31—48.
[252] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 100.
[253] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1866 г., д. 334, л. 56, 77.
[254] Там же, л. 256.
[255] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. X, 1888 г., д. 41, л. 2—3.
[256] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 215.
[257] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. X, 1888 г., д. 41, л. 2—3.
[258] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. VIII, 1876 г., д. 11, л. 19.
[259] ПСЗ, 2 собр., т. XLVI, № 49750; т. XLVII, № 50607, 50642, 50675.
[260] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. VIII, 1871 г., д. 28, л. 257.
[261] Там же, л. 15об., 16.
[262] Белевич Ф. Р. Ограничения принципов судебной реформы 1864 г. и введение земских начальников в Белоруссии, с. 91.
[263] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. VIII, 1876 г., д. 11, л. 2об.
[264] ПСЗ, 2 собр., т. LII, № 57589.
[265] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. VIII, 1876 г., д. 11, л. 23—23об.
[266] ПСЗ, 2 собр. т. LII, № 57589.
[267] Там же.
[268] ПСЗ, 3 собр., т. II, № 1166; т. III, № 1823, 1842.
[269] ЦГИА СССР, ф. 1263 оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 172об.— 173об.
[270] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 248, л. 36об.
[271] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 17об.
[272] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1731, л. 52—53.
[273] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 21—22.
[274] ПСЗ, 2 собр., т. XLIV, № 47307.
[275] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 151об.—152.
[276] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2, д. 17, л. 23—37; д. 20, л. 211.
[277] Там же, д. 6, л. 54об.
[278] Там же, л. 54об.—55.
[279] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 4, д. 260, л. 2—29.
[280] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 20, 1880 г., д. 195, л. 1.
[281] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 20, 1881 г., д. 314, л. 1об.

[282] ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 4, д. 260, л. 21—29; д. 548, л. 4.
[283] Там же.
[284] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 3670, л. 30—30об., 33—40.
[285] Там же, л. 43.
[286] ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 2816, л. 24.
[287] ПСЗ, 3 собр., т. 1, № 118.
[288] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 46.
[289] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 295.
[290] Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 172.
[291] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 350.
[292] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1887 г., д. 4608, л. 100—101об.
[293] Виленский вестник, 1885, 19 июня.
[294] ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2882.
[295] ПСЗ, 3 собр., т. II, № 834. Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1882, № 43.
[296] ПСЗ, 3 собр., т. VII, № 4286.
[297] Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века, с. 201—212.
[298] Виленский вестник, 1885, 28 янв.; 7 февр.
[299] Виленский вестник, 1885, 29 янв.
[300] Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 63.
[301] Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 366—400.
[302] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 39, 1893 г., д. 37, л. 2.
[303] Там же, л. 13об.
[304] Там же, л. 15—17.
[305] Там же, л. 1, 13, 15—17, 22, 31.
[306] Там же, л. 1; Белевич Ф. Р. Ограничение принципов судебной реформы 1864 г. и введение земских начальников в Белоруссии, с. 93—96.
[307] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 39, 1893 г., д. 37, л. 2.
[308] Там же, л. 2об.
[309] Там же, л. 3—11об.
[310] ПСЗ, 3 собр., т. XX, № 18854.
[311] Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 117—138.
[312] Зайончковский П. А. Кризис царизма на рубеже 1870—1880-х годов, с. 338.
[313] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1884 г., д. 142, л. 18.
[314] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 488, л. 18об.
[315] Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати).— Мн., 1976, с. 34.
[316] Виленский вестник, 1884, 15 марта, 12 сент.
[317] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 488, л. 62.
[318] Виленский вестник, 1884, 11 февр.
[319] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 38, 1885 г., д. 20, л. 49—50об.
[320] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, 1 д-во, 1904 г., д. 41, л. 106.
[321] Там же, л. 3.
[322] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1885 г., д. 266, л. 1—2, 8—12, 15.
[323] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1886 г., д. 4516, л. 692—698.

[324] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1885 г., д. 266, л. 18—18об.
[325] Там же, л. 69об.—70.
[326] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1883 г., д. 925, л. 1—9.
[327] Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г.
[328] Виленский вестник, 1885, 5 июля; 8 авг.
[329] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 440, л. 182об.
[330] Там же, л. 214—291.
[331] ПСЗ, 3 собр., т. IV, № 2633.
[332] ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3985.
[333] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 34, 1897 г., д. 91, л. 1—4.
[334] ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, 1 д-во, 1904 г., д. 41, л. 73—78.
[335] Панютич В. П. К вопросу о поземельной политике царизма в Белоруссии во второй половине XIX в., с. 58—59.
[336] Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века, с. 193.

Глава 2

[1] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1864 г., д. 2161, л. 9об.—10.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 194.
[3] Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии, с. 115—154.
[4] Фридман М. Б. Крестьянское движение в Белоруссии в годы революционной ситуации.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.— М., 1963, с. 265—271.
[5] Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии, с. 131.
[6] Фридман М. Б. Крестьянское движение в Белоруссии в годы революционной ситуации, с. 271.
[7] Там же.
[8] Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. 2.— М., 1931, с. 28.
[9] Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии, с. 151; Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел.— М.—Л., 1950, с. 285—287.
[10] Байкова С. М. Аграрный вопрос в восстании 1863 г. в Белоруссии.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г.— Вильнюс, 1965, с. 45—60.
[11] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 7, 1861 г., д. 30, ч. 1, л. 94; д. 443, л. 35—40.
[12] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 405—406, 413—416, 418—420.
[13] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 459.
[14] Там же, с. 208.
[15] Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии, М., 1963, с. 91—103.
[16] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 316.
[17] Там же.
[18] Там же, с. 5, 6.
[19] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 12, л. 87—101; Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии, с. 153.
[20] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 121, л. 113.
[21] ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 12, л. 125—126.

[22] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 37.
[23] ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 219, д. 98, л. 13—14; Минские губернские ведомости, 1863, 8 февр.
[24] Байкова С. М. К вопросу об участии крестьян Белоруссии в восстании 1863 г.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.— Рига, 1963, с. 422—434.
[25] Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг., с. 76.
[26] ЦГИА ЛитССР, ф. 439, оп. 19, д. 416, л. 9—10; д. 4781, л. 191—192, 199—200; д. 307, л. 11об.; ЦГИА БССР (Минск), ф. 296, оп. 1, д. 32, л. 16—18.
[27] ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 52183, л. 181—182; ЦГИА ЛитССР, ф. 438, оп. 1, д. 106, л. 651 и др.
[28] Восстание в Литве и Белоруссии, с. 505.
[29] Дневник П. А. Валуева, т. I, с. 220.
[30] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 308.
[31] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 974, оп. 1, д. 13, л. 226.
[32] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 31, л. 116а—116б.
[33] ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 13, д. 1393, л. 14.
[34] Там же, л. 10об.
[35] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, № 39542.
[36] Архивные материалы Муравьевского музея..., ч. I, с. 288—289.
[37] ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 31225, л. 7—7об.
[38] Архивные материалы Муравьевского музея..., ч. I, с. 292—293.
[39] Революционный подъем в Литве и Белоруссии, с. 6, 8.
[40] Там же, с. 306—308.
[41] Там же, с. 316—320.
[42] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1863 г., д. 38, л. 3.
[43] Восстание в Литве и Белоруссии, с. 5—7.
[44] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1863 г., д. 38, л. 3.
[45] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, отд. I, № 39337.
[46] Байкова С. М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии, с. 251, 252.
[47] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1863 г., д. 21, л. 12.
[48] ЦГАОР СССР, ф. 109, 4 эксп., 1863 г., д. 190, л. 14—14об.
[49] Восстание в Литве и Белоруссии, с. 475.
[50] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 132, л. 322—324.
[51] Там же, л. 316—318; Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы, с. 371.
[52] Дневник П. А. Валуева, т. I, с. 253.
[53] ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, отд. 2, № 40172.
[54] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 132, л. 322—324.
[55] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1875, г., д. 9б, л. 118—118об.
[56] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 195, л. 9—11об.
[57] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 171, л. 2об.—3.
[58] Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае.— Вильна, 1864, с. 64—66.
[59] Там же, с. 77—78. В Виленской, Гродненской и Минской губерниях получили наделы 20 603 двора безземельных крестьян, из них 7462 двора по 3 дес. на семью (Рихтер Д. Материалы по вопросу о поземельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России.— Вестник финансов, промышленности и торговли, 1900, № 39, с. 590—591).

60 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1863 г., д. 178, л. 35об., 37, 40.
61 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 133, л. 362—362об.
62 В белорусских уездах Виленской, Гродненской губерний, Дриссенском уезде Витебской губ., Минской губ. сервитутами пользовались 88,1 тыс. крестьянских дворов, или 56% хозяйств, наделенных землей (Панютич В. П. Помещичье землевладение в Белоруссии во второй половине XIX в., с. 76).
63 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1869 г., д. 105, л. 2—3; оп. 2, д. 133, л. 369об.—370.
64 ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, № 39612.
65 Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России.— М., 1968, с. 247—248.
66 Архивные материалы Муравьевского музея..., ч. I, с. 275—276.
67 Гісторыя Беларускай ССР, т. 2, с. 40.
68 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.
69 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 312.
70 Гісторыя Беларускай ССР, т. 2, с. 90.
71 Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 23.
72 Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, с. 165.
73 Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 26.
74 Там же, с. 77.
75 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 432.
76 Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России, с. 307.
77 Чернушевич П. И. Крестьянское движение в Белоруссии в пореформенный период (60—70-е гг. XIX в.).— Ученые записки. Минск, пед. ин-т, 1957, вып. VIII, с. 102.
78 Там же, с. 90—92.
79 ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 7, 1867 г., д. 5, ч. 4, л. 17об.
80 Могилевские губернские ведомости, 1867, 22 июля.
81 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 907, л. 60.
82 Там же, д. 913, л. 88об.; д. 907, л. 60, 67об.
83 Чернушевич П. И. Крестьянское движение в Белоруссии в пореформенный период, с. 90—91.
84 Там же.
85 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1864 г., д. 2161, л. 8.
86 Там же, л. 8—9.
87 Там же, л. 12об.
88 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 133, л. 214—216.
89 ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, № 40715.
90 Там же, № 40942.
91 Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863—1864, с. 23—24.
92 ЦГИА ЛитССР, ф. 385, оп. 1, д. 2в, л. 60—62.
93 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 133, л. 101—103.
94 ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 7, 1867 г., д. 5, ч. 4, л. 18об.
95 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 133, л. 101—103.
96 Там же, л. 104—105.
97 Там же.

98 Там же, л. 98—119 об.
99 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 367, л. 27—28.
100 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 38, 1883 г., д. 28, л. 51—52; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 907, л. 63—63 об.
101 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1868 г., д. 61а, л. 17—17 об.
102 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1869 г., д. 171, л. 29 об.
103 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1867 г., д. 30, л. 138.
104 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1868 г., д. 61а, л. 19—21.
105 Там же, л. 19—20.
106 Там же, л. 241 об.
107 Там же.
108 Там же, л. 245 об.
109 Там же, л. 286—286 об.
110 ПСЗ, 2 собр., т. XLIV, № 46901.
111 Виленские губернские ведомости, 1869, 29 авг.
112 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 143, л. 144 об.— 145; ПСЗ, 2 собр., т. XLIV, № 47690.
113 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 267, л. 218—218 об.
114 ЦГАОР СССР, ф. 109, 4 эксп., 1865 г., д. 190, л. 15 об.
115 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.
116 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1866 г., д. 46, л. 17.
117 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 34 об.
118 ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 1, д. 28, л. 12—35.
119 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1867 г., д. 147, л. 22.
120 Там же, л. 27.
121 ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 112, л. 172.
122 Там же, л. 174 — 176 об.; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 7, 1867 г., д. 5, ч. 4, л. 10.
123 ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 112, л. 173—173 об.
124 Цит. по: Татищев С. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. II.— Спб., 1911, с. 22.
125 ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 2015, л. 43, 54—55.
126 ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 279, л. 159 об.
127 Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху.— Спб., 1901, с. 280.
128 Виленский вестник, 1868, 1 авг.
129 Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае, с. 280.
130 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 346, л. 2; Распоряжения графа М. Н. Муравьева по делу народного образования в Северо-Западном крае в 1863—1865 годах.— Витебск, 1898, с. 20—21.
131 ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1857, л. 53 об.
132 Кириллов М. К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX в. и в начале XX в. (1860—1907).— Известия Академии педагогических наук РСФСР, вып. 131, 1964, с. 51.
133 Вестник юго-западной и западной России, 1863, т. III, кн. VIII, с. 239.
134 Корнилов И. П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863—1868 гг.— Спб., 1898, с. 62.
135 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 140, 1862 г., д. 17, л. 15 об.— 16.
136 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.
137 Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 10.

138 Чернушевич П. И. Крестьянское движение в Белоруссии в пореформенный период, с. 102.
139 Там же.
140 Там же, с. 97.
141 ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 2816, л. 64.
142 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 38, 1883 г., д. 28, л. 2—2 об.
143 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1801, л. 333.
144 Там же, л. 302.
145 Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии, с. 117—119.
146 Там же, с. 117, 196—204.
147 ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 3670, л. 47.
148 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1081, л. 333—333 об.
149 ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 174 об.
150 ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 58610.
151 Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 110.
152 Там же, с. 109—110.
153 ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1081, л. 310, 333 об.— 334.
154 Там же.
155 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 625, л. 33 об.—34 об.
156 Там же, л. 34 об.
157 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 171, 1890 г., д. 2341, л. 13 об.
158 Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века, с. 29—31.
159 ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 5, 1875 г., д. 86, л. 14—15; ф. 733, оп. 170, 1875 г., д. 931, л. 5—6.
160 Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, с. 164—165.
161 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 68.
162 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.
163 Верещагин П. Д. Из истории аграрных миграций крестьянства Белоруссии в период капитализма.— В кн.: Из истории крестьянства Белоруссии.— Мн., 1978, с. 73.
164 Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 111.
165 Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 250.
166 Там же, с. 425.
167 ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 2816, л. 53—53 об.
168 ПСЗ, 3 собр., т. I, № 189.
169 Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов с. 425.
170 Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 78.
171 Минский листок, 1887, 1 авг.; Виленский вестник, 1889, 14 янв.
172 Минский листок, 1889, 19 дек.
173 Минский листок, 1890, 2 и 6 марта.
174 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 97.
175 Там же.
176 Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России, с. 70.
177 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 121, д. 1224, л. 61.

[178] Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России, с. 84.
[179] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 163, л. 211.
[180] Там же, д. 151, л. 355.
[181] Там же, л. 356—356 об.
[182] ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 152, л. 128—132.
[183] Там же, д. 163, л. 211.
[184] Там же, л. 212—214.
[185] Там же, л. 215.
[186] Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России, с. 116.
[187] Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 344—350, 419—423.
[188] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 575, 576, 577.
[189] Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, с. 346.
[190] ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. т. X, 1883 г., д. 589, л. 4—4 об.
[191] Там же, л. 5 об.
[192] Там же, л. 8—8 об.
[193] ПСЗ, 3 собр., т. IV, № 2112.
[194] Там же, т. II, № 887, 889.
[195] Гісторыя Беларускай ССР, т. 2, с. 137, 140.
[196] Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии, с. 222.
[197] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 272.
[198] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 329.
[199] Виленский вестник, 1885, 19 февр.
[200] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 38, 1883 г., д. 28, л. 4 об.
[201] Там же, л. 17.
[202] Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 169—171.
[203] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 38, 1883 г., д. 28, л. 58 об.
[204] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 39, 1894 г., д. 69, л. 79 об.
[205] Там же, л. 110 об.
[206] Там же, л. 80.
[207] Там же, л. 106 об. — 107.
[208] Виленский вестник, 1885, 28 февр.
[209] ЦГИА БССР (Минск), ф. 458, оп. 1, д. 106, л. 14—14 об.
[210] Виленский вестник, 1886, 7 июля.
[211] ЦГИА БССР (Минск), ф. 458, оп. 1, д. 106, л. 15—15 об.
[212] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 171, 1890 г., д, 2341, л. 2.
[213] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 171, 1886 г., д. 1671, л. 2.
[214] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 171, 1882 г., д. 506, л. 1.
[215] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 171, 1884 г., д. 823, л. 7—8.
[216] Брусникин Е. М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80—90-е годы XIX века).— Вопросы истории, 1970, № 2, с. 36.
[217] Там же, с. 37.
[218] ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3578.
[219] Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике, с. 124—205.
[220] Там же, с. 141—142; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия, с. 197—200.
[221] ПСЗ, 3 собр., т. XIII, № 9754.

222 Брусникин Е. М. Подготовка закона 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских надельных земель, с. 349—350.
223 ПСЗ, 3 собр., т. XIII, № 10151.
224 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 230.
225 Симонова М. С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в., с. 67.
226 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 260.
227 ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3803.
228 ПСЗ, 3 собр., т. IX, № 6198.
229 Брусникин Е. М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в., с. 32.
230 Там же, с. 33—35.
231 Верещагин П. Д. Из истории аграрных миграций крестьянства Белоруссии в период капитализма, с. 79—82.
232 Там же, с. 79.
233 Там же, с. 80, 81.
234 Симонова М. С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в., с. 67.
235 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 156.
236 Полонский А. В. Отношение царского правительства к вопросу о пастбищных сервитутах Белоруссии; он же. Пашавыя сервітуты у парэформеннай беларускай вёсцы.— Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1959, № 4; он же. Сервитуты в аграрном строе Белоруссии феодальной формации.— В кн.: Из истории крестьянства Белоруссии.— Мн., 1978 и др.
237 Денисюк В. И. Борьба крестьян Гродненской губ. за сервитутные земли во второй половине XIX в.— Ученые записки. Гроднен. пед. ин-т, 1958, вып. 4.
238 Рихтер Д. Материалы по вопросу о поземельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, с. 602—604.
239 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1867 г., д. 30, л. 44—44 об.
240 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ПО, 1865 г., д. 682, л. 290—291.
241 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1867 г., д. 30, л. 44 об., 52 об.— 54.
242 ЦГИА ЛитССР, ф. 378, ОО, 1867 г., д. 1955, л. 1—114.
243 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1879 г., д. 78, л. 11 об.— 12.
244 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1885 г., д. 1, ч. I, л. 366—383; ч. II, л. 189.
245 Там же, д. 1, ч. II, л. 189.
246 Минский листок, 1894, 14 окт.
247 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1885 г., д. 1, ч. II, л. 36 об.
248 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1869 г., д. 171, л. 28—37; ф. 1291, оп. 33, 1885 г., д. 1, ч. II, л. 36 об.
249 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1868 г., д. 61а, л. 17—17 об.
250 Там же, л. 15 об.— 17.
251 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1867 г., д. 30, л. 52 об.
252 Там же, л. 52.
253 Там же, л. 51 об.
254 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1868 г., д. 61а, л. 226—300.
255 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1869 г., д. 171, л. 28—37.
256 ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 175—175об.
257 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1879 г., д. 78, л. 18 об.

258 Там же, л. 11 об.— 12 об.
259 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1885 г., д. 1, ч. II, л. 119 об.—120.
260 Там же, л. 22.
261 Там же, ч. I, л. 37.
262 Там же, ч. II, л. 116 об.— 117.
263 Там же, ч. III.
264 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 78, 1887 г., д. 35, л. 5, 6, 7 об., 8.
265 ПСЗ, 3 собр., т. XII, № 8473.
266 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.
267 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 64.
268 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.
269 Тройницкий А. Крепостное население России по Х народной переписи.— Спб., 1861, с. 12—14.
270 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1867 г., д. 1, л. 26 об.; Неупокоев В. И. Контрреформа в государственной деревне Литвы (1857—1862 гг.).— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.— М., 1970, с. 23—56.
271 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1867 г., д. 1, л. 26 об.— 27.
272 Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г., с. 120—122; Неупокоев В. И. Контрреформа в государственной деревне Литвы, с. 56.
273 ПСЗ, 2 собр., т. XLI, II отд., № 43888.
274 ПСЗ, 2 собр., т. XLII, № 44590.
275 Там же, № 45077.
276 Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России, с. 287.
277 Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии, с. 167.
278 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1864 г., д. 73, л. 111 об.
279 Там же, 1867 г., д. 60, л. 3.
280 Там же, л. 4—5.
281 Там же, л. 9—10.
282 ПСЗ, 2 собр., т. XLIII, № 45505.
283 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1875 г., д. 9б, л. 213—214.
284 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1868 г., д. 39, л. 3 об.
285 Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863—1864, с. 18—19.
286 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1875 г., д. 9б, л. 137 об.
287 Там же, л. 119.
288 Там же, л. 130.
289 Там же, л. 131 об.
290 Там же, л. 116.
291 Там же, л. 293.
292 ПСЗ, 2 собр., т. LI, № 55974.
293 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1875 г., д. 2, л. 225—231.
294 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 1 (т. XV), 1864 г., д. 73, л. 94, 161 об.
295 Там же, л. 99 об.
296 Там же, л. 106.
297 ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, № 41109.
298 ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, 1880 г., д. 4100, л. 174 об.—175 об.
299 ЦГАОР СССР, ф. 109, 3 эксп., 1876 г., д. 7, л. 39—40.
300 ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. 2, д. 166, л. 314.
301 Там же, л. 312—313.

[302] Там же, л. 315—324.
[303] Там же, л. 314 об.— 315.
[304] ПСЗ, 3 собр., т. II, № 937.
[305] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 34, 1889 г., д. 361, л. 99.
[306] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1882 г., д. 8 (документ от 18 ноября 1884 г.).
[307] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1876 г., д. 2, ч. I, л. 196.
[308] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. X, 1886 г., д. 38а, л. 231.
[309] Там же, л. 271 об.
[310] Там же, л. 268.
[311] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1876 г., д. 2, ч. I, л. 16—16 об.
[312] Там же, л. 62 об., 64.
[313] Там же, л. 16—16 об.
[314] Там же, л. 66.
[315] Там же, л. 23 об.
[316] Там же, л. 64 об., 116—117.
[317] Там же, л. 3, 26—26 об.
[318] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. X, 1886 г., д. 38а, л. 268; ф. 1291, оп. 33, 1876 г., д. 2, ч. I, л. 64 об., 116—117.
[319] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1876 г., д. 2, ч. I, л. 118—120, 138—165, 168.
[320] ЦГИА СССР, ф. 1149, оп. т. X, 1886 г., д. 38а, л. 3 об., 106 об.—107.
[321] Там же, л. 146, 183 об.— 184.
[322] Там же, л. 231.
[323] Там же, л. 47.
[324] Там же, л .10 об.— 11 об., 16—18 об., 102—105.
[325] ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3789.
[326] ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 33, 1887 г., д. 4, ч. IV, л. 189—190, 149—150, 157—158, 169—172.
[327] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 263.
[328] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 292.

Заключение

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 61.
[2] Там же, с. 62.
[3] Там же, с. 403.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 137.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 62.
[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 125.
[7] Там же, с. 96.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.
[9] Ленин В. И. Полн .собр. соч., т. 2, с. 100.
[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 58.
[11] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 172.
[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 363.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СУСАННА МИХАЙЛОВНА САМБУК

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Редактор А. С. Пекарский
Художник К. С. Ракицкий
Художественный редактор В. А. Жаховец
Технический редактор И. П. Тихонова
Корректор З. Я. Авербах

ИБ № 680

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. Сдано в набор 02.11.79. Подписано в печать 05.03.80. АТ 08038. Формат 84×108[1]/32. Бум. тип. № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 1000 экз. Зак. № 1917. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600. Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника». 220600. Минск, Ленинский проспект, 68.

1 р. 10 к.